

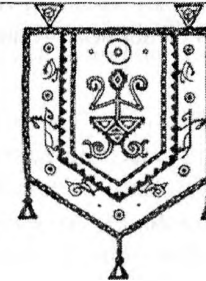
Д.С. Кидирниязов

*Экономические и
культурные связи ногайцев
Северо-Восточного Кавказа
с соседними народами
в XVIII-XIX вв.*

Д.С. Кидирниязов

*Экономические и
культурные связи ногайцев
Северо - Восточного Кавказа
с соседними народами
в XVIII-XIX вв.*

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Дагестанское книжное издательство
Магачкала 2010

ББК – 63.3 (2Р – 6Д) 5
УДК – 94 (470.67)
К – 38

Кидирниязов Д.

К – 38 Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII-XIX вв. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2010. – 152 с.

В книге доктора исторических наук, профессора Кидирниязова Д.С. «Экономические и культурные связи ногайцев Северо – Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII – XIX вв.» подробно рассматриваются хозяйство, торгово-экономические и культурные взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в изучаемое время.

Книга рекомендуется широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой народов Северного Кавказа.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ББК – 63.3 (2Р – 6Д) 5
УДК – 94 (470.67)

К 050302900 – 67 102 – 2010
М 123 – 2010

ISBN 978-5-297-01462-2

© Кидирниязов Д., 2010

© Дагестанское книжное
издательство, 2010

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Хотим вас обрадовать выпуском новой книги доктора исторических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН Данияла Кидирниязова «Экономические и культурные связи ногайцев Северо – Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII – XIX вв.».

Северо – Восточный Кавказ является одним из крупных географических регионов, многочисленные этнические группы которого имеют глубокую общность исторических судеб. Здесь происходили значительные политические события, так как данный регион был в поле зрения интересов таких держав, как Россия, Иран и Турция. Они вели здесь активную наступательную политику. По своему влиянию на Северо-Восточный Кавказ, в том числе и ногайцев, Российская империя имела перед другими державами бесспорное преимущество – это территориальная близость, наличие длительного опыта сотрудничества с местными народами.

Выбор для исследования XVIII – XIX вв. объясняется тем, что для истории Северо – Восточного Кавказа это был цельный хронологический период, характеризующийся стабильным расширением взаимовыгодных российско – кавказских политических, торгово – экономических и культурных взаимоотношений, постепенным вовлечением региона во всероссийский рынок.

Как известно, в советское время в кавказоведении появились научные и научно-популярные публикации, в которых необъективно оценивалась роль России в исторических судьбах народов Северо – Восточного Кавказа, преднамеренно скрывались теневые стороны сложных и противоречивых в прошлом взаимоотношений. В этих условиях особую остроту и актуальность представляет дальнейшее изучение и освещение с современных позиций возникновения и развития взаимоотношений народов региона между собой и Россией в целом. Эта проблема напрямую связана с сегодняшними интеграционными процессами ногайцев с народами Российской Федерации и важна как в теоретическом

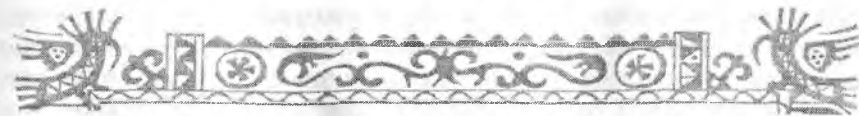
плане, так и в плане понимания и решения многих современных этнополитических и межнациональных проблем.

В своей работе автор опирался на архивные источники и многочисленные труды как отечественных, так и зарубежных историков.

Даниял Кидирниязов является автором около 250 научных работ, изданных в Москве, Санкт – Петербурге, Махачкале, Анкаре, Баку, Тбилиси, Ташкенте, Ростове – на- Дону, Казани, Уфе, Нальчике, Ставрополе, Майкопе, Астрахани, Пятигорске, Черкесске и др. Так же он автор 10 книг.

За успехи в науке Даниял Кидирниязов награжден Почетными грамотами и благодарностями Института ИАЭ ДНЦ РАН и Президиума РАН, а также ему присвоено почетное звание « Заслуженный деятель науки Республики Дагестан».

*Бийке КУЛУНЧАКОВА,
Народный писатель РД*

ВВЕДЕНИЕ

*« В истории меньше крови, а больше дружбы,
потому что, если было бы наоборот, – история
давно бы уже окончилась».*

Б.Б. Пиотровский, академик

Многочисленные народы Северо-Восточного Кавказа издавна находились в многосторонних связях между собой и шли общим путем социально – экономического и культурного развития. Это обстоятельство, а также естественно-географические условия способствовали выработке у них общих черт в хозяйстве и быту, в материальной и духовной культуре, в нравах и обычаях, что сделало Северо – Восточный Кавказ одним из своеобразных историко – этнографических регионов.

Однако, при значительной общности и сходстве народы Северо – Восточного Кавказа имели в прошлом немало и существенных различий. Не говоря уже об известном многоязычии народов Кавказа, их отличали друг от друга и уровень общественного развития, и отдельные черты материальной и духовной культуры. Поэтому объективное изучение истоков складывания и развития дружеских отношений ногайцев с народами Северо – Восточного Кавказа, развитие экономики и культуры региона имеют огромное значение.

Актуальность данного исследования определяется еще и тем, что, не изучив эту проблему, нельзя воссоздать подлинно научную историю народов региона, а также и тем, что ее разработка способствует еще большему укреплению дружбы народов, помогает воспитанию населения в духе патриотизма и интернационализма.

Особенно актуальным является изучение роли русского народа в исторических судьбах нерусских народов страны, а также неразрывность судеб народов Северо – Восточного Кавказа и всей России в контексте взаимоотношений между мусульманским и христианским мирами. Кроме того, особое звучание и остроту проблема русско – северокавказских взаимоотношений приобрела в связи с реальностью сегодняшнего дня, когда в конце XX века обострились межнациональные отношения в бывшем Советском Союзе и распад этого могущественного государства вызвал волну военных конфликтов на Кавказе.

Как известно, летом 1999 года международные террористы и религиозные экстремисты, щедро снабжаемые зарубежными спонсорами финансами и вооружением, совершили наглое бандитское нападение на один из субъектов Российской Федерации – Дагестан, надеясь, что народы многонациональной республики поддержат их и позволят превратить Дагестан во врага Российского государства. Народы Дагестана стойко выдержали все испытания, они еще раз убедились в том, что путь государственно – политического обустройства их в составе России является единственно верным и перспективным. Яркой демонстрацией этой позиции явилось всеобщее выступление населения Дагестана против террористов и их разгром на территории республики.

Цель работы – исследовать в комплексе проблему взаимоотношений ногайцев с народами Северо – Восточного Кавказа XVIII –XIX вв. Без освещения этих вопросов невозможно разобраться в сложных исторических процессах, происходивших внутри ногайского общества.

На основе глубокого анализа и широкого использования всех доступных источников в работе определены следующие задачи:

- опираясь на теоретические разработки предшественников, осветить основные направления экономических и культурных связей ногайцев с народами региона;

- рассмотреть основные центры торговли Северо – Восточного Кавказа;

- осветить ассортимент товаров, имевших хождение в торговых связях ногайцев с народами региона;

- показать процесс постепенного включения региона в сферу экономических интересов России, интегрирование русского капитала во все важнейшие отрасли хозяйства Северо – Восточного Кавказа и значение этих процессов для развития экономики последнего.

Источниковую базу исследования составил широкий круг материалов. При анализе узловых вопросов преимущество отдавалось различным по содержанию и характеру источникам: архивным документам, путевым заметкам и другим сочинениям современников, различным мемуарам и деловой переписке, работам исследователей, правительственным актам, решениям различных органов.

Следует отметить, что гораздо меньше необходимых сведений содержится в архивах о внутренней жизни народов Северо – Восточного Кавказа, об их экономической и социальной истории. И тем не менее в них содержится некоторый материал о трудовой деятельности населения, его занятиях, о хозяйственном развитии региона: об освоении новых земельных массивов, о сдвигах в земледелии и скотоводстве, вне-

дрении новых полевых и огородных культур, развитию садоводства, разведении улучшенных пород скота. В документах можно найти также сведения о развитии ремесла и мелкотоварного производства, расширении торговых связей местных народов между собой и с Россией, свидетельствававшие об ускоренном развитии экономики Северо– Восточного Кавказа, о постепенном включении его в орбиту всероссийского рынка.

Памятники фольклора народов Северо–Восточного Кавказа чрезвычайно разнообразны и в исследовании используются для освещения социально- экономических или политических связей народов региона между собой, Россией и другими государствами. В основе большинства их лежат исторические события, которые происходят в жизни народов региона исследуемого периода. А устное народное творчество ногайцев особенно богато материалами, отражающими их дружеские исторические связи с соседними народами и русскими.

Основным критерием для привлечения фольклорных источников при изучении событий и фактов рассматриваемого времени были для автора упоминания имен лиц, известных по документам того времени¹.

Специальные исследования непосредственно по изучаемой проблеме немногочисленны. Напротив, круг исследований, которые имеют к ней то или иное отношение, чрезвычайно широк. Имеется широкий круг работ дооктябрьского периода и новейшего времени, в которых создан и систематизирован огромный материал по истории русско – ногайских отношений, да и в целом народов Северо-Восточного Кавказа с Россией в XVIII-XIX вв. В этих работах затронуты важные аспекты и конкретные события, связанные с ролью народов региона в кавказской и восточной политике России.

Кавказская проблема занимала определенное место в советской историографии. Работы отечественных исследователей, написанные с марксистско- ленинских позиций, освещали многие вопросы взаимоотношений народов Кавказа с Россией. Отмечая колониальную сущность внешней политики России, особенно в «восточном вопросе», советские авторы отмечали и прогрессивную роль России в судьбе народов Кавказа.

В новейшее время появилось огромное количество разноплановой исторической литературы в виде обобщающих трудов, монографий, статей и рецензий, в которых освещены отдельные стороны истории

¹ Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994; Сб. Сорок ногайских богатырей. / Сост. А.И. Сикалиев. Махачкала. 1991)

народов Северо-Восточного Кавказа и внешнеполитического курса России в отношении народов региона.

В 50-70-е годы XX века вышли в свет обобщающие труды по истории Дагестана, Чечни, Карачаево-Черкессии и Ставропольского края. В 1988 году вышли два тома истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года. Мы широко опирались на соответствующие разделы этих обобщающих работ, в которых раскрываются вопросы социально-экономических, политических и культурных взаимоотношений ногайцев с соседними горскими народами, казаками и Россией. Вместе с тем нужно отметить, что с момента выхода этих работ, историческая наука обогатилась новым корпусом документальных источников, часть которых вводится в оборот в данном исследовании.

Основываясь на обширном круге источников, он показал экономические аспекты восточной политики России с народами региона¹. Наиболее интересными, содержательными и затрагивающими внимания исследовательскими работами отечественных историков, на наш взгляд, являются труды Е.Н. Кушевой, В.Г. Гаджиева, Б.Г. Алиева, М.-С.К. Умаханова, М.Р. Гасанова, Я.З. Ахмадова, Н.А. Сотавова, Г.А. Джахиева, Н.А. Магомедова² и др. Они помогли выделить те аспекты исследования, которые являются наиболее актуальными в свете современных представлений о предмете и задачах исторической науки. В их работах анализируются сложные, противоречивые, порой взаимоисключающие отношения народов Кавказа с Россией, Турцией и Ираном.

Особый интерес представляет публикация В.Г. Гаджиева³, посвященная анализу источника первой трети XVIII в., в которой большое вни-

мание уделено народам Северо-Восточного Кавказа, в том числе и ногайцам.

Из работ советского и новейшего времени историографии, имеющих непосредственное отношение к освещению торгово-экономических взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа с Россией и между собой, следует отметить исследования А.В. Фадеева, Н.П. Грищенко, Х.Х. Рамазанова, М.Р. Гасанова, М.Х. Мансурова, Д.С. Васильева, Э.М. Далгат, Н.А. Магомедова, А.С. Акбиева, Е.И. Иноземцевой, А.Г. Мансуровой, Н.Н. Великой⁴ и др.

Большой вклад в дело изучения истории народов региона внес А.В. Фадеев. В работе автор раскрыл историческое значение освоения огромных степных пространств. Он справедливо подчеркивает, что методы и способы заселения региона определялись, в первую очередь, стратегическими и политическими задачами царизма в тот период. Царизм осуществлял здесь завоевательную политику военно-феодалными методами (что сохраняется и в пореформенный период). Чисто стратегические соображения определяли и ход самой колонизации. Автором ярко воссоздается картина первых крестьянских переселений в дореформенный период (с 70-х гг. XVIII в. - вплоть до середины XIX в.). Кроме того, он уделил большое внимание экономическим связям русских переселенцев с местными народами, в том числе с ногайцами.

Особо следует сказать о работе Е.И. Иноземцевой. В ее монографии на основе широкого круга опубликованных данных, а также впервые вводимых в научный оборот архивных источников, опираясь на достижения российского кавказоведения, обстоятельно исследуется динами-

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958.

² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI-30-е годы XVII века). М., 1963; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002; Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973; Гасанов М.Р. Дагестан в составе России (вторая пол. XIX в.). Махачкала, 1999; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829 гг.) Махачкала, 1991; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй пол. XVIII-начале XIX в. Махачкала, 2000.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957; Грищенко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX в.// Труды ЧИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. IV; Он же: Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V-сер. XIX века. Ростов-на-Дону, 1984; 1984; Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900 гг.). Махачкала, 1972; Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994; Мансуров М.Р. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994; Васильев Д.С. Очерки низовьев Терка: досоветский период. Махачкала, 1986; Далгат Э.М. Крестьянство Дагестана на рубеже XIX-XX вв. Проблемы социально-экономического рубежа. Махачкала, 1999; Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII-первой половине XIX вв. Махачкала, 1998; Акбиев А.С. Кумыки. Вторая пол. XVII-первая пол. XVIII в. Махачкала, 1998; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII-первой половине XIX в. в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001; Мансурова А.Г. Цудахария (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII-70 гг. XIX вв.). Махачкала, 1995. Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001.

ка развития процесса взаимообусловленного, обоюдновыгодного торгово-экономического взаимодействия Дагестана и России рассматриваемого периода.

Для нашего исследования важнейшее значение имеют труды отечественных историков, в которых специально рассматривались различные аспекты социально-экономической и политической истории ногайцев. Это работы Е.П. Алексеевой, С.Ш. Гаджиевой, Б.Б. Кочекаева, Л.Н. Кужелевой, И.Х. Калмыкова, А.И.-М. Сикалиева, Р.Х. Керейтова, М.А. Булгаровой, А.Х. Курмансеитовой, А.А. Ялбулганова, М.Б. Гимбатовой и др.

Попытка кратко изложить в целом этническую и социально-экономическую историю ногайцев проделана в монографии Е.П. Алексеевой «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии», в которой автор на основании письменных и археологических источников кратко характеризует экономическое и родо-племенное состояние ногайцев до XVII века, выделяет период образования ногайского народа (XIII – сер. XV вв.), останавливается на известиях по исторической географии различных ногайских подразделений на северокавказском регионе. Кроме того, в работе автор отмечает, что основой хозяйства у ногайцев было скотоводство, а переход к земледелию, как главному направлению в хозяйстве, по мнению Е.П. Алексеевой, произошел во второй половине XVII в.

В двух фундаментальных монографиях С.Ш. Гаджиевой затрагиваются многие вопросы этнической и экономической истории, социального строя, а также торгово-экономические связи ногайцев.

Важный вклад в дело изучения ногайцев внес Б.Б. Кочекаев. В своей монографии «Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX вв.» автор считает неприемлемым употребление термина «подданство» по отношению к ногайцам, оперируя для обоснования своей точки зрения соответствующими статьями международного права. Вхождение ногайцев в состав России, по мнению автора, происходило как «путем завоевания», так и путем «признания населением русской власти без вооруженного сопротивления». Придерживаясь марксистской методологии, Б.Б. Кочекаев выделяет и рассматривает эксплуататорский и эксплуатируемый классы, формы эксплуатации в ногайском обществе и т.д.

В основу многопланового труда «Ногайско-русские отношения в XV – XVIII вв.» положен огромный фактологический материал. Б.Б. Кочекаев выделил три основных этапа в русско-ногайских отношениях: образование и распад Ногайской Орды (XV – первая пол. XVII вв.; период феодальной раздробленности (вторая пол. XVII – первая пол.

XVIII вв.); вхождение ногайских владений в состав России (вторая пол. XVIII в.).

В 1974 г. в Москве в издательстве «Наука» вышла работа Н.Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII– начале XX в.в.». Книга представляет собой первое в кавказоведении исследование вопросов расселения северокавказских народов и изменения этнических территорий этих народов на протяжении более двух столетий. Кроме того, в ней подробно освещаются многочисленные передвижения ногайцев, указывается на расселение различных групп ногайцев в регионе, причем основными причинами изменения этнических границ определяются события внешней и внутренней сфер жизни ногайцев.

В совместной работе Д.А. Напсо и С.А. Чекменева¹ исследуется многовековая, полная свершений и трагических событий история взаимоотношений народов Северного Кавказа между собой и Россией. Кроме того, этническая история ногайцев освещается в преломлении места ногайцев в политике Крыма, Османской империи и России, в результате чего авторы сошлись во мнении, что ногайцы использовались в геополитических интересах этих держав. При этом и Османская империя (а за ней и Крымское ханство), и Россия практиковали почти одинаковые методы для привлечения ногайцев на свою сторону и для укрепления среди них своих позиций: подкупы, поощрения, выделение значительных земельных наделов и т.д. А известные акты вхождения ногайцев в состав России, по мнению Д.А. Напсо и С.А. Чекменева, носили в основном условный характер и часто нарушались.

В монографии Н.Н. Гаруновой² на основе широкого круга не только опубликованных, но и впервые вводимых в научный оборот архивных источников, освещается история становления и развития г.Кизляра-крупного военно-административного центра Северо-Восточного Кавказа исследуемого периода. Кроме того, автор рассматривает Кизляр как центр культурного и духовного развития народов Северо-Восточного Кавказа.

В другой работе проф. Гаруновой исследуется система многогранных методов и форм кавказской политики Российской империи в изучаемое время, осуществлявшейся через российские города-крепости в регионе. Показана роль городов Северо-Восточного Кавказа в процессе вовлечения местных народов в сферу влияния власти Российской империи. Кроме того, аргументированно отмечены различные приемы и ме-

¹ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Черкесск, 1993.

² Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII- первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004.

тоды российских властей по интеграции народов Северо-Восточного Кавказа в политическое, экономическое и социокультурное пространство Российского государства.

В работах отечественных исследователей советского периода и новейшего времени на основе анализа большой совокупности русских, иностранных и местных источников удалось показать и доказать, что Ногайская Орда (позже Большие и Малые Ногаи), в целом Кавказ имели важнейшее значение в политике Российского государства. Одним из основных выводов этих исследований является то, что сближение народов региона с Россией было не случайным, а объективно закономерным явлением, обоюдовыгодным. Присоединение народов Северо-Восточного Кавказа к России большинство исследователей считают прогрессивным для народов региона, хотя критикуют методы и формы, при помощи которых это произошло.

Подводя итог обзору научной литературы, отметим, что, несмотря на специальные работы по истории ногайцев, все еще отсутствуют обобщающие труды по теме нашего исследования.

Комплексное использование всей совокупности имеющихся источников и литературы с учетом достижений российского кавказоведения позволило нам реконструировать процесс развития взаимоотношений ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в исследуемое время.

* * *

Автор выражает признательность за помощь ученым Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, где выполнялось монографическое исследование.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I.

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА РЕГИОНА. ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Этническая карта региона в изучаемое время, как и в предыдущие эпохи, не оставалась неизменной. В исследуемое время на Северо-Восточном Кавказе окончательно сложились территориально-языковые общности, основы которых были заложены в предшествующий период.

В XVI- XVII вв. чеченцы населяли труднодоступные горные ущелья к востоку от верхнего течения реки Терек до Дагестана¹. В середине XVI века часть аккинцев (чеченцев) переселилась в предгорье между рек Аксай и Акташ, по реке Ямансу, и образовала Ауховское общество². Поселившиеся вблизи Сунженского острога и Терков аккинцы именовались «ококи», «окочане»³. В XVII в. также началось переселение части чеченцев и ингушей к реке Сунже, постепенно приближаясь к городкам терских казаков⁴.

Следует отметить, что этнотерритория аварцев в XV в. была несколько меньше, чем в конце XVII в. Аварцы населяли весь бассейн Аварского Койсу и Кара Койсу в его нижнем течении и левый берег до водораздела Салатавского хребта. В XVI в. этническая территория аварцев начинает расширяться в связи с миграционными процессами, охватившими в это время всю зону Большого Кавказа, в особенности его северную часть. В начале XVI в. закладываются основы для образования Салатавского союза сельских обществ на северном склоне Салатавского хребта. Процесс этот закончился в первой половине XVII⁵ в.

В середине XVI в. наблюдается сильная миграция аварцев из верховьев Аварского Койсу на южные склоны Главного Кавказского хребта, примыкающие к Алазанской долине⁷. В XVI- XVII вв. продолжалось переселение аварцев в Джаро-Белоканы⁸. В это же время почти не из-

менилась территория расселения андо-цезов в средней и верхней части Андийского Койсу. Однако согласно некоторым топонимическим материалам, андийцы расселяются значительно далее вниз по Андийское Койсу⁹.

В XVI- XVII вв. лакцы компактно были расселены в бассейне Казикумухского Койсу. Следует сказать, что в XVI- начале XVII вв. возникают лакские села Балхар, Уллучара, Цуликана, Кулибухна, Чикунни в даргинской этнической среде, Аракул и Катрух – в рутульской, Шалиб- в аварской¹⁰.

В XVI- XVII вв. территория кайтагцев находилась выше слияния двух основных притоков р. Уллучай и далее к югу до его водораздела с бассейном р. Рубас¹¹.

В XVI- XVII вв. кубачинцы, оставаясь самостоятельной этнической группой, жили в селах Кубачи. Амузги, Ашты, Сулевкент, Шири¹². Значительная часть носителей даргинских диалектов в XVI- XVII вв. была расселена в восточной части предгорной зоны Дагестана¹³. Небольшая группа даргинцев (с. Хурбук) находилась между кумыкскими селами Эрпели и Кафыр- Кумух, даргинское село Чираг было расположено между агульскими и лакскими селами¹⁴.

Обширную территорию Терско- Сулакской и Прикаспийской низменности, от Терека до Башлычая (Артузень), в XVI- XVII вв. населяли кумыки¹⁵.

В XVI-XVII вв. в г. Дербенте и его округе жили азербайджанцы, горские евреи, таты. Табасаранцы к началу XVII в. заселяли весь горный и предгорный бассейн реки Рубас, при этом в горной зоне территория табасаранцев достигала среднего течения реки Чирагчай¹⁶.

Агульцы в XVI- XVII вв. населяли верхний бассейн р. Чирагчай и верховья р. Курагчай, границами их этнической территории были водоразделы с речными системами Рубаса, Казикумухского Койсу и Самура¹⁷.

Лезгины проживали в Южном Дагестане: 1. В междуречье рек .Курагчай и Чирагчай (вверх до села Ашар); 2. Часть бассейна реки Самур от сел Хлют и Гдым до села Гилах на правой и до села Гапцах на левой стороне его долины; 3. Села в наиболее высокой части водораздела рек Самур и Кусарчай.

Вторая (более поздняя) группа лезгинских сел в Южном Дагестане располагалась в равнинно- предгорной полосе низовьев рек Гюльгерычая и Самура, а также к югу от водораздела Главного Кавказского хребта¹⁸

В XVI- XVII вв. рутульцы населяли верхнюю часть бассейна реки Самур, в том числе верховья реки Ахтычай и весь бассейн левого притока Верхнего Самура и Шиназского притока.¹⁹

Цахуры жили в бассейне правого притока Верхнего Самура. В XVII в. из четырех цахурских общинных союзов один находился на Верхнем Самуре, а три (Джиныхский, Илисуйский, Баш- Сувагильский) – в бассейнах рек Курмухчай и Карачай²⁰.

Северо-Восточную часть Дагестана в XV-XVI вв. занимало Тюменское владение. Оно включало в себя земли по нижнему течению р. Терек и левобережью устья р. Сулак²¹. В Тюменском владении наряду с другими народами проживали и ногайцы. С постройкой в конце XVI в. русской крепости в устье Терека это владение потеряло свое значение²².

В середине XVI в. между Тереком и Сунжей возникли укрепленные городки гребенских казаков. Селились казаки ниже впадения Сунжи в Терек, на правом ее берегу²³.

В момент появления вольных казаков на Тереке их ватаги не представляли собой какую-либо монолитную группу выходцев из определенного района России²⁴.

В XVI-XVII вв. в регионе поселились также армяне, туркмены и др²⁵.

В XVIII в. на юге, от Башлинской речки до Гюрен- Чая, проживали азербайджанцы, таты и горские евреи.

Территорию от Прикаспийской низменности, на запад предгорного и нагорного Дагестана через гребень Кавказского хребта до Алазанской низменности Грузии населяла аварская группа народностей. Южные скаты Андийского хребта и бассейн левого притока Андийского Койсу населяли андийцы и ботлихцы. Западнее их жили годоберины. В правобережье Андийского Койсу жили каратинцы, багулалы, тиндинцы, чамалалы. Южнее каратинцев на северном и восточном скате Богосского хребта в верховьях Ахвахской речки, правого притока Андийского Койсу, проживали ахвахцы, а в верховьях- хваршини. На границе с Грузией, в долинах Монмата, Иланхеви, Кифири, Сабахунисхеви и Орицхали, жили дидойцы. К юго-востоку от дидойцев в бассейне рек Хван- ор и Симбирис- хеви Кедири, проживали бежтинцы, гунзибцы и генухцы²⁶.

Центральный Дагестан, от восточного склона Турчи- Дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюлти- Дага, долину Казикумухского Койсу, населяли лакцы. В горной и предгорной зоне среднего Дагестана до низменности, юго-восточнее аварцев и лакцев жили даргинцы. Юго- западнее даргинцев, в горной и предгорной частях Дагестана, непос-

редственно примыкающих к южной части Прикаспийской низменности, проживали табасаранцы. Весь предгорный и нагорный Южный Дагестан населяли лезгины. Среднюю часть долины Самура населяли рутульцы, а верховья - цахурцы. В верховьях Чирахского и Курахского ущельев проживали агульцы²⁷.

Как видно, картина расселения народов Дагестана обнаруживает большую стабильность. Однако, это не означает, что здесь почти не происходили миграционные процессы. Наоборот, в XVIII в. были довольно интенсивны переселения безземельных горцев в Северный Азербайджан, в Джаро-Белоканские общества и Елисуйский султанат, население которых состоялось в основном из цахур и аварцев²⁸.

В XVIII в. этническая территория вайнахов (чеченцы и ингуши) находилась между северными склонами Главного Кавказского хребта, правобережьем Терека, бассейном р. Аксай на востоке и низовьями р. Армхи на западе²⁹.

Переселение с гор чеченцев на правобережье Терека (выше впадения в него Сунжи) началось не ранее 40-х гг. XVIII в. В 70-90-х годах значительное число чеченцев расселилось вдоль Терека - от Брагунов до Верхнего Наура³⁰.

В XVIII в. усилился приток в регион русских, украинцев, армян, грузин, туркмен и др.³¹.

Гребенские казаки в начале XVIII в. населяли ряд «городков» по обоим берегам реки Терек: Курдюков, Наурский, Червленый и др. Позже все гребенские станицы были размещены на левом берегу Терека³².

В 1783 г. около 65 тыс. десятин земли в низовьях Терека были «пожалованы за службу» генерал-губернатору, князю А.А. Вяземскому. Для освоения этих земель князь Вяземский переселяет сюда крепостных крестьян из своих имений, расположенных в Центральной России. Так возникли села Старый Бирюзак, Раздолье, Черный Рынок, Коктюбей и Брянское³³.

По соседству с князем Вяземским получил 14667 десятин земли астраханский прокурор Андрей Тарумов. В 1786 г. он поселил здесь первую партию крестьян. Этот год считается годом основания села Тарумовка³⁴.

Городское население региона в первой половине XVIII в. имело только в Дербенте, Терском городе, Святом Кресте, Кизляре. Во второй половине XVIII в. появляется город Моздок³⁵.

К началу XIX в. на Северо-Восточном Кавказе произошли заметные изменения в этническом составе региона и расселении народов.

Вайнахи (чеченцы, ингуши, карабулаки) занимали территорию западнее рек Камбилеевки и Армхи до Аксая. К началу XIX в. произошло значительное передвижение ингушей на равнину рек Терека и Сунжи³⁶.

Равнинную часть Прикаспийской низменности, от реки Терек вдоль Каспийского моря до реки Орасай Булак, как и ранее, заселяли кумыки. Южнее кумыков, в среднем Дагестане, заселяя предгорье и обширное нагорье, перерезаемое многими ущельями, жили даргинцы и этническая группа даргинцев-кайтагцы и кубачинцы. В самом центре нагорного Дагестана жили лакцы. Нагорную часть Северного и Западного Дагестана по всему течению рек Аварское Койсу, Кара-Койсу и их притоков, а также низовья Андийского Койсу и верховья реки Сулак заселяли аварцы и родственная им андо-цезская группа народностей: андийцы, чамалалы, хваршинцы, дидойцы, ботлихцы и др. Юго-восточную часть Дагестана населяли лезгины, агульцы, рутульцы, цахуры. Нагорье южнее Кайтага до Чирахской речки населяли табасаранцы.

В приморской части Южного Дагестана, в районе Дербента, жили азербайджанцы, таты, терекемейцы, и горские евреи³⁷.

В первой половине XIX в. значительно увеличилось русское и украинское население региона. Кроме того, на Северо-Восточном Кавказе проживали армяне, грузины, туркмены и др. Так, в 1799 г. к северо-востоку от г. Кизляра образовалось селение Карабаглы, основанное армянскими переселенцами из Нагорного Карабаха. В 1804 г. в нем было 1118 жителей³⁸.

В конце 50-х гг. XIX в. на Северо-Восточном Кавказе среди местного населения (аварцев, даргинцев, кумыков, ногойцев, лакцев, лезгин, чеченцев и др.) продолжавших ориентироваться на султанскую Турцию, началось движение за уход в османские владения. Точно установить число переселенцев трудно. А. Берже по всему Северному Кавказу допускал цифру около полумиллиона человек и считал, что она, возможно, занижена³⁹.

После поражения национально-освободительной борьбы народов Северо-Восточного Кавказа и переселения части местного населения в Османскую империю и другие страны Ближнего Востока, российское правительство взяло курс на заселение региона русскими, украинцами и другими переселенцами.

Начало переселенческому движению в Северо-Восточном Кавказе положило постановление 1863 г., где указывалось: 1) Предоставить наместнику Кавказскому... право раздачи частным лицам участков свободных казенных земель в Терской и Дагестанской областях... 2) Дозво-

лить русским офицерам и лицам гражданского ведомства приобретать в собственность земли от туземцев означенных областей.3) В штаб-квартирах войск Терской и Дагестанской областей... отделять некоторое пространство земли для продажи в частные руки...⁴⁰

Следует отметить, что несмотря на продолжавшийся в течение всего XVIII в. приток на Северо-Восточный Кавказ, в частности в низовья Терека, увеличение численности казачьего населения происходило очень медленно. Так, в 1803 г. в пяти станицах гребенского войска насчитывалось 3554 душ; в терском семейном войске (станции Каргалинская, Дубовская, Бороздиновская)- 2357 душ и в терском кизлярском- 519 душ⁴¹. Следовательно, в этих трех казачьих войсках, не считая Моздокского полка, к началу XIX в. насчитывалось служилых казаков 6430 человек. К началу XIX в. общее население Кизлярского уезда составляло около 26 тыс. человек⁴².

В течение первой половины XIX в. казачье население на Северо-Восточном Кавказе стало расти. Стремясь в разгар национально-освободительной борьбы народов Дагестана и Чечни усилить кавказскую линию новыми казачьими станицами, российское правительство рядом указов обращало расположенные ближе к этой линии села государственных крестьян в станицы, а их жителей- в казаков. В низовьях Терека в разряд казачьих станиц были переданы следующие казенные селения: Александрия (1824 г.), Парабочевское (1832 г.) и Шелкозаводское (1832 г.). Шелкозаводская и Парабочевская вошли в состав гребенского войска, а Александрийская (Копай)- причислена к терско-кизлярскому войску⁴³.

В 1832 г. казенное селение Сосаплинское, имея тогда 513 жителей, преобразуется в казачью станицу Александро-Невскую с причислением ее к Кизлярскому полку⁴⁴.

В 1835 г. численность населения казачьих станиц низовьев Терека, включая и Кизлярскую, составила 10020 человек⁴⁵.

В 1847-1848 годах все низовые казачьи станицы усилились за счет переведенных с Украины 4 тыс. переселенцев из государственных крестьян. Так, в ст. Шелкозаводской поселилось 50 семей (349 чел.)⁴⁶.

С начала XX в. население г. Кизляра снова стало расти в основном за счет переселенцев из центральных губерний России. В 1914 г. оно составляло 12437 человек, а к началу 1916 г.- 16151 человек.

В 1914 по национальному составу в г. Кизляре проживало: 5466 армян, 4375 русских, 320 грузин, 1179 горцев Дагестана, 270 персов, 150 тезиков, 137 ногайцев, 260 евреев, 115 поляков и 268 разных иностранцев⁴⁷.

Следует отметить, что население Дагестана в 1866 г. в современных административных границах составило немногим более 0,5 млн. человек⁴⁸. До конца XIX в. численность жителей Дагестана увеличилась в 1,3 раза⁴⁹. В конце XIX в. чеченцев насчитывалось 226,5 тыс. человек⁵⁰.

* * *

В новейшей научной разработке проводится мысль, что ногайцы в регионе кочевали, по крайней мере, со времен гуннов. Она основывается на том, что в составе гуннов было племя уйсун (усунь), относимое исследователями к догунской эпохе⁵¹. Представители этого племени живут среди всех ногайцев Северного Кавказа. Этноним «сирак» бытует также в составе нынешних ногайцев и своим названием восходит к одноименному племени сарматской эпохи⁵². Кроме того, среди ногайцев Северо-Восточного Кавказа распространено племя «Къобаншылар», т.е. Кубанские, со своей оригинальной тамгой. Все это подчеркивает глубокие корни ногайцев в регионе, питавшиеся ранней тюрко-язычной средой, включавшей кроме гуннов еще и древних булгар, хазар, печенегов (канглы), гузов и т.д.⁵³.

Начиная, по крайней мере, с XIV в. ногайцы играют важную роль в истории региона⁵⁴. В ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. (до образования Ногайской Орды) – заселяют и некоторые местности северокавказского региона (по Тереку, Кубани), о чем сохранились воспоминания в фольклоре вайнахов, башкир и др. Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей Северного Кавказа.

Известные сегодня письменные источники дают возможность нам говорить, что некоторые районы региона, входили в область кочевания ногайцев уже в XV в.

В «Песне об Эдиге» говорится о переселении ногайцев из Крыма «... к подошве Кавказских гор» уже в период Мамай⁵⁵. Некоторые исследователи размещают ногайцев в XV в. в районе Маджар, а к 1490-м годам и в Дагестане⁵⁶.

В русском документе говорится о том, что часть ногайцев «покечевала Пятма горам, под Черкасы»⁵⁷.

В другом источнике сказано, что в 1524 г. «пошел Мамай-мурза» от Астрахани кочевать на старое Ногайское кочевие на Терек на реку под Тюмень... к Хвалынскому (Каспийскому) морю⁵⁸.

О том, что ногайцы проживали на левобережье Сунжи в XV в. свидетельствует белокаменный мавзолей – усыпальница ногайского владельца Бек-Султана, сына Худайнада. Следует отметить, что мавзолей Борга-Каш – единственный в своем роде архитектурный памятник в Предкавказье, сохранившийся до сих пор⁵⁹.

Некоторые осетинские исследователи отмечают, что в Дигорском ущелье также жили ногайцы. По мнению известного кавказоведа Г.А. Кокиева, ногайцы появились в горах Дигории одновременно с асами-дигорцами после распада Золотой Орды и продвижения кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа (в XIV – XV вв.). Г.А. Кокиев также указывает название населенных пунктов и мест, где обитали ногайцы. К ним, в частности, относятся Уаллагком и село Стыр- Дигора.

И только в XVIII веке с проведением Кавказской кордонной линии по левому берегу Терека и с основанием Моздока стала осуществляться мечта осетин (переселение на предгорную равнину Северного Кавказа). Переселенцы- осетины обосновались и в Моздоке, и прилегающем районе, прибывая сюда в течении XVIII- нач. XX вв. из разных регионов нагорной Осетии целыми семьями и группами родственных семейств. Так, сложились Моздокские поселения осетин.

В XVI- XVII вв. часть равнинных территорий Северо–Восточного Кавказа по Тереку, Куме становились местами не только кочевания, но и оседания групп ногайского народа. Вплоть до конца XVIII в. письменные источники показывают картину многочисленных передвижений ногайцев, обусловленных не спецификой их кочевого образа жизни, а внешнеполитическими событиями и междоусобной борьбой внутри ногайского общества⁶⁰. Согласно преданий, ногайцы еще до тимуровского похода проживали в районе Дылыма (современный Казбековский район РД). Из-за постоянных столкновений с чеченцами ногайцы вынуждены были оставить это место⁶¹.

Во второй половине XVII в. под натиском калмыкских тайш вынуждены были переселиться в верховья Кубани джембойлуковцы, едишкульцы, едисанцы и другие подразделения ногайцев.

На Северо–Восточном Кавказе, на правой стороне Терека, в первой четверти XVIII в., как и раньше, проживали две группы ногайцев: терская и аксайско- сулакская. Первая располагалась около крепости Терки, причем часть жила оседло недалеко от Терков, а другая- кочевала в тех же местах. 1724 году ногайцы были переселены к крепости Святого Креста на реке Сулак⁶².

В XVII-XVIII вв. в Засулакской Кумыкии наряду с другими народами проживали эндириевские, аксаевские и костековские ногайцы, а в Тарковском шамхальстве- тарковские ногайцы.

В 1793 г. территория, населенная ногайцами в регионе, была разделена на три приставства: Калаусо- Саблинское и Бештово- Кумское; Калаусо- Джембойлуковское и Ачикулак- Джембойлуковское⁶³.

В 1822 году ногайцы степного региона в административном отношении были разделены на 4 приставства: Калаусо- Саблинское и Бештово- Кумское; Калаусо- Джембойлуковское и Ачикулак- Джембойлуковское, Караногай- Едишкульское⁶⁴. Согласно ведомости главного пристава, численность ногайского населения в Кавказской области по состоянию на 16 октября 1838 г. составляла 64232 человек⁶⁵.

Во второй половине XIX века очень большая группа ногайцев переселилась в Турцию и страны Ближнего Востока.

На Северо–Восточном Кавказе в XIX веке проживали ачикулакские, едисанские, джембойлуковские, едишкульские ногайцы- в западной части Ногайской степи Ставропольской губернии⁶⁶.

Терские, кизлярские ногайцы и караногайцы жили на левом берегу Терека, занимая основную часть современной Ногайской степи⁶⁷.

В пределах Терско- Сулакского междуречья в XIX веке проживали, как и ранее аксаевские, эндириевские, костековские, тарковские ногайцы⁶⁸.

В ноябре 1802 года образовалась Кавказская губерния в составе пяти уездов. Основная масса ногайцев проживала в Моздокском и Кизлярском уездах. В 1822 г. Кавказская губерния была преобразована в область с центром в г. Ставрополь. В 1847 г. Кавказская область была переименована в Ставропольскую губернию. Через 13 лет, в мае 1860 года, образуются две новые области: Кубанская и Терская. Хасавюртовский округ вошел в состав Терской области⁶⁹. В 1888 г. караногайцы также вошли в состав Терской области⁷⁰.

Согласно сведениям А.М. Буцковского за 1812 год в Засулакской Кумыкии проживало 1100 ногайских семейств⁷¹.

Согласно преданиям капчугайцев⁷², ногайцы издавна жили в их селе⁷³.

В «Прошении кумыкских ногайцев»⁷⁴ 1860 г. указывается, что их «поселили в северной стороне Дагестанских гор в 1844 году на нижней стороне дороги Хромого Тимура и Шахского Окопа (Шахсенгер»⁷⁵. В документе также отмечается, что они жили в Капчугае, в Манасе⁷⁶, в Тарки, Бакасе⁷⁷ и др. местах.

В 50-х гг. XIX в. в Ставропольской губернии насчитывалось около 80 тыс. ногайцев (3,7 %), в том числе 14,5 тыс. калаусско-джембойлуковских, 12,2 тыс. ачикулак- джембойлуковских и 38,5 тыс. караногайцев вместе с едишкульцами⁷⁸.

В 80-х гг. XIX в. в Хасавюртовском округе из 1300 семей ногайцев оседло жило до 3585 человек в 4-х аулах: Толма-Куб, Тамаза-Тюбе, Мужукай, Бакыл- Куб⁷⁹. По официальным сведениям к 1-му января 1892 г. в Ачикулакском приставстве Ставропольской губернии насчитывалось 17021 ногайцев, из них мужчин – 9273 человек и женщин – 7748 человек.⁸⁰

В начале XX в. в пределах Кизлярского округа Терской области проживали 36,5 тыс. ногайцев⁸¹.

ГЛАВА II.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

§ 1. Хозяйство ногайцев

Изучение торгово-экономических взаимоотношений, их характера и форм имеет важное значение в воссоздании социально-экономической истории того или иного региона.

Истоки торгово-экономических связей ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа уходят в глубь веков и были обусловлены рядом исторических, естественно-географических и других факторов.

Основным занятием ногайцев исследуемого времени было скотоводство. Ногайцы разводили лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, овец и коз, а также домашнюю птицу (индеек, кур, гусей, уток). Животноводство ногайцев продолжало по-прежнему носить экстенсивный характер, но в XVIII-XIX вв. все больше начинает приобретать и черты интенсивности, чему в значительной степени способствовало развитие сенокосения как результат дальнейшего роста производительности труда в их хозяйстве.

Хотя ногайцы Северо-Восточного Кавказа не испытывали недостатка в пастбищах, а природные условия и так называемая отгонно-кочевая система позволяли им значительную часть года держать скот на подножном корме, они большое внимание уделяли заготовке кормов на зиму. Без этого невозможно было бы достичь сравнительно высокого уровня развития животноводства. Поэтому тщательная подготовка к стойловому содержанию скота в зимних условиях, своевременная заготовка для него необходимых запасов сена и других кормов стали важнейшими хозяйственными занятиями ногайцев. В необходимости изменения традиционных форм хозяйствования, то есть перехода к интенсивным методам скотоводства крестьянина – ногайца убедил многовековой трудовой опыт – его собственный и соседних народов.

Важное место в экономике ногайцев Северо-Восточного Кавказа за-

нимало разведение крупного рогатого скота. У ногайцев он отличался хорошими мясо-молочными показателями⁸². Основной породой, которую они разводили, была ногайская порода, отличавшаяся выносливостью и неприхотливостью к пище⁸³. Следует отметить, что горский скот по своим продуктивным качествам намного уступал ногайскому как по весу, так и по надоям молока. Поэтому благодаря своим мясо-молочным показателям ногайский скот пользовался большим спросом на рынке у соседних народов. В казачьих станицах содержался скот ногайской и черноморской пород.⁸⁴ «Коровы и быки караногайцев,- отмечал С. Фарфоровский,- были средней величины, быки вполне годны для полевых работ и сильны, а коровы достаточно молочны»⁸⁵. Другой автор, Л.М. Кодзиков, долгое время занимавшийся исследованием скотоводства в северокавказском регионе подчеркивал, что у ногайцев Ставропольской губернии «рогатый скот был очень хорошего сорта и закупаляся тысячами голов на местные надобности, а лучшая скотина шла на мясо в столицы»⁸⁶.

Нужно сказать, что ногайцы Терско-Сулакского междуречья, кроме коров, держали также буйволов⁸⁷.

Следует отметить, что статистические данные о количестве скота в целом и о крупном рогатом скоте в частности, стали появляться в сводных сборниках и оседать в различных архивах ведомств во второй половине XIX века в связи с началом обложения податью населения региона.

Местное население, зная о налоговой политике царизма, старалось по возможности скрыть от представителей русских властей реальное поголовье скота. Поэтому следует указать, что статистические данные XIX в. показывают общую картину скотоводческого хозяйства с его успехами и спадами лишь «по минимуму».

Численность крупного рогатого скота у ногайцев региона (не считая ногайцев Терско-Сулакского междуречья) в начале XIX в. в какой-то степени иллюстрирует ниже приведенные сведения в таблице № 1⁸⁸.

Этнические наименования	Число душ	Поголовье крупного рогатого скота
Едисанцы	3130	3687
Джембойлуковцы	2885	4078
Едишкульцы	10294	9786
Оседлые ногайцы	1893	2117
Караногайцы	31851	31189

Численный рост поголовья крупного рогатого скота можно проиллюстрировать на примере ногайцев Притеречных районов в следующей таблице № 2⁸⁹.

Годы	Поголовье крупного рогатого скота
1886	23000
1896	23854
1906	36471
1916	38299

В 1812 г. у ногайцев Ачикулакского приставства было 9418 голов крупного рогатого скота⁹⁰. Наибольшее их число достигло в 1829 г.- 15259⁹¹. Однако в результате сильных морозов и бескормицы ногайцы постепенно теряли свой скот, который год от года уменьшался. Так, например в 1839 г. на 10966 душ населения было всего 1822 головы крупного рогатого скота⁹². Только с переходом к оседлости со второй половины XIX века заметно увеличивается поголовье крупного рогатого скота. Так, в Ачикулакском приставстве это количество достигает в 1879 г.- 19187⁹³, в 1896 г.- 20058⁹⁴, а к началу XX в. (1902 г.) до 23298⁹⁵. По данным Н. Семенова в 1885 г. на 1300 семейств аксаевских и костековских ногайцев приходилось 4299 быков и коров⁹⁶.

В 1841 г. в Кавказской (Ставропольской) губернии на долю ногайцев и туркмен (здесь следует отметить, что основная часть скота принадлежала ногайцам) приходилось 23% крупного рогатого скота и 44% мелкого⁹⁷.

Следует отметить, что упадок скотоводства ногайцев объясняется сужением кормовой базы (оттеснением ногайского населения в засушливые районы Восточного Предкавказья).

Вместе с тем следует указать, что к началу XX в. крупный рогатый скот у ногайцев значительно измельчал в суровых условиях безводных степей, и удои молока намного снизились. К тому же лактационный период длился недолго⁹⁸.

Процесс измельчения крупного рогатого скота сопровождался уменьшением его живого веса. Обычный вес коровы у ногайцев составлял 15-18 пудов, быка от 24 до 30 пудов. Стоимость, в зависимости от веса, составляла: корова от 30 руб и до 150 руб. бык⁹⁹.

Скотоводы- ногайцы, видя сокращение дохода от крупного рогатого скота, в начале XX в. начали предпринимать меры по его оздоровлению путем метизации местной породы с приемлемыми видами скота, за-

купленного в различных районах Северного Кавказа и за его пределами. Так, в частности, в Караногай были завезены быки – производители из Крыма и Астрахани. Однако эти меры не дали желаемых результатов. «Надобно сказать, что во многих стадах попадался и крупный скот, заимствованный у соседей, но сильно захиревший», – писал Ф.О. Капельгородский¹⁰⁰. Таким образом, завезенный скот не только не способствовал оздоровлению местной породы, но сам подвергся измельчению в связи с бедным травостоем в степи.

Главное место в хозяйстве ногайцев отводилось овцеводству. Они разводили, в основном, грубошерстных курдючных овец мясной породы, дающей более 10 кг чистого сала, с темно-серой или светло-коричневой шерстью. Шерсть ногайской породы овец отличалась хорошим качеством и пользовалась высоким спросом на рынках. Овчины ногайской выделки считались лучшими среди местных овчин¹⁰¹. К началу XX в. в Караногае насчитывалось 113133 овец и производились тысячи пудов шерсти¹⁰².

Овцеводство приносило огромную прибыль в виде мяса, шерсти и молока. Особенно ценился овечий сыр¹⁰³. Наверное, не будет преувеличением, если сказать, что в быту ногайцев не было ни одного предмета домашнего обихода и национальных блюд, где бы не присутствовали продукты, полученные от овцеводства. В начале XX в. М. Смирнов подчеркивал, что разведение овцеводства для ногайцев «было их главным и преимущественным занятием. Отсюда они добывали все средства для жизни, и пищу, и одежду, и даже жилище, так как их кибитки были сделаны из кошм, сотканых или связанных из той же овечьей шерсти»¹⁰⁴.

Следует отметить, что в отдельных районах Северо-Восточного Кавказа на протяжении большого времени овца оставалась меновой единицей, своеобразным денежным знаком. Так, например, в степных районах 8 овец приравнивались к одной единице крупного рогатого скота, на 12 овец можно было выменять одного двугорбого верблюда¹⁰⁵.

Особую роль в экономике ногайцев региона играло коневодство. Эта отрасль хозяйства была неотрывно связана со всем укладом жизни ногайцев. Еще в эпоху средневековья ногайцами была выведена порода лошадей, получившая в XVII в. название «ногайская лошадь». Некоторое влияние, указывается в «Книге о лошади», – оказала на кабардинскую породу ногайская лошадь, долгое время разводившаяся на Северном Кавказе, в непосредственной близости от районов разведения ка-

бардинской лошади¹⁰⁶. Ногайскую породу лошадей выращивали так же казаки Притеречья.

Среди ногайцев Северо-Восточного Кавказа коневодство достигло наивысшего расцвета у ногайцев Дагестана, в частности у караногайцев. «Лошади у них, – писал А. Павлов, – росли и различной шерсти: серой, каштановой, красной и темнорыжей, редко бурой; статны и способны более для верховой езды; дики до чрезмерности; никакой европеец, не зная их обыкновения даже с арканом, данным от татарина (ногайца- Д.К.), не в состоянии поймать ее, а более того остановить ее, надеть недоуздок или узду и в случае надобности довести ее до аула»¹⁰⁷.

К лошади ногайцы относились с трепетом. «Уход за лошадьми несколько тщательнее, – отмечал Г. Малявкин, – те и другие (овцы – Д.К.) находятся под постоянным присмотром пастухов»¹⁰⁸. Ногайцы строго следили за тем, чтобы лошадь была накормлена и напоена.

Выращивание лошадей у ногайцев носило обычно табунный характер. Почти круглый год лошади находились на подножном корму¹⁰⁹. В связи с этим у них выработались выносливость, резвость, неприхотливость к корму. Следует отметить, что незначительная кормовая база в районах расселения ногайцев не позволяла им содержать многочисленный скот сосредоточенно в одном месте, и в связи с этим населению приходилось жить разбросанно. Основным средством передвижения и сообщения на протяжении многих веков у ногайцев была лошадь. Этнические группы (подразделения) ногайцев совершали кочевки на несколько десятков километров, при этом лошадь использовалась большей частью в упряжи и под седлом. Весь свой скот, принадлежности домашнего обихода, кибитки различных конструкций и назначений, продукты питания ногайцы перегоняли и перевозили на лошадях. Все это и способствовало выработке у ногайской лошади таких качеств, которые были свойственны упряжной и верховой лошади. Автор середины XIX в. Л. Кодзоков писал о ногайских лошадях Северо-Восточного Кавказа, что они «превосходили все другие породы в привычке к лишениям» и очень превосходны «для трудовой работы»¹¹⁰.

Ногайская лошадь славилась своей молочной продуктивностью. Из кобыльего молока изготавливали кумыс, который являлся источником питания для местного населения и лечебно-профилактическим средством¹¹¹. В частности, кумысом лечили легочные заболевания, туберкулез и поэтому он пользовался спросом у соседних народов. У ногайцев были свои народные лекари, которые лечили заболевших этим недугом. Кроме того, кумыс ногайцы употребляли и как хмельной напиток.

Конское мясо, особенно мясо годовалого жеребенка, считалось деликатесом и подавалось на стол во время религиозных и семейных праздников или по случаю приезда уважаемых кунаков из соседних народов. «Для угощения гостей, собравшихся на свадьбе, - отмечал Н. Дубровин, - закалывают коров и баранов, а богатые и лошадей, что бывает, впрочем, очень редко, потому что мясо лошади считается большим лакомством, и эту роскошь могут допустить себе только щедрые баи (богачи)»¹¹².

Особым спросом на внешнем рынке издавна пользовались ногайские аргмаки и иноходцы. Еще в XVI в. ногайские владельцы пригоняли в Россию большое количество лошадей. Причем это число постоянно росло. В 1552 г. в Москве ногайскими торговыми людьми было продано более 25 тыс. лошадей, в 1555 г. - 46 тыс. лошадей¹¹³.

В конце XVIII-нач. XX вв. физические качества ногайской лошади высоко оценивались специалистами и конезаводчиками, которым приходилось непосредственно соприкасаться с табунами в степных просторах Северо-Восточного Кавказа. Пристав караногайцев Ф. Капельгородский указывал, что лошадь у ногайцев отличалась такими «несомненными положительными качествами, что специальная комиссия приезжала в Терекли-Мектеб закупать верховых лошадей для кавалерии»¹¹⁴.

Следует отметить, что российское правительство, закупало у ногайцев для армии драгунских и гужевого лошадей¹¹⁵.

Часто ногайские жокеи участвовали на различных соревнованиях. Так, в 1851 г. в г. Ставрополь состоялись скачки, на которых участвовали около 100 лошадей из разных регионов. На этой скачке первый приз взяла караногайская лошадь, на которой жокеем выступил Абуселим Муталимов¹¹⁶.

Согласно данным Г.В. Бентковского, еще в середине XVIII в. у ногайцев и туркмен региона насчитывалось до 1 млн. лошадей¹¹⁷. Однако в середине XIX в. поголовье скота и лошадей у ногайцев заметно сокращается, как и само число народа, из-за переселений в другие страны. С 1822 по 1878 гг. численность поголовья лошадей у ногайцев Ставропольской губернии сократилось с 22 до 11 тыс., т.е. в 2 раза¹¹⁸.

Большое распространение имела лошадь у караногайцев и едишкульцев вплоть до 1917 года. В 1812 г. у них было 22698 лошадей, в 1916 г. - сократилось до 14299 голов¹²⁰.

В начале XX в. у едишкульцев было 2400 лошадей, у джембойлуковцев - 1998, у едишкульцев - 3347 и у караногайцев - 13782¹²¹.

Интересные данные по части распределения лошадей накануне Октябрьской революции 1917 года дал И.Т. Мутенин. Так, в семи ногайских аулах у 8 крупных коневодов имелось 2230 лошадей. В то время во всем округе насчитывалось 6488 лошадей¹²². Отсюда видно, что основное поголовье лошадей до революции было сосредоточено в хозяйствах зажиточных ногайцев.

В конце XIX в. - начале XX в. зажиточные ногайцы начали уделять внимание развитию коневодческого хозяйства. Это было вызвано, прежде всего, потребностями рынка, а вместе с тем и ростом цен на строевых лошадей, пригодных для службы в кавалерийских частях. Средние цены на 1891 г. были таковы: верховая - от 80 до 300 руб., артиллерийская - от 75 до 200 руб., обозная 1-го разряда - от 70 до 150 руб. и обозная 2-го разряда от 40 до 120 руб¹²³. Но все же, несмотря на меры, предпринятые крупными конезаводчиками по улучшению ногайской породы и ее содержанию, коневодство по-прежнему продолжало носить экстенсивный характер. Следует отметить, что это было связано с дальнейшим развитием капитализма, расширением пахотных земель, сокращением пастбищ, повышением арендных цен на землю и в итоге привело к тому, что коневодство постепенно сокращалось.

Говоря о развитии скотоводства у ногайцев рассматриваемого времени, нельзя не сказать о разведении верблюдов.

Ногайцы Северо-Восточного Кавказа держали так называемого двугорбого верблюда, обладавшего особой мощностью и выносливостью, и использовали его как вьючное животное.

Следует отметить, что высоко ценилась соседними народами из-за нежности и эластичности верблюжья шерсть, которую ногайцы собирали в значительном количестве¹²⁴.

С конца XVIII в. поголовье верблюдов в хозяйстве ногайцев стало сокращаться. Это было связано с процессом перехода терско-сулакских и частично ачикулакских ногайцев к оседлости.

К началу XX в. караногайцам принадлежало 2386 верблюдов¹²⁵.

В регионе ногайцы, пожалуй, не имели себе равных в области ветеринарии. Это отмечали многие дореволюционные авторы. Знания ногайцев в области народной зоотехники были весьма разнообразны и отразились прежде всего в языке. Специальные термины существовали для определения животных по их возрасту, полу, масти, виду и пр. Зоотехнические знания позволяли вести расчет использования травостоев, организовывать перекочевки. Ногайцы всегда пасли отдельно крупный скот от мелкого. Приемы выпаса отдельных видов скота отлича-

лись друг от друга. Так, например, до весны всех овец содержали вместе, затем от них отделяли молодняк, баранов, к ненастному периоду стадо опять собирали вместе¹²⁶. Положительный опыт, накопленный в течении столетий, позволял ногайцам в чрезвычайно неблагоприятных условиях Терско-Кумского междуречья сохранять кочевнический хозяйственно-культурный тип.

Ногайцы также занимались и птицеводством, за этот труд отвечали женщины.

Немалую роль в хозяйстве ногайцев, особенно Терско-Сулакского междуречья, играло рыболовство. Так, в архивном источнике за 1860 г. указывается, что костековские ногайцы «ловили рыбу в Каспийском море. Они рыбачили там всегда... Наши дагестанские ногайцы рыбачили еще на Тереке, на его рукаве, находящемся на нашей стороне»¹²⁷. О значительном месте в рационе пищи ногайцев рыбных продуктов говорит наличие в лексиконе народа различных наименований рыбы: белуга «ыргъай», осетр «бекре», усач «суьйрик», щука «шортан», головень «тонька», вяленая рыба «шабакъ», лосось «къызыл балыкъ» и др.¹²⁸. Основными районами рыбной ловли на Каспийском море служили устья рек Терека, Сулака, Кумы и Прорвы.

Следует отметить, что до начала XIX в. в Дагестане рыболовством занимались в основном во внутренних водоемах региона, главным образом в реках и озерах, расположенных в Засулакской Кумыкии¹²⁹. Ведущее место в рыболовстве занимала река Сулак. Так, например, в конце XVI в. в устье одного из притоков Сулака, находившегося во владении тарковского шамхала, имелись не только «лучшие уголья, пашни и сенокосы», но и «рыбные ловли»¹³⁰. Рыбу в основном ловили для личного потребления и только незначительная часть вывозилась в соседние владения. Так, в Дагестане за провоз рыбы через территорию, принадлежащую владетелям, последние брали пошлину натурой в размере 10%¹³¹. Кроме того, на протяжении длительного периода рыба фигурировала на местном рынке в качестве одного из распространенных предметов обмена. Особенно ценился рыбий жир, который употреблялся для освещения¹³².

С присоединением Дагестана к России усилился спрос на рыбные товары и это содействовало развитию рыбного промысла в Дагестане. В первой половине XIX в. усилилась эксплуатация рыболовных участков на Тереке, Сулаке и Самуре и впервые начат (правда, в крайне незначительных размерах) морской лов в районе Дербента¹³³.

В пищу использовалась как свежая, так и вяленая рыба. С конца

XVIII века на рыбных промыслах русских рыбопромышленников стал широко использоваться труд ногайцев и др.¹³⁴ Так, на промысле Конный Кут в Аграханском заливе, арендованном рыбопромышленником Тушмаловым, работали по найму ногайцы, кумыки, русские. Здесь добывалось до 35-36 тыс. пудов красной рыбы, 70 пудов икры, 7 тыс. пудов лососевых и 12 пудов разной частиковой рыбы¹³⁵. Кроме того, ногайцы работали также на Киреевских, Воробьевых промыслах.

Работа на промыслах¹³⁶ выполнялась временными и постоянными рабочими. К постоянным рабочим относились «мастеровые» - плотники, кузнецы и др., а также «прибрежные» - служащие на рыбницах, доставлявших различные грузы.

Рабочее время не нормировалось. Рабочие работали от зари до зари с небольшими перерывами для еды¹³⁷.

Следует отметить, что начало развития промышленного лова осетровых в Дагестане относится к концу XIX в. Организованный К.П. Воробьевым пробный лов красной рыбы на Сулаке, увенчавшийся успехом, и послужил основанием для создания крупного дагестанского краснорыбного промысла¹³⁸.

Вначале лов красной рыбы производился только в реке Сулак. Так, в 1892 г. на Сулаке и при его впадении в Каспийское море действовало 8 рыбных промыслов, сдававшихся в аренду местными землевладельцами¹³⁹. Следует отметить, что кроме добычи красной рыбы, здесь занимались также ловлей крупного частика (сазана, сома, судака и др.)¹⁴⁰.

Краснорыбный промысел обеспечивал высокие доходы. Так, если в 1892 г. стоимость всей рыбы, добытой на промыслах г. Порт-Петровска, составляла 121560 руб., то стоимость одной красной рыбы и икры составляла 74260 руб., (т.е. 61,1% стоимости всего улова)¹⁴¹.

О рентабельности добычи красной рыбы можно судить и по тем крупным капиталовложениям, которые вносил в рыбное хозяйство Дагестана К.П. Воробьев. Так, для сохранения большого количества скоропортящейся рыбной продукции, предназначенной для отправки в Центральную Россию, К.П. Воробьевым в 1895 г. был построен в Порт-Петровске холодильник стоимостью 185 тыс. руб.¹⁴². Вместимость холодильника составляла 187 тыс. пудов¹⁴³.

Вскоре, не довольствуясь рыбными запасами Сулака, К.П. Воробьев взял на 12 лет в аренду большой морской участок протяженностью до 60 верст, входивший во владения шамхала Тарковского. Здесь он организовал морской краснорыбный промысел с привлечением к лову опытных рыбаков Черного и Азовского морей¹⁴⁴.

Морской лов красной рыбы осуществлялся Сулакским промыслом в течении 7 месяцев – с марта по сентябрь. Основным орудием лова в морском осетровом промысле являлась калада (лов красной рыбы крючком с наживкой). Сведения о применении крючковой снасти на дагестанском побережье Каспийского моря можно найти в «Трудах Каспийской экспедиции» К. Бэра и Н. Данилевского, где указывается, что для ловли красной рыбы в море «изобрели крючки»¹⁴⁵.

Общая добыча красной рыбы сулакского морского промысла в 1911 г. составляла более 2 тыс. центнеров, икры 125,4 центнеров¹⁴⁶.

В 1913 г. воды шамхала Тарковского взяла в аренду фирма Г.З. Тагиева. В расчете на дальнейшее развитие каладного лова Тагиев построил в Порт-Петровске большой холодильник¹⁴⁷.

Вплоть до 90-х гг. XIX в. добыча красной рыбы велась в водах Темир-Хан-Шурина округа, где лов рыбы велся в Каспийском море, в Сулаке и в Аграханском заливе. В начале XX в. промысел осетровых стал развиваться в Кюринском округе Дагестана¹⁴⁸.

На базе крупных капиталовложений и развития каладного способа лова, промысел осетровых в Дагестане достиг наибольшего развития в 1911-1915 гг. Если среднегодовая добыча красной рыбы в 1901-1905 гг. составляла 10 тыс. центнеров, то в 1911-1915 гг. она увеличилась до 22,8 тыс. центнеров, т.е. более чем в два раза¹⁴⁹.

По данным И.Р. Нахшунова, годовая выработка всей промышленности Дагестана, исключая домашние промыслы и ремесленную промышленность, составляла к концу 50-х гг. XIX в. около 135 тыс. руб. Из этой суммы около 30% приходилось на улов рыбы¹⁵⁰.

Ногайцы тем временем наряду со скотоводством, занимались и земледелием. О существовании земледелия у них еще в XVI-XVII вв. свидетельствует фольклор, сообщения средневековых путешественников.

На бытование земледелия у ногайцев с давних времен указывает также одна из многочисленных тамг (родовой знак - Д.К.), бытовавшая до начала XX в. почти у всех ногайцев Северо-Восточного Кавказа. Ее внешний вид вызывал ассоциацию с другим предметом - колесом, в народе эту тамгу называли «чигирь», что означало «мельничное колесо»¹⁵¹.

На хозяйственное значение этой тамги впервые обратил внимание П. Небольсин. Он писал: «не хотели ли кочевники выразить ими, что «чигирь» принадлежал роду, который преимущественно перед другими принужден был заняться хлебопашеством, употребляя для ирригации полей поныне существующие чигири или водоподъемные лестницы»¹⁵².

Известный просветитель ногайского народа А.Ш. Джанибеков при

классификации ногайских тамг отнес знак «чигирь» к земледельческому хозяйству¹⁵³.

Переход от скотоводства, как главного направления в хозяйстве, к земледелию происходил не сразу, а постепенно и не одновременно на всей территории.

У терско-сулакских ногайцев, частично у терских и ачикулакских, он завершился раньше, у караногайцев - позже. Определенную роль здесь сыграла близость русских поселенцев и соседних народов к терско-сулакским, терским и ачикулакским ногайцам. Этому способствовало также то обстоятельство, что последние проживали на более плодородных землях, расположенных по берегам рек Терека и Сулака.

Во второй половине XVI в. отдельные подразделения ногайцев, проживающие по обоим берегам Терека и по побережью Аграханского залива, «завели свои пахотные сабаны» и покосы, захватили промыслы, а начиная со второй половины XVIII отдельные их группы стали частично переходить на постоянную оседлость¹⁵⁴.

«В ногайских странах, - писал французский путешественник начала XVIII в. Ферран, - нет гор, но есть большие равнины, орошаемые несколькими речками, берега коих отчасти обрабатываются ногайцами и засеваются пшеном. Ногайцы не долго живут на одном месте. Несколько долее остаются они только там, где засеяли поля, но по окончании жатвы всегда перекочевывают в другие места»¹⁵⁵.

Имеющиеся сведения позволяют судить о том, что земледелие постепенно становится одним из основных занятий ногайцев. В конце XVIII в. ногайцы возделывали просо, ячмень, пшеницу, марену, изредка лен и коноплю, «сорочинское зерно» (рис), некоторые бахчевые и огородные растения, табак¹⁵⁶. Зерно хранилось в бочках и в земляных ямах¹⁵⁷.

Автор XVIII в. И. Георги указывал на ногайские посева пшеницы, ячменя и проса, причем, просо являлось главной культурой их земледелия¹⁵⁸. Просо хорошо приспособлялось к распространенной в то время переложно-залежной системе земледелия, давая высокие и устойчивые урожаи.

Мы не имеем возможности полностью установить, какие орудия труда ногайцы применяли для обработки земли. Но все же можно сказать, что для исследуемого времени характерны были тяжелый деревянный плуг с железным лемехом (сабан), мотыга (шапки), серп (орак), коса (шалгы). И. Георги отмечал, что ногайцы «пашут плугами, запрягая в них от 4-х до 8-ми волов»¹⁵⁹. Следует отметить, что ногайцы почти никогда не

обрабатывали два года подряд одни и те же земли, т.е. у них существовала переложная система земледелия¹⁶⁰. Истощенные земли оставляли «гулять» два-три года, а под сев выбирали новые участки.

Хотя рутинное состояние сельскохозяйственной техники задерживало развитие земледелия, но все же с конца XVII в., особенно в течении XVIII-XIX вв., роль земледелия в хозяйстве ногайцев повышается. Близкие отношения с соседними народами давали возможность ногайцам постепенно перенимать у них новые хозяйственные навыки. Благодаря общению с русскими поселенцами, ногайцы узнали такие овощные культуры, как капуста, свекла, картофель и др.

В конце XIX- начале XX в. особенно интенсивно происходил переход к земледелию ачикулакских, аксаевских и костековских ногайцев.

В конце XVI в. в ногайском обществе происходил процесс выделения ремесленного производства из некоторых видов домашних промыслов. Причина этого процесса объяснялась усилившимися экономическими связями ногайцев с русскими и другими соседними народами.

Сырьем для домашних промыслов и ремесла служила в основном продукция животноводства. Крестьяне в свободное от сельскохозяйственных работ время изготавливали себе и владельцам одежду, обувь.

Говоря о домашних промыслах и ремесленном производстве, следует отметить, что их роль в хозяйстве ногайцев, переходивших к оседлому быту, заметно возрастала.

Следует отметить, что обработкой шерсти, а также изготовлением всех видов одежды и обуви, занимались женщины. Наряду с мужчинами они работали и в поле. Мужчины были заняты в промыслах, связанных с обработкой металла, кожи, дерева, камня и т.п.

Из верблюжьей шерсти изготавливали сукно, которое шло на постельные принадлежности семьи. Легкость, прочность и теплоустойчивость верблюжьей шерсти придавали этим предметам особую ценность. Высоко ценилась зимняя верблюжья шерсть из-за нежности и эластичности. Из такого сырья изготавливали мягкий войлок для пеленания грудных детей в прохладное время года.

Особенно было развито производство войлоков. Из войлока ногайцы изготавливали ковры (кийиз), маленькие коврики (намазлык), войлочные чулки (уюк), войлочные шляпы (кийиз боьрк).

У ногайцев широко было распространено изготовление веревок из овечьей, верблюжьей шерсти и конских волос, которые употреблялись в хозяйстве.

Среди ногайцев развивались также деревообделочное, кузнечно-слесарное, шорное и другие виды домашних промыслов.

Ногайские деревообделочники изготавливали все необходимые принадлежности юрты: «кереге» (деревянная решетка, образующая остов юрты), «уюк» (жерди купола), «эки канатлы эсик» (двустворчатая дверь), «курык» (шест) и др.

Ногайская арба была двухколесной (кодалак арба). Позже у ногайцев появляются четырехколесные подводы, брички, тачанки¹⁶¹. Деревянные предметы изготавливались как из местного, так и привозного материала.

Ремесленники- кузнецы изготавливали металлические изделия из привозного материала. Как свидетельствовал автор XVIII в. Карл Пейсонель, ногайцы закупали «железо в полосах, которое служит для выделки гвоздей, железных принадлежностей к телегам, колец на сбрую, подковок на сапоги, ботинки и катир (башмаки – Д.К.), сошники у плуга и других земледельческих орудий; медные гвозди для обивки седел»¹⁶².

Кузнецы изготавливали серпы (орак), подковы (нал), гвозди (мык), оброчи к телегам, кольца для сбруи (доьньелек), лопаты (казгыр) и т.д.

Кроме того, ногайцы занимались шорным ремеслом. Главными предметами шорного производства были принадлежности седла: обшивка, подпруга, уздечка, пояса, подушки и т.д.

Ногайские седла отличались от широко известных на Северном Кавказе кабардинских своей простотой и удобством, поэтому их охотно покупали русские¹⁶³.

Мастера- серебряники (куьмисши) изготавливали женские украшения: браслеты (билезик), перстни (юзик), серебряные пояса (кусак).

В конце XVIII в. в ногайском обществе усилился начавшийся еще в конце XVI в., процесс выделения ремесленного промысла из некоторых видов домашних промыслов. Причина этого процесса объяснялась усилившимися экономическими связями ногайцев с соседними народами. С момента создания меновых дворов в конце XVIII в. начинают развиваться торговые связи, которые способствовали формированию элементов мелкотоварного хозяйства. Многие изделия изготавливались уже специально для рынка. И. Георги указывал о ногайцах: «... у кого нет скота и хлебопашества, те имеют пропитание между своею братьею от сапожного, кожевенного и других им подобных простых рукоделий»¹⁶⁴.

§ 2. Развитие торгово-экономических отношений ногайцев с народами региона

Важное значение в деле налаживания межэтнических контактов, установления между ними доверия, взаимопонимания и уважения имела торговля.

Торговля ногайцев в XVI-XVIII вв. в основном была меновой. Значительную часть необходимых вещей они выменивали на скот и продукты скотоводства.

В 60-80 х гг. XVI в. Россия, укрепляя безопасность своих юго-восточных границ, создает там ряд порубежных городков- крепостей, почти заново отстраивает военно - стратегический и экономический центр на этих рубежах – город Астрахань.

Как известно, с середины XVI в. усиливается османская экспансия на северокавказский регион. В течение всего XVI шли непрерывные войны между султанской Турцией и шахским Ираном, в ходе которых Кавказ играл большую роль, так как его территория имела важное стратегическое значение для обоих государств. Несмотря на все попытки султана подчинить народы Северо-Восточного Кавказа своему влиянию, местное население упорно отстаивало свою независимость и оказывало сопротивление агрессии крымского хана и Османской империи¹⁶⁵.

Проникновение султанской Турции на Кавказ с каждым годом усиливалось. Обладание регионом давало Османской империи огромные преимущества перед Сефевидским Ираном, да и поставило бы Россию в крайне невыгодное положение.

Уже с первых дней своего присутствия на Северо-Восточном Кавказе Россия проводила политику, предусматривающую не защиту политической самостоятельности местных владений, а стремилась как и Сефевидский Иран, Оттоманская Порты, Крым, добиться здесь установления своей гегемонии. Следует отметить, что Россия в отношениях с Османской империей и Крымским ханством являлась стороной обороняющейся, а ее действия в регионе – продолжением борьбы за укрепление безопасности российских границ.

Для мирной созидательной жизни и защиты от иноземных врагов кабардинцы просили поставить на Северном Кавказе русскую крепость с военным гарнизоном. Первая такая русская крепость была заложена в 1567 г. на левом берегу Сунжи, недалеко от впадения ее в Терек¹⁶⁶. Однако она просуществовала недолго.

Второй Сунженский городок был заложен в 1568 г. Вскоре и он был уничтожен.

В начале 1588 г. в Москву отправилось адыгское посольство. Оно просило царя Федора Ивановича, чтобы «их пожаловал, взял под свою царскую руку в свое государево жалование в обороне от их недругов... И велел бы государь для их обороны от Турсково, от Крымсково на Терке город поставить»¹⁶⁷. Таким местом избрали дельту Терека и его приток – реку Тюменку.

В 1588-1589 гг. город – крепость Терки ставили воевода М. Бурцев и дьяк Протасов. Активное участие в строительстве этой крепости принимал и астраханский воевода А.И. Хворостинин. В июле 1589 г. в челобитной кабардинских князей Канбулатовых царю Федору Ивановичу говорилось: «И ныне твой государев воевода Ондрей Иванович Хворостин с товарищи по твоему государеву наказу на Тюмени город поставили крепок и хорош»¹⁶⁸.

Несмотря на важное военно- стратегическое и экономическое значение территории, где располагался Терский город, для жизни людей он был малопригодным. Во время половодья вода из Терека часто затопляла окраины города¹⁶⁹.

Терский город все более укреплялся и расширялся как за счет русского, так и местного населения.

В конце XVI- начале XVII века Терский город становится военно-стратегическим, политическим и экономическим центром Северо-Восточного Кавказа.

Терский город был не только крепостью: около него образовывались четыре слободки с многочисленным местным населением (Черкасская, Новокрещенская, Татарская и Окоцкая). На улицах Терского города, особенно в период его расцвета можно было увидеть армян, грузин, персов, индусов, турок, не говоря уже о всех народах Северо-Восточного Кавказа, в том числе и ногайцев. Терки был центром транзитной и местной торговли на Кавказе. В городе, кроме официальных учреждений, появляются торговые ряды, гостинные дворы, где останавливались русские и восточные купцы, а также северокавказские торговые люди. В городе создается таможня для взимания пошлин с привозимых товаров.

С первых же дней своего основания г. Терки являлся посредником в торговле между Северо- Восточным Кавказом, Закавказьем, Ираном, Индией и другими странами. Из Терского города в разных направлениях шли торговые маршруты морем до Астрахани, Дербента, Баку и до Ирана; сухопутным путем в Закавказье и Иран через Кизлярский перевоз, а также на переправу через реку Аксай, далее через Койсу на Тар-

ки, Бойнак и до Дербента. Из Дербента можно было пройти в Азербайджан и Иран. Кроме того, существовала Османовская дорога, шедшая от Дербента на Тарки, оттуда на Сунженский перевоз и дальше до берегов Азовского моря и Дона¹⁷⁰.

Кроме того, экономические связи народов Северо-Западного Кавказа с народами Северо-Восточного Кавказа осуществлялись по издревле сложившимся торговым путям. Так, через территорию Карачаево-Черкесии проходил важный путь, соединявший побережье Черного моря (от устья р. Кубани) с Каспийским побережьем в районе устья р. Терек. В начале этот путь шел по Кубани, а затем, отклонившись к югу, шел по правому берегу Лабы и далее по Большой Лабе: отклонившись на восток, он подходил к Кубани в том месте, где она сливается с Тебердой (ныне г. Карачаевск). Отсюда путь шел снова на север приблизительно до нынешнего г. Черкесска, а оттуда вновь сворачивал на восток, по Куме и через Кабарду шел на Терек и далее. Двигаясь же к верховьям Терека, можно попасть в Центральное Закавказье через Дарьяльский проход.

Описанный путь связывал северокавказские народы с Западом (через Крым и Турцию), с Востоком (через бассейн Каспийского моря и Дарьяльский проход) и с Россией (через русские крепости и поселения на Северном Кавказе)¹⁷¹.

В конце XVI- первой половине XVII в. из Астрахани в Терский город привозили металлические изделия, в том числе ярославские висячие замки, в небольшом количестве железо и цветные металлы, льняные ткани, кожаные изделия, меха и др.¹⁷². В кладовых терской администрации хранились меховые шубы, пушнина и другие ценные предметы для подарков и подкупа владельцев Северо-Восточного Кавказа¹⁷³. Османские, крымские, среднеазиатские и кавказские купцы беспощадно вели торговлю почти на всей территории Северо-Восточного Кавказа. В 1619 г. терский воевода Н.Я. Вельяминов сообщал в Москву, что ногайцы, зная броды и перевозы через кавказские реки, тайно провозжат мимо г. Терки из Азова, Ирана и Бухары торговых людей в Засулакскую Кумыкию, от чего государевой казне большой убыток¹⁷⁴.

Терский город и Дербент в XVI-XVII вв. оказывали большое влияние на развитие производительных сил региона. Через г. Терки и Дербент на российский рынок шли изделия кубачинских и других мастеров, оружейников, ковры, войлоки, паласы, овчины, бараньи шубы и др. По словам турецкого путешественника Эвлия Челеби, Дербент в середине XVII века представлял собой торгово-экономический центр,

имевший широкие связи с соседними народами, в том числе и с ногайцами, а также более отдаленными государствами¹⁷⁵.

Следует отметить, что ногайцы торговали и в других местах. Так, в 1589 г. терский воевода сетовал на то, что в «Терский город ногайские и кумыкские люди не приезжают. А ездят: Ногаи в Кумыки торговать, а Кумыки в Ногаи»¹⁷⁶.

Нужно сказать, что в XVII в. г. Терки становится важным центром политических и экономических связей для народов Северо-Восточного Кавказа не только между собой, но и с Россией. По некоторым данным, нерусское население Терков в 1669 г. составляло более тысячи дворов¹⁷⁷. Здесь жили или временно находились русские, ногайцы, кумыки, кабардинцы, осетины, азербайджанцы, армяне, персы, индийцы, немцы, поляки, литовцы, грузины и др. Большинство населения составляли дагестанцы и чеченцы¹⁷⁸. Два раза в неделю в базарные дни местные жители региона пригоняли в Терский город лошадей и скот на продажу¹⁷⁹.

У местных народов терские казаки приобретали оружие и необходимый для хозяйства инвентарь, а также лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства и земледелия, брали даже «жен невенчаных»¹⁸⁰.

В XVI-XVII вв. оживленную торговлю вели в Терках и ногайцы. Они поставляли скот и продукты скотоводства. Здесь в торговле с ногайцами русские и другие местные народы были заинтересованы не меньше самих ногайцев. Ногайцев даже освобождали от пошлин¹⁸¹.

Немаловажную роль в развитии военного дела и оружейного производства у народов Северо-Восточного Кавказа рассматриваемого времени играли города Терки, Кизляр, Моздок и др. В этих городах многие народы приобретали наиболее совершенные образцы российского и ближневосточного оружия, различные принадлежности к ним, сырье для собственных изделий, а также перенимали новейшие технологические приемы¹⁸².

Со своей стороны, местные народы везли в эти города на продажу или обмен свои изделия оружейных промыслов, отличавшихся пользовавшихся спросом в России и в восточных странах.

На Северо-Восточном Кавказе издавна развивалось виноградарство. Развитию виноградарства и виноделия в регионе воеводы Терского города придавали огромное значение. Вскоре в Астрахани нашли знающих людей И. Бережного и А. Парфенова, ранее учившихся виноделию у иностранных мастеров. Их отправили в Терки, чтобы они на месте

изготовили вино и образцы его прислали в Москву и Астрахань¹⁸³. Очень скоро терское вино проникло не только на местные рынки, но и в Астрахань и другие российские города.

В Терском городе и ближайших к нему селах было развито садоводство. Через Дербент, Терский город в другие регионы местные жители и купцы вывозили яблоки, груши, грецкие орехи и другие фрукты.

На берегах Терека и в Дагестане росла марена – красящее вещество для шерсти, шелковых и других тканей. Еще Петр I обращал внимание российского купечества на необходимость использования в текстильной промышленности красящего корня марены. Терские тезики¹⁸⁴ и приезжие иранские купцы нанимали местное население, которое выкапывало для них корень марены, и тайно кораблями увозили его в Иран, наживая на этом огромные прибыли. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев напоминал российскому правительству, что необходимо запретить самовольный вывоз марены иранскими купцами и установить контроль над торговлей ею. В 1748 г. на имя коменданта Кизлярской крепости поступил царский указ о том, что марену следует «покупать в казну, а за границу ее не продавать»¹⁸⁵. Предприимчивые кизлярские купцы в 1747 г. привезли для фабрик Астрахани 229 пудов марены, купив на месте по 1 руб. 20 коп. и продав ее по 2 руб. 50 коп. за пуд¹⁸⁶.

В 50-60-е годы XVIII в. в Сенат и Мануфактур- коллегию посылались прошения на исключительное право закупать марену в селах Засулакской Кумыкии (в Эндирее, Аксае, Костеке). Появляются комиссионеры- посредники между собирателями марены и русскими фабрикантами. В 1761 году владелец московской суконной фабрики Суровщиков дал распоряжение своим приказчикам заготовить на Тереке для его фабрики 2-4 тыс. пудов марены¹⁸⁷. В 60-е гг. XVIII века ежегодно с прилежащих к Кизляру мест собирали сухого корня марены до 6 тыс. пудов в год стоимостью 15-18 тыс. рублей¹⁸⁸.

В 70-х гг. XVIII века ежегодно собирали до 20 тыс. пудов сырой марены. Цены на марену все время возрастали. В середине XIX в. жители притеречных районов так увлеклись ее разведением, что даже пошли на сокращение посевов сорочинского пшена и других сельскохозяйственных культур¹⁸⁹.

Терский город креп и расширялся. Однако, построенный из дерева, он со временем ветшал, строения, затопляемые во время половодья, приходили в негодность. Уже в 1615 г. астраханский воевода И.Н. Одоевский сообщал в Посольский приказ, что г. Терки и острог «огнил», строителей для ремонта мало, и просил разрешения послать туда знаю-

щих людей, хлеба, «зелья и свинцу»¹⁹⁰. Вскоре, опасаясь затопления в половодье, Терский город перенесли на новое место. К началу 1623 г. он был отстроен почти заново.

Признавая военно- стратегическую важность этой крепости, российское правительство время от времени посылало военных инженеров для укрепления Терского города. В конце 20-х- начале 30-х гг. XVII в. здесь были проведены работы по водопроводному делу¹⁹¹. В 30-х гг. туда был послан голландский инженер Клаусен, укрепивший г. Терки валами.

В 1667 г. терские власти, обеспокоенные тем, что у реки Тюменки постоянно размываются берега, обратились к российскому правительству с просьбой о перенесении Терского города в другое место- Копань.

Российское правительство с доводами терских воевод согласилось и в 1668 г. было принято решение построить новый город и крепость. Вскоре из Москвы сюда был направлен специалист по градостроительству, а из Астрахани – 100 плотников. Уже в 1669 г. все строения были перенесены на новое место, а также переведено все население.

Голландский путешественник Я.Я. Стрейс, посетивший Терский город в 70-е гг. XVII в., писал, что он обнесен прекрасными валами и рвами и «в нем стоят две тысячи стрельцов, ибо это пограничный и последний подвластный царю город»¹⁹².

Через 20 лет, в 1688 году городу Терки опять не повезло: от пожара город сгорел дотла. Опять в помощь терцам были присланы плотники из Астрахани, Казани, Царицына.

Во второй половине XVII в. экономические связи Северо-Восточного Кавказа с Астраханью и с Россией через г. Терки еще более упрочились. Здесь торговали приказчики именитых русских купцов, в частности известного купца Е. Светешникова из г. Ярославля¹⁹³.

В середине XVII века Дербент, как и прежде, представлял собой крупный торгово-экономический центр, имевший широкие связи не только с народами Северо-Восточного Кавказа, но многими восточными странами. Турецкий автор XVII в. Эвлия Челеби указывает на выгодное расположение города, который являлся древней сухопутной транзитной трассой, связующей Восточную Европу со странами Востока. Из разных ворот города «начинались торговые пути, которые вели к Шемахе, в Кипчакскую степь, в Крым, Казань и к Терской крепости»¹⁹⁴.

Но уже в конце XVII в. г. Терки стал вывозить больше товаров, чем Дербент, потому что через него вели торговлю с Астраханью торговые люди всего Северо-Восточного Кавказа. В 1702 г. Петр I писал астра-

ханскому воеводе: «... К ногайским же и к юртовским татарам (астраханские ногайцы- Д.К.), и тезикам держать ласку и привет, и насильства никакого не делать»¹⁹⁵. Такая политика дала свои положительные результаты.

Во время Каспийского похода, в июле 1722 года г.Терки посетил Петр I, он осмотрел крепость. Расположение города, отмечает П.Г. Бутков, «ему не понравилось, по низкому и нездоровому месту, а особливо, что укрепление оногo потопляемо бывает морскою прибылою водою»¹⁹⁶. Петр I приказал город уничтожить и создать крепость на более удобном месте.

22 сентября 1724 года царь подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святой Крест гарнизон и жителей Терки. Новая крепость Святой Крест находилась «у реки Сулак в 20 верстах южнее Терека, в 67 верстах от устья реки Аграхани, там, где Койсу делится на два рукава: Южный Сулак и Северную Аграхань». Крепость постепенно превращалась в город. Сюда же переселились местные народы, ранее жившие в Терках слободами. По сведениям И. Гербера, у местных народов, живущих близ крепости Святого Креста, одно из ведущих мест занимала торговля¹⁹⁷. Развитию торговли способствовало также и решение правительствующего сената от 24 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святой Крест»¹⁹⁸. На рынок посада крепости собирались представители всех народностей Северо-Восточного Кавказа. В крепости Святой Крест наряду с местными северокавказскими торговцами большой обмен вели русские, армянские, грузинские, персидские, индийские купцы. Здесь собирался крупнейший конский базар, где счет шел на сотни голов. Кроме того, здесь же торговали крупнорогатым скотом, овцами.

И. Гербер, участник похода Петра I к побережью Каспийского моря, оставшийся в Дагестане вплоть до 1729 года, отмечал, что «за городом крепости имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянскими, горскими, чеченцами, татарами и прочие»¹⁹⁹. Он писал, что ногайцы «торгуют лошадьми и верблюдами»²⁰⁰.

Следует отметить, что крепость Святой Крест служила и крупным узловым пунктом транзитной торговли России со странами Закавказья и Ирана²⁰¹. Так, имеются архивные данные о доставке в Дербент «ис крепости Святого Креста» астраханским ногайцем с двумя работниками 57 верблюдов на продажу²⁰².

В крепости Святой Крест существовали Гражданская канцелярия и

таможня, зорко следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей и т.д.

В крепость Святой Крест, кроме традиционного ассортимента товаров: железа и деревянных изделий, канцелярской бумаги, ткани, кож – из Астрахани и других городов поступало продовольствие.

Таким образом, крепость Святой Крест заняла место своего предшественника – Терского города в снабжении населения Северо-Восточного Кавказа промышленными и продовольственными товарами из России.

Это делалось с целью оживить экономику региона, наладить торговлю важным для России сырьем – шелком-сырцом. Прибывшие на Северо-Восточный Кавказ армяне и грузины распространяли среди местного населения новые виды хозяйствования, занимались шелководством, хлопководством, сеяли сорочинское пшено (рис)²⁰³.

В Притеречных районах многое благоприятствовало развитию всех отраслей сельского хозяйства, ремесла и торговли.

Важное место здесь в хозяйственной жизни занимало шелководство.

Разведением тутовых деревьев и шелководством гребенские казаки занимались еще в XVII в.

В конце XVII в. здесь появился армянский купец Сафар Васильев, который прибыл сюда из Ирана. Зная, что российское правительство придает большое значение развитию шелководства на юго-востоке страны, он в 1710 году добился «всемилодивейшего соизволения» завести «шелковые заводы» на Тереке. При этом С. Васильев получил разрешение тайно вывозить из Закавказья мастеров по шелководству, которым отводились усадьбы и земли для разведения тутовых деревьев, а также сорочинского пшена, хлопка и других культур. Кроме того, он нанял в Терском городе армян, тезиков, ногайцев и адыгов²⁰⁴. Позже, местные народы, в том числе и ногайцы, начнут заниматься шелководством самостоятельно.

В 1718 г. С. Васильев основал у Терека селение Шелкозаводское. В этом же году российским правительством ему было пожаловано 2085 десятин земли. Но ему не повезло. В 1722 г. по указу Петра I часть жителей из казачьих городов была переведена в крепость Святой Крест. Поэтому «тот шелковый завод остался празден, а мастеровые и рабочие люди перешли жить в вышеупомянутую крепость»²⁰⁵.

Однако, поняв, что наносится непоправимый ущерб развитию шелководства в регионе, в 1726 г. Сенат издал распоряжение о возвращении из крепости Святой Крест «терских обывателей и кочевых татар (но-

гайцев- Д.К.), которые обретаются при шелковом заводе в Кизлярском урочище»²⁰⁶, где впоследствии возникла станица Шелкозаводская. В 1754 г. с этого завода было собрано 5 пудов, а в 1772 г. – 8 пудов шелка-сырца. В 1775 г. одних только официально разрешенных «шелковых заводов» в Кизляре было зарегистрировано четыре²⁰⁷.

Российское правительство, заинтересованное в развитии шелководства, рядом указов поощряло население Северо-Восточного Кавказа к этому занятию. В конце XVIII- начале XIX в. почти во всех селениях в приказном порядке, под угрозой штрафа, разводили тутовые деревья. Только в одном Кизляре и его окрестностях насчитывалось более миллиона штук²⁰⁸.

После смерти С. Васильева его дело продолжали потомки, а также обученные им местные народы. Более 100 лет они занимались шелководством и только в 30-40-е гг. XIX в. оно пришло в упадок.

Одной из старинных отраслей хозяйства в Притеречных районах являлось виноградарство. Виноградарством занимались также местные жители Северо-Восточного Кавказа, где были благоприятные условия для этого.

Излишки продуктов и ремесленные изделия в 20-е гг. XVIII в. местное население везло на продажу в основном в крепость Святой Крест. Здесь шла обычная городская жизнь, строились торговые лавки, расширялся базар.

Делами гражданского населения крепости ведали Особая канцелярия и гражданский суд. Гражданский суд рассматривал споры между местными жителями, случаи воровства и т.п. Главное внимание он уделял торговым делам. В целях полного сбора пошлин гражданский суд зорко следил за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировал приезд и отъезд торговых людей, выдавал им письменные разрешения на выезд в другие города и страны.

А Дербент и в XVIII веке оставался крупным торговым центром Северо-Восточного Кавказа. Через него транзитным путем, как и раньше, проходили российские и восточные товары. Только за 1733 и 1734 годы из Дербента в Астрахань было вывезено дербентскими, гиланскими, грузинскими, шемахинскими и индийскими купцами товаров на 9 тыс. руб. В списке транзитных товаров, шедших из Дербента в Астрахань и далее в глубь России, значились ткани разных сортов, хлопок и т.д. Кроме того, из Дербента в Астрахань вывозились ремесленные изделия местного производства, продукты скотоводства, а также грецкие орехи, сухие фрукты, рис²⁰⁹.

Следует отметить, что с внешним торговым миром крепость Святой Крест была связана меньше, чем Терки и Дербент. Крепость Святой Крест просуществовала недолго. Согласно условиям мирного договора 1735 г. между Россией и Ираном, крепость Святой Крест была скрыта, и все в «оной бывшие и там обитавшие» были переведены во вновь укрепленную крепость Кизляр²¹⁰. Однако, несмотря на свою короткую историю эта крепость Святого Креста сыграла большую роль в жизни народов Северо-Восточного Кавказа.

После основания в 1735 г. крепости Кизляр, она становится крупным экономическим центром, который до начала XIX в. сосредотачивал до 90 % всей торговли Предкавказья²¹¹. С 1735 года г.Кизляр, по существу, являлся административным центром Северо-Восточного Кавказа. Кизлярский же комендант, подчиненный астраханскому губернатору, фактически стал правителем Терского края. Значительна была роль Кизляра во внешней торговле. 15 мая 1755 г. здесь были учреждены пограничная таможня и форпосты «для взимания пошлин» с ввозимых из-за границы и вывозимых за границу товаров. Такое положение Кизляр занимал до 1785 г., до того времени, когда была образована Кавказская губерния, состоящая из двух областей – Кавказской и Астраханской. Выполняя, с одной стороны, функции важного транзитного узла в торговле России со странами Востока, Кизляр к середине XVIII в. – средоточие русско-кавказских экономических связей, с одной стороны, и многонациональный торговый центр, где народы Северо-Восточного Кавказа обменивались продукцией своей хозяйственной деятельности с другой²¹², российское правительство «отводило Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления своего влияния в данном регионе»²¹³.

К Кизлярской крепости были переведены жившие при крепости Святого Креста кабардинцы, окочены, новокрещенцы, армяне, грузины, дагестанцы, тезики, казанские татары. Сюда же переселились бывшие терские городовые казаки, жившие в Терках и соединившиеся в начале XVIII века со служившими в этом городе окоченцами, новокрещенцами и другими местными народами. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками. Часть ногайцев, которые до переселения их Петром I на Сулак кочевали вблизи Терского города, обосновались ниже Кизляра по левой стороне Терека до Каспийского моря.

Заселение Кизляра в момент его основания шло быстро. Российское правительство, будучи заинтересовано в увеличении его населения, пре-

доставляло льготы всем пожелавшим в нем поселиться. Собственно город обосновался восточнее крепости, между левым берегом Терека и правым берегом речки Кизлярка. Его составляли 8 разноязычных кварталов, отделенных друг от друга земляными валами. Самый большой из них – Армянский (Арментир), населенный исключительно армянами, часть из которых с давних пор проживала еще в старом Кизляре, часть переехала из крепости Святой Крест. Грузинский квартал (Курце-аул) был населен только грузинами, первые из которых заселились здесь в 1735 г., будучи переведены из крепости Святой Крест²¹⁴. В квартале терских казаков жили русские казаки терско-кизлярского казачьего войска. Казаки кавказских народностей жили в других кварталах. Квартал новокрещенцев (Кристи-аул) был населен представителями местных народов, принявших христианскую веру и переведенных в Кизляр из крепости Святой Крест, где тоже существовал такой же квартал. Окочир-аул населяли потомки тех окочов, которые в Терском городе населяли Окоцкую слободу. Черкес-аул был населен кабардинцами. Казанскую деревню населяли казанские татары, попавшие в Дагестан по причине участия в походе Петра I в Прикаспии в качестве переводчиков²¹⁵. Квартал Тезик-аул занимал самую восточную окраину Мусульманской слободы. Почти в каждом из названных магометанских кварталов, особенно в Окочирском и Тезикском, проживали ногайцы, кумыки и другие дагестанцы²¹⁶. Таким образом, Кизляр представлял собой удивительное явление: здесь в первой половине XVIII в. сложилось разноязыкое, разно-конфессиональное сообщество русских, армян, грузин, кумыков, ногайцев, кабардинцев, чеченцев, ингушей, осетин, татар, персов, евреев и др²¹⁷. Здесь также существовала колония индийских купцов активно участвующих в транзитной торговле России со странами Востока. Кизляр возник на древней сухопутной международной торговой трассе, связующей Европу со странами Востока, и, естественно, стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России со странами Кавказа и Закавказья. С другой стороны, Кизляр, подхватив эстафету своих предшественников – крепости Терки и крепости Святой Крест является средоточием русско-кавказских экономических связей. Позже здесь образовались три больших рынка: армянский, татарский и русский²¹⁸. На базары Кизляра съезжались все народы региона, привозя продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняя скот. Среди местных товаров также фигурирует «чихирь тавлинский», сушеные фрукты, бурки, кафтаны, сукно, войлочные изделия, меха диких зверей, конские и бычьи кожи, марена²¹⁹. Русская администрация

Кизлярской крепости закупала у ногайцев для армии драгунских и гужевых лошадей²²⁰. Следует также подчеркнуть, что немаловажная роль в обеспечении всех транзитных сухопутных перевозок товаров Кавказа принадлежала ногайцам. Они поставляли и перевозили на своих арбах за плату почти всю массу купеческих и казенных товаров из Кизляра в Астрахань, Моздок, Дербент и обратно²²¹. Кроме того, ногайцам полагалась в обязанность содержать по тракту от Кизляра до Астрахани поставные станции. Так, в 1805 г. на ногайца Алима Очетерова налагалась обязанность содержать три почтовые станции: «Бороздиновскую, Адрихановскую и Горькореченскую», а его сын Каспулат в 1808-1809 гг., содержал «почтовую гоньбу на станциях Кизлярского уезда Старогладковской, Новогладковской и Шадринской с платою на каждую пару в год по двести семидесяти рублей»²²².

Местные народы, в том числе и ногайцы, занимались и отхожим промыслом. С наступлением весны они уходили на заработки в казачьи станицы, занимались обработкой садов и виноградников, молотьбой хлеба и т.п.²²³.

С 30-х гг. XVIII в. и до начала XIX в. Кизляр – один из старейших на Северном Кавказе городов, долгое время оставшийся единственным во всем Предкавказье, – являлся не только административным и военно-стратегическим центром Северо-Восточного Кавказа, откуда исходили все нити управления огромным краем, но и местом, с самого возникновения приобретающим все большее значение в товарообмене с Россией²²⁴. «В продолжении полувека до устройства на Кавказе Моздокской линии, – писал А. Берже, – Кизляр был, так сказать, русской столицей на Кавказе»²²⁵.

Следует отметить, что российское правительство всячески способствовало усилению торговых связей с народами Северо-Восточного Кавказа. Так, в 1762 г. Екатерина II подписала указ об освобождении от пошлин товаров, ввозимых «от горских народов»²²⁶. В 1765 г. она издала распоряжение, согласно которому «кабардинцы и кумыки не платили пошлин ни при продаже собственных произведений и скота, ни при покупке товаров в Кизляре»²²⁷.

Другим важным городом на Северо-Восточном Кавказе, имевшим не только военное, оборонительное значение, но и признанным стать опорным пунктом русско-кавказских торгово-экономических и культурных связей, был Моздок.

9 октября 1762 г., еще до возникновения Моздокской крепости, был составлен доклад Сената на имя Екатерины II об отведении урочища

Моздок²²⁸, для поселения крестившихся кабардинцев во главе с владельцем Малой Кабарды Кургокой Канчокиным (А. Ивановым), построения там крепости и превращения ее в центр распространения промышленности и торговли.

Кроме К. Канчокина с его братьями и их подвластных, также планировалось поселить в Моздоке и представителей других местных народов. «Сверх же того, – говорилось в докладе, – можно позволить для усиления Кизлярского краю о поселении и всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и ногайцев, креститься желающих, получая в ведении оного владельца; а для размножения шелку и мануфактур – о дозволении селитса и всех христианских наций людям; как-то: грузинам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи; располагая их селения по реке Терку между новой крепостью и гребенского казачьего Червленного городка; и каждой нации особливими слободами...»²²⁹.

В перспективе, в целях дальнейшего поощрения представителей местных мусульманских народов к принятию христианства и переселению в район Моздока, более быстрого заселения региона и увеличения численности не только русских переселенцев, но и своих новых приверженцев в лице христиан из местных новокрещенцев, в докладе Сената императрице Екатерине II предусматривались меры материально-го, т.е. денежного вознаграждения²³⁰.

В 1763 г., вскоре после издания указа о поселении в урочище Моздок крестившихся представителей местных народов, здесь началось строительство крепости, которая была воздвигнута за два года и сразу же стала укреплением российской пограничной линии, способствовавшим дальнейшему развитию связей Северо-Восточного Кавказа с Россией. В 1765 г. Моздок стал городом и получил постоянное войско, комендантское управление. Следует отметить, что с 1784 г. и в течении почти 15 лет комендантом Моздока был внук знатного ногайского мурзы Мусы Мирзабекова, бывший аманатом в Кизляре Казбулат Тоганов, при крещении ставший Дмитрием Васильевичем Тогановым. Он дослужился до звания генерал-майора²³¹.

С целью укрепления Моздокско-Кизлярской линии правительство переселило сюда казаков с Дона и Волги. Кроме того, население новой линии пополнялось также за счет местных народов. По указу 1762 г., селившимся в районе Моздока представлялись «вольности»; зависимые крестьяне, приняв христианство, переходили в категорию «свободных»²³². Так, новая русская крепость Моздок – стала одновременно

местом притяжения угнетенных местных крестьян и источником недовольства представителей феодальной знати. Следует отметить, что появление Моздока способствовало расширению и укреплению торгово-экономических, политических и культурных связей между Россией и народами региона.

Жители Моздока в основном занимались сельским хозяйством. «Кроме выгонов... для моздокских жителей отведено довольное количество земли, почему как казаки, так и прочие люди... разводят виноградные с шелковичными деревьями сады... и от сего вообще имеют пропитание свое»²³³.

Моздок так же, как и Кизляр, стал одним из главных пунктов торговли местного населения с Россией. В Кизляр и Моздок приезжали ногайцы с крупным рогатым скотом, лошадьми, овчинами и пр., чтобы обменять «у казаков соль, рыбу, икру а у русских и армянских купцов хлопчатобумажные ткани, железо, чугун, свинец, посуду и пр.»²³⁴.

Эти города Северо-Восточного Кавказа, хотя и возникли как форпосты русской оборонительной линии и опоры колониальной политики царизма на подступах к горному Кавказу, исполняли объективно и иные важные функции в регионе. Они не только служили опорной базой в защите местных народов от османо-крымской и сефевидской агрессии, но и превратились в центры ремесленного производства и главные торговые пункты, где местное население сбывало свою продукцию животноводства, земледелия, ремесла и скот и приобретало необходимые изделия российской промышленности. С основанием Кизляра и Моздока торговые связи местных народов и русских становятся постоянными. По торговым делам в эти города приезжали представители всех народов Северо-Восточного Кавказа.

В русских городах ногайцы и другие местные народы приобретали необходимые им товары, которых сами не производили.

Ногайцы, чеченцы и кумыки продавали овец, крупный рогатый скот, лошадей, овечью шерсть, курпеи, шкуры, фрукты, коровье масло и пр. в притеречных станицах²³⁵.

Моздок в 1785 г., став уездным городом, стал выполнять еще более значительные торговые функции. В 1794 г. здесь насчитывалось более 100 торговых заведений, а в 1799 г. в Моздоке была открыта первая ярмарка²³⁶.

Как известно, ногайцы издавна были основными поставщиками живого скота и продуктов животноводства не только для Северо-Восточ-

ного Кавказа, но и для многих районов Северного Кавказа, Закавказья и юга России.

Так, ногайцы региона продолжали поставку лошадей в российскую армию. В 1809 г. по поручению генерала Булгакова поручик Телегин занимался «покупкою по караногайским аулам в полк государства строевых лошадей»²³⁷. В 1810 г. указывалось, что ногайцы Северо-Восточного Кавказа «пригоняют в города и селения Кавказской губернии... и každогодно продают достаточное число лошадей своих кавалерийским офицерам..., а также шкуры, овчины, шерсть, масло и сыр продают разным людям... в Кизляре и Моздоке»²³⁸.

Согласно данным генерал - майора Вердеревского, с 1805 по 1810 г. ногайцы продавали в городах России до 5 тыс. голов разного скота²³⁹. В 1824 г. только в одном ногайском приставстве было продано скота на общую сумму 4 тыс. руб. ассигнациями²⁴⁰. А по данным 1830 г. ногайцы едисан-джембойлуковского приставства продали различного скота на 29920 руб²⁴¹.

В первой половине XIX в. средняя цена за одну голову скота составляла: на лошадь от 15 до 30 руб., на верблюда от 75 до 100 и более рублей, на рогатый скот от 10 до 15 руб., овец от 1 до 1,50 руб. серебром²⁴².

По приближенным подсчетам Н. Забудского, ногайцы ежегодно продавали около 2 тыс. лошадей, 6 тыс. рогатого скота и до 15 тыс. овец. Верблюды поступали на продажу только на меновые дворы, в основном в Тифлис. Ногайцы от продажи разного скота получали в год дохода в среднем от 100 до 175 тыс. руб. серебром²⁴³.

Особенно ценилась на рынке ногайская курдючная овца. Она ежегодно давала хороший приплод, в большинстве случаев по два ягненка, около 4-5 кг шерсти, вкусное мясо и красивый курпей. «Ради этих курпеев первоклассного сорта, - отмечал караногайский пристав Ф. Капельгородский, - ежегодно весной приезжали в Караногай сотни дагестанцев, кумыков и чеченцев. Они закупали несколько десятков тысяч маленьких ягнят, резали их здесь же в аулах, солили и вялили мясо и вывозили его в готовом виде в горы и в Закавказье. Отсюда же шли курпеи на шапки»²⁴⁴. В середине XIX в. значительные доходы ногайцы получали также от продажи шерсти. При средней цене шерсти от 50 до 75 коп. за пуд, ногайцы получали за нее доход до 30 тыс. руб. серебром.

В начале XX века овцеводство у ногайцев, особенно у караногайцев, стало развиваться быстрыми темпами, что даже начало соперничать с другими отраслями животноводства. Ф. Капельгородский, отмечая это

явление в экономической жизни ногайцев, указывал, что «овцеводство за последние годы перед революцией вытесняло у всех скотоводов лошадь и корову, как более прибыльное. В Караногое оно как-то особенно подходило к хозяйственному укладу и личным привычкам кочевников»²⁴⁵.

Следует отметить, что для повышения продуктивности скота в Дагестан завозились производители – швицы, чистокровные английские жеребцы, испанские бараны. Во многих пунктах (Темир-Хан-Шура, Карабудахкент, Хасавюрт и др.) были организованы показательные участки по травосеянию, проводились опыты по рациональному кормлению скота, усиливалась ветеринарная помощь²⁴⁶.

В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре была организована первая областная выставка продукции сельского хозяйства и кустарной промышленности, которую посетили более 30 тыс. человек²⁴⁷.

Следует отметить, что предметом немалых доходов ногайцев был сбор марены и желтинника, корень которых, как красящее вещество, высоко ценился в центральных губерниях России, а также в Закавказье и Персии²⁴⁸. В середине 30-х гг. XIX в. П.Зубов писал о приморской части Дагестана: «Главнейшее богатство сих стран заключается в шелководстве, виноградных и фруктовых садах, дикой марене, нефти, соли и... в рыбных ловлях»²⁴⁹.

Автор середины XIX в. Н.Н. Забудский, отмечая богатство региона, указывал, что здешняя природа «почти в каждом уголке своем представляла разнообразные источники богатства, заменяя недостаток одного чем-либо другим. Так, например, в степях караногайских природа разбросала здесь желтинник, марену, капорсы и проч., что все дает деньги и составляет богатство жителей»²⁵⁰.

Однако мареноводство в регионе развивалось до 70-х гг. XIX в. Когда в 1869 г. ученые Греббе и Либерман из каменного угля получили искусственный ализарин, спрос на марену упал и вскоре мареноводы Северо-Восточного Кавказа прекратили посев марены и забросили свои плантации.

Некоторые казачьи станицы и ногайские аулы Притеречных районов занимались исключительно шелководством²⁵¹.

Если ежегодное производство шелка-сырца на Северном Кавказе в начале XIX в. составляло 215-305 пуд., то в 30-е гг. того же столетия – около 375 пудов. Половина, а в отдельные годы и больше, произведенного шелка приходилось на долю Кизляра и прилегающих к нему районов²⁵².

Во второй половине 40-х гг. XIX в. в Притеречных районах наблюдается упадок шелководства. В 1854 г. в Кизляре и его округе насчитывалось только 180 тыс. тутовых деревьев²⁵³.

Кроме того, ногайцы поставляли на рынки региона топливо (кизяк), соду и различные корни²⁵⁴.

Караногайцы выжигали в степи до 10 тыс. пудов соды, от продажи которой получали от 7 до 10 тыс. рублей серебром в год. Помимо этого, они продавали в довольно большом количестве корень «кермек», поставляемый на кожевенные заводы²⁵⁵.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, российское правительство закупало у ногайцев в большом количестве лошадей для войска²⁵⁶. Кроме того, на обеспечение российских войск правительство закупало у ногайцев мясо, масло, сыр, топливо (кизяк) и даже войлочные кибитки. Так, например, в 1844 г. только для войск, дислоцированных в Дагестане, было продано 100 кибиток на общую сумму 2500 руб. серебром²⁵⁷.

В торговле народов Северо-Восточного Кавказа с Центральной Россией все больше возрастала роль Астрахани. Этому способствовало установление регулярного пароходного сообщения между Астраханью и Дербентом, а с 50-х гг. XIX в. – и с Порт-Петровском, вследствие чего сокращалось время и удешевлялась стоимость перевозки товаров и особенно тяжеловесных грузов.

В 30-х гг. XIX доставка 1 пуда груза марены из Дербента в Астрахань обходилась от 1 руб. 40 коп. до 2 руб., в то время как стоимость доставки по суше колебалась от 3 руб. до 3 руб. 20 коп.²⁵⁸, не считая многочисленных пошлин (рахтаров), взимавшихся по пути следования. Так, между Дербентом и Кизляром пошлина взималась в следующих пунктах: «В самом Дербенте... 2 р. 50 коп., в Тарху 5 р. 20 коп. сер. и в Казинюрте 3 руб. сер. с арбы товаров, заключающей обыкновенно от 40 до 50 пудов; сверх того, во владениях шамхала Тарковского взимается серебром: с каждого тая (тук весом примерно в 6 пудов – Д.К.) шелка по 2 руб..., за верблюда 1 руб., за лошадь и рогатый скот по 50 коп....»²⁵⁹.

Рахтарные сборы в Дагестане, как и всюду в северокавказском регионе, сильно тормозили развитие торговли. Положение усугублялось еще тем, что сбор рахтара отдавался в откуп. «Существование человека, пища, питье, одежда, всякая торговля, промышленность, рукоделие, земледелие, шелководство и все без изъятия заведения, изобретения и труды обречены рахтарными поборами; даже земные и лесные плоды, камыш и всякие мелочи подвергаются рахтару... Откупщик...

многие мелкие рахтарные статьи передает уже от себя другим откупщикам, содержащим в городах и деревнях приказчиков и множество объездчиков для наблюдения за человеческими трудами и взимания за оных рахтаров»²⁶⁰. Это положение, существовавшее в Грузии к началу 30-х гг. XIX в., в основном было характерно и для значительной части территории Дагестана²⁶¹. Поэтому торговцы все чаще прибегали к морским перевозкам.

Однако, несмотря на преимущества морского транспорта, Кизляр и в первой половине XIX в. продолжал играть большую роль в экономических связях народов Северо-Восточного Кавказа с промышленными центрами России. «Кизляр, - отмечал П. Заблоцкий, - превосходит прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринодарской, Харьковской, Курской и с обеими столицами, с горскими и Закавказскими народами»²⁶².

В 1834 г. в Кизляре было продано русских и восточных товаров на 1130 тыс. руб., в том числе одних лишь хлопчатобумажных тканей – на 829, 5 тыс. руб.²⁶³. Следует отметить, что завоз текстильных тканей из центральных регионов России привел к падению, а в пореформенный период – и к ликвидации кустарного производства грубых местных тканей из хлопка; вслед за этим прекращались посевы хлопчатника.

Своей огромной ролью в торговых связях Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа с промышленными регионами России Кизляр обязан был тому, что на дагестанском побережье не было портовых сооружений и естественных гаваней для стоянки и укрытия судов. У Дербента они должны были бросать якорь в 2 км от берега, подвергаясь на открытом рейде опасности частых штормов.

Несмотря на то, что в той части Дагестана и Чечни, где население не было вовлечено в народно-освободительное движение под руководством Шамиля, имело место некоторое оживление торговли, она до конца 30-х гг. XIX в. не получила большого развития. «Торги здешние не знатны»²⁶⁴, – писал С. Броневский в 20-х гг. XIX в. о торговле в Дербенте.

Следует отметить, что развитию торговли в регионе мешали и происходившие военные действия в первой половине XIX в. на значительной части региона. Так, например, в первые годы военных действий торговля Дагестана с другими регионами пала²⁶⁵. Лишь после замены в 1831 г. рахтаров таможенными сборами и организации Закавказского таможенного округа, в состав которого входил и Дагестан, происходит рост товарооборота, который достиг в конце дореформенного периода

значительного уровня. За десятилетие с 1845 по 1855 год вывоз морем из Дербента в Астрахань увеличился в тоннаже: сушеных груш почти в 2,5 раза, грецких орехов – свыше 4-х раз, марены – больше чем в 1,5 раза²⁶⁶.

Усиливалась роль Порт-Петровска в торговых связях с Центральной Россией. Согласно правительственному указу от 24 октября 1857 г. в целях «развития торговли и промышленности на северо-западном берегу Каспийского моря» Порт-Петровск был превращен из крепости в город, а лицам, желавшим селиться в нем, были предоставлены льготы и преимущества²⁶⁷. Заметную роль в торговле, особенно с Нагорным Дагестаном, играл г. Темир-Хан-Шура. В 1857 г. здесь было около 117 торговых строений и 108 лавок²⁶⁸.

Долгое время, до появления Владикавказской железной дороги, перевозкой грузов за плату на дальние расстояния занимались ногайцы. Так, в 1803 г. главному приставу ногайцев предлагалось «для развозки со Сладкоеричной пристани провианта нарядить от ногайцев, около Кизляра кочующих, до двух тысяч арб за обыкновенную плату 1,5 коп. на версту и арбу»²⁶⁹. Кроме того, в 50-х гг. XIX в. для доставки грузов до станицы Екатериноградской и Владикавказа ногайцы, осетины, ингуши, русские выставили до 6 тыс. подвод²⁷⁰.

Следует отметить, что отходничество было наиболее развито в высокогорье Дагестана, а в конце XIX в., с усилением развития капиталистических отношений оно стало повсеместным. Отход был скотоводческим, земледельческим, садово-виноградарским, ремесленным. С конца XIX в., растут масштабы отхода на железную дорогу, на нефтяные и рыбные промыслы, в г. Баку, Грозный, Кизляр, Дербент²⁷¹.

С середины XIX в. транзитные торговые пути стали проходить через порты и пристани на Каспийском, Черном и Азовском морях.

Большую роль в экономических связях народов Северо-Восточного Кавказа с Россией в первой половине XIX в. играла Серебряковская пристань, расположенная на западном берегу Каспийского моря, севернее устья Терека. Роль этой пристани стала возрастать с 30-х гг. XIX в.²⁷². В 50-х гг. на Серебряковскую пристань приходили не только купеческие товары, но и казенный провиант. Так, в 1857 г. к этой пристани прибыло из разных мест 563 купеческих судов, доставивших на Северо-Восточный Кавказ около 97 тысяч четвертей муки, круп, 500 четвертей овса, 1200 тюков рогожных материалов, досок и др.²⁷³. Весь этот груз ногайцы своими арбами за плату доставляли к месту назначения.

Ногайцев и соседних местных народов можно было встретить на

ярмарках и базарах в Кизляре, Моздоке, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Хасавюрте, Ставрополе, Грозном, Владикавказе, а также в приречных станицах (например, в ст. Наурской). Здесь они продавали свой товар. Следует отметить, что для народов региона скотоводство – традиционная отрасль хозяйства. Так, в 1815 г. за пределы Кавказской (Ставропольской) области было продано в центральные регионы России 14700 овец и до 10 тыс. голов крупного рогатого скота. Скот для отгона в Центральную Россию закупался на ярмарках. Наиболее значительные ярмарки живого скота бывали в Ставрополе²⁷⁴. Лошадей закупали на конских ярмарках, две устраивались в Моздоке, две – в Ставрополе и пять – в крупных селениях Ставропольской губернии²⁷⁵.

Слабостью рыночных связей и путей сообщения региона с Центральной Россией в дореформенный период объясняется ярмарочная торговля. Особое место в городской жизнедеятельности занимала ярмарка. Следует отметить, что многие ярмарки во всех основных регионах России по срокам их проведения и передвижению товаров и купцов действовали в определенном порядке, по принципу круга или цепи. Такая цепь ярмарок существовала в Предкавказье «между главными торговыми центрами края: Екатериноградом, Ставрополем, Александровском, Георгиевском, Моздоком и Кизляром»²⁷⁶. Наличие такого определенного порядка в проведении ярмарок давало возможность купечеству последовательно быть на многих из них и «одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», с новороссийскими и украинскими ярмарками, Астраханью и с границей»²⁷⁷. В России второй половины XVIII – первой половины XIX вв. действовала сложившаяся система ярмарок, функционировавшая по принципу цепи, которая удовлетворяла производителей, потребителей, торговцев, являлась в экономических и географических условиях России того времени чрезвычайно целесообразной и служила одним из свидетельств наличия единого всероссийского рынка²⁷⁸. В середине 70-х гг. во Владикавказе действовали две ярмарки – Константиновская с 20 мая по 28 мая и Михайловская с 8 по 14 ноября. Ногайцы торговали там мелким скотом и лошадьми²⁷⁹.

Все предметы жизненного обихода местные народы, в том числе и ногайцы, закупали на ярмарках в Кизляре, Хасавюрте, Грозном, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Владикавказе, ст. Наурская и в других местах. «На каждую ярмарку собираются почти все ногайцы, это своего рода праздник, – отмечал Г. Малявкин. – Караногайцы пригоняют на ярмарку для продажи лошадей, рогатый скот и овец. Здесь же они поку-

пают все для себя необходимое: двери к кибиткам, сундуки, котлы, чай, соль, ситец и пр.»²⁸⁰.

В ассортименте товаров, поставляемых ногайцами, возрастал удельный вес и сельскохозяйственных продуктов. Из продуктов земледелия продавали лен и в меньшей степени зерно²⁸¹. Что же касается караногайцев, едишкульцев и джембойлуковцев, то они недостаток хлеба восполняли за счет покупки его в соседних русских селах²⁸².

Наряду с ярмарочной торговлей в городах Северо-Восточного Кавказа, а также в ряде крупных сел и станиц функционировали еженедельные базары, имевшие важное значение во внутренней торговле, втягивании в нее все больше местных народов, служившие средством осуществления экономических связей города с сельской местностью. В 1840 году генерал Пулло писал, что в «Кизляре и на некоторых других пунктах открылись торжища, куда горцы стекались со всех сторон для продажи своих продуктов»²⁸³. В среде местного населения вошли в обращение русские деньги. «Ежегодно до 40 тыс. горцев, - писал тот же Пулло, - приходили на линию для сбыта своих продуктов, и звонкая монета до такой степени усилилась у них в обращении, что они могли платить возложенную на них подать довольно исправно»²⁸⁴.

Следует отметить, что российские власти рассматривали торговлю и как средство сближения местных народов с русскими, мирного подчинения первых. В то же время они ревниво оберегали торговую монополию в Кизляре, что естественно мешало частой встрече торгующих, и их сближению. Но сила экономического развития, приводившая ко все большему расширению меновых операций, развитию товарно-денежных отношений неуклонно толкала местные народы на рынок, заставляла их изобретать всякие способы преодоления различных барьеров и преград на этом пути. Не случайно местные народы и некоторые обществa непременно выдвигали при переговорах с русской администрацией требование права на свободную торговлю вне своих пределов.

Нередко, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, местное население прибегало к обходным путям. Для обслуживания этой торговли из местных людей появились специальные проводники, водившие торговые караваны обходными путями и получавшие соответствующее вознаграждение²⁸⁵.

В 1763-1764 гг. от местных народов в Кизляр поступило товаров на 47666 руб. и было вывезено на 44770 руб²⁸⁶. Интенсивно развивалась и контрабандная торговля в связи с различного рода запретами российских властей на товары – драгоценные металлы и др.

В ноябре 1764 г. было принято решение российского правительства о дозволении кабардинцам и кумыкам беспошлинно торговать в Кизляре собственными изделиями, продуктами и скотом²⁸⁷, а также об освобождении их от уплаты пошлин при покупке товаров в Кизляре²⁸⁸. Платеж в обоих случаях был «возложен на жителей кизлярских»²⁸⁹. В 1791 г. от уплаты пошлин были освобождены все народы Дагестана²⁹⁰. Несмотря на определенные ограничения, это все-таки способствовало дальнейшему развитию торгово-экономических связей между местными народами региона, а также и с Россией. После отмены пошлин на товары местных народов товарооборот между ними и Кизляром значительно увеличился. Под влиянием этого решения и вайнахи (чеченцы и ингуши), с которых взималась пошлина в больших размерах, ходатайствуют, в свою очередь, о привилегиях в торговле с Россией, просят Кизлярского коменданта дозволить им «невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие Российские места и никаких обид не чинить...»²⁹¹.

Более подробный перечень изделий мелкой крестьянской промышленности местных народов, поступавших на рынки в обмен на русские товары, дается в проекте кизлярского коменданта генерал-майора Н.А. Потапова о таможенных привилегиях для местного населения, поселенных при Моздоке. В нем сказано, что «весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукна серые, шитые кафтаны, шервары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колесы аробные, что все возят в Кизляр и в казачьи городки и меняют на рыбу, холст, соль, чугунные котлы, иглы и прочую мелочь, а в случае недорода, на пшеницу и пшено»²⁹².

В 30-х гг. XIX века Северный Кавказ включается в единую таможенную систему России, что способствовало усилению экономических связей региона с промышленными районами Центральной России.

До 1846 г. на левом фланге Кавказской линии существовали меновые пункты – самый большой в Кизляре, а также при карантинных заставах – Червленской и Моздокской. «Самая деятельная меновая торговля, - говорится в отчете за 1846 год, - производилась при Кизлярском частном карантине, где привозные товары оценены на сумму более 70000 руб. серебром»²⁹³.

Исторически в Дагестане существовал целый ряд торговых центров, игравших важную роль в экономической жизни народов Северо-Восточного Кавказа. В XVII-XVIII вв. такими центрами являлись Тарки,

Эндирей, Костек и Аксай, где проживали не только кумыки, но и ногайцы, чеченцы, армяне, горские евреи и др.

Специфика Дагестана способствовала естественному развитию обменных связей. Основной товар равнины – зерно шло в горы и на север, в города и русские гарнизоны. Например, в 1913 г. со станции Хасавюрт было отправлено более 1 млн. пуд. хлеба. Отсюда вывозили также рабочий крупный рогатый скот, нефть, рыбу, соль, марену, шелк-сырец и др. Ввозили на равнину лес, продукты животноводства, мелкий рогатый скот, овчины, оружие, металлические и ювелирные изделия, орудия и утварь из дерева и т.д.²⁹⁴.

Тарки в исследуемое время являлся крупным торговым и ремесленным центром, а также связующим звеном в транзитной торговле России с Востоком. Кроме того, Тарки в конце XVII- начале XVIII вв. выполнял также функцию торгового порта на Каспии. Правда, пристань здесь была неудобной, но тем не менее, торговцы имели свои суда, на которых ездили с товарами в Терки и Астрахань, а также в Дербент²⁹⁵.

В Тарках, как и во многих торговых центрах того времени, имелся квартал, где в основном было сосредоточено торгово- ремесленное население²⁹⁶.

Таркинцы, а также и ногайцы, кочевавшие в шамхальстве, поставляли в Кизляр и далее в Россию сырье (марена, шелк-сырец, хлопок), изделия кустарных ремесел, продукты сельского хозяйства. В Тарки стекались товары и из внутреннего Дагестана. Следует отметить, что одним из источников обеспечения населения Дагестана солью были Туралинские озера, служившие не только одним из главных источников дохода Тарковского шамхала, но и орудием политического воздействия на соседние народы²⁹⁷.

Трудно переоценить роль Эндирея как центра международной транзитной торговли, с одной стороны, и центра русско-дагестанских торгово-экономических контактов, связующего звена между Россией и нагорным Дагестаном, - с другой.

В Эндирей каждую пятницу съезжались горцы, ногайцы, русские со всего Северного Кавказа. Здесь совершались крупные торговые операции между народами региона. Эндирей вел обширную торговлю с Карачаево-Черкессией, Чечней, Ингушетией, Кабардино-Балкарией и даже с Крымом. В Эндирее можно было купить продукты и изделия, изготовленные не только местными жителями, но и привезенные из Салатавии, Гумбета, Ботлиха, Анди и др.²⁹⁸.

Проф. Акбиев А.С., исследуя экономическое развитие Засулакской

Кумыкии и освещая место торговли в хозяйственной жизни кумыков, основываясь на архивные источники, приходит к выводу, что в Эндирее и Тарках существовали своеобразные купеческие организации, следившие за правильным заключением торговых сделок, при осуществлении которых употреблялись расписки и векселя²⁹⁹. Известный исследователь этого вопроса Е.И. Иноземцева, на наш взгляд, правильно полагает, что данный вывод требует уточнения. Это были, как указывает она, купеческие организации кизлярских купцов – армян, которые подолгу оставались в торговых центрах Дагестана, торгуя здесь в своих лавках³⁰⁰.

В исследуемый период в Эндирее проживали кумыки, ногайцы, чеченцы, горские евреи, армяне и др. Важную роль в экономической жизни Эндиреевского владения играла добыча и разведение марены. Согласно архивных данных, поставки марены из Эндирея в Кизляр в XVIII в. были значительными по сравнению с другими населенными пунктами, традиционно поставлявшими ее на рынки России³⁰¹. Возможно, как полагает Е.И. Иноземцева, это было связано с политическими событиями на Северном Кавказе, а также с тем, что часть марены через Дербент уходила в Иран или морем в Россию³⁰².

Селение Аксай, довольно большое, тоже внесло свой вклад в торговлю того времени не только привозимыми из России или восточными товарами, но и перекупленными или привезенными из других регионов Северного Кавказа³⁰³. В первой четверти XVIII в. жители Аксая вели торг лошадьми и верблюдами³⁰⁴. В 1782 в Аксай, как сообщается в архивном документе, отправились несколько военнослужащих Томского пехотного полка, расквартированного в Кизляре, «... для вымена на холст лошадей», на 50 аршин холста было выменено 14 обозных лошадей у аксаевских ногайцев³⁰⁵.

В XVIII в. село Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись торгово-экономические связи не только русско-дагестанские, но и между всеми народами Северо-Восточного Кавказа. Кроме того, в Аксае продукция местных ремесленников, а также различное сырье (хлопок и др.) включалось и в международный транзитный товарообмен.

В Северном Дагестане одним из известных центров был Костек. «Оное место в рассуждении земледелия и скота весьма изобильно, сверх того находится в нем весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут здесь жизнь весьма благополучную», - сообщал о Костеке Я. Рейнегс³⁰⁶. Следует отметить, что Костек в торговом отношении уступал Аксаю и Эндирее, но судя по архивным источникам, играл большую

роль в осуществлении торгово-экономических отношений не только народов Северо-Восточного Кавказа между собой, но и с Россией³⁰⁷. Здесь имелись лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных русских предпринимателей скупали хлопок, марену, поставляя сюда «потребные вещи»³⁰⁸.

Известными торговыми центрами в Чечне в XVIII – первой половине XIX вв. были селения Старый-Юрт (Толстой-Юрт), Гудермес и Брагуны. В одном архивном документе за 1867 г. отмечается, что «в Старо-Юртовском ауле с давнего времени существует еженедельный базар, где собирается значительное число приезжих» для продажи разных продуктов и скота³⁰⁹.

В первой половине XIX века были открыты ярмарки в станицах Наурской, Калиновской и Слепцовой. Особенно большой популярностью пользовалась ярмарка в ст. Наурской, существовавшая с 1827 г. Здесь ежегодно бывала ярмарка осенняя (с 4 по 14 сентября)³¹⁰. В 1837 г. на ярмарку в ст. Наурской прибыло 6,5 тыс. человек и было продано товаров на сумму 39027 руб. Здесь продавались в основном текстильные изделия из промышленных регионов Центральной России, продукты сельского хозяйства, ремесленные изделия. В 1837 г. на ярмарке в ст. Наурской местными народами было продано бурок, черкесок, башлыков, шаровар и чекменей более чем на 2000 руб³¹¹.

Выше отмечалось, что основным сырьевым товаром, вывозимым из Дагестана, в частности из Засулакской Кумыкии, был корень дикорастущей марены. Следует отметить, что объем поставок этого сырья для производства ценного красителя (крап) для текстильной промышленности России с каждым годом возрастал. Так, в 1768 г. через Кизлярскую таможенную из Эндирея было вывезено 75,5 харала марены (1132 пуд)³¹², в 1772 г. – 161, 5 харала и 51 мешок или 2415 пудов³¹³ и только за вторую половину 1790 г. из Эндирея, Аксая, Костека, Тарков и Башлы было вывезено вместе 3212 пуд. марены на сумму 9636 рублей³¹⁴.

Таким образом, в XVIII в. на развитие экономики Северо-Восточного Кавказа оказывали влияние такие центры внутренней и внешней торговли Дагестана, как Тарки, Аксай, Эндирей, Костек, что отвечало жизненным интересам как России, так и региона.

В первой половине XIX в. в торговых связях с Кизляром значительной была роль с. Эндирей. В 1812 г. здесь находилось до 1500 дворов, жители которых занимались земледелием, скотоводством, пчеловодством и отдельными видами ремесел, в частности, как отмечают источники, «кинжалы лучшие по Кавказу в Андреевском селении выделява-

ются»³¹⁵. В начале XIX в. Эндирее существовал большой базар, куда приезжали кизлярские и другие русские, армянские купцы, привлекая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных горцев»³¹⁶. Из с. Эндирей продавались в Кизляре бурки, ковры, паласы, кошма, овчины, сафьян, мед, воск, кинжалы, кожи и другие ремесленные изделия.

В первой половине XIX в. по своему торговому значению в Засулакской Кумыкии, после Эндирея занимал с. Аксай. В начале XIX в. Аксай разрастается: в 1804 г. там было 500, а в 1812 г. – 800 дворов³¹⁷. Жители Аксая занимались земледелием, скотоводством, а также продавали в Кизляре дрова, садовые колья, строительный лес³¹⁸. Несомненно, что с. Аксай оставался и в XIX в. своеобразным транзитным пунктом.

Быстро разрасталось и с. Костек. Если в 1804 г. там насчитывалось до 300 дворов, то в 1812 г. уже – 650. Жители этих сел, в том числе и ногайцы, продавали в Кизляре строительный лес, сыр, рыбопродукты, сорочинское пшено и др³¹⁹.

В 20-х гг. XIX в. в Тарках насчитывалось до 10 тыс. жителей, из которых, по данным источников, «большая часть ведет торговлю с Кизляром, кумыками и соседними горцами, а многие занимаются оружейными изделиями»³²⁰. Из с. Тарки больше всего поступало в Кизляр свежих и сушеных фруктов, а от ногайцев овчины, мерлушки, местное сукно, намазлыки, зипуны. В первой половине XIX в. тесно было связано с Кизляром и с. Казийорт, расположенное на торговых путях (удобная переправа через р. Койсу к Таркам). Из с. Казийорта продавались в Кизляре шелк-сырец, марена, бурки, паласы, ковры, сафьян, мед и др.

В общей сложности в 1812 г. из Эндирея, Тарков, Костека и Казийорта было привезено в Кизляр: около 1400 бурок, 200 ковров, 800 паласов, 1169 сафьянов, 330 овчин, сотни аршин местного сукна³²¹. Немалую долю этих товаров доставляли ногайцы. В этот список не вошел ряд других ремесленных изделий, а также продуктов животноводства и садоводства.

В августе 1818 г. на въезд в Кизляр по делам торговли разрешение получили из Эндирея 15 кумыков; из Костека – 21 кумыков и 15 ногайцев; 59 кумыков из Тарков. Только в сентябре 1828 г. прибыло из разных районов Дагестана в Кизляр 1079 человек³²².

Население Засулакской Кумыкии и Чечни поставляло в Кизляр строевой лес, колья и дрова. В начале XIX в. ежегодно поступало в Кизляр до 5-6 тыс. подвод с таркалами, где продавали их по 3-5 руб. за 1 арбу. 24 апреля 1808 г. главному приставу А.И. Ахвердову сообщили о выезде в Кизляр из Аксая ногайцев на 48 арбах с таркалами³²³.

Следует отметить, что ногайцы для нужд не только региона, но и всего Северного Кавказа поставляли соль. В 1807 г. на Можарских соляных озерах было «выломано ногайцами 17000 пудов», а 1808 г. Кошали Алитеров «желал поставить Кавказской губернии в г. Кизляре в соляный магазин с кумских соляных озер десять тысяч пудов соли... и заключил с Кавказскою казенною палатою контракт»³²⁴.

Растущий спрос на дагестанскую марену, естественно, вызвал рост цен на нее и в связи с этим привел к конкурентной борьбе между российскими предпринимателями. В последней четверти XVIII в. количество прошений на право вывоза марены, приобретенной во многих владениях Дагестана, в Кизляре и в казачьих городках, резко возрастает. Цена на марену в конце XVIII в. поднялась с 11 до 14 руб. за пуд³²⁵.

Дагестанская марена очень высоко ценилась на российском рынке, даже по сравнению с иностранной. Если в 1874 г. отсюда в Россию было вывезено марены на 196735 руб., то в 1859 г. - на 1130850 рублей³²⁶.

Мареноводство на Северо-Восточном Кавказе быстрыми темпами развивалось до 70-х гг. XIX в. Когда в 1869 г. ученые Греббе и Либерман из каменного угля получили искусственный ализарин, спрос на марену упал и вскоре мареноводы региона прекратили посев марены и заброшили свои плантации.

Как уже указывалось, важное место в хозяйственной жизни Притеречных районов в XVII-XVIII вв. занимало разведение шелка – сырца. Некоторые казачьи станицы занимались исключительно шелководством. Так, в 30-х гг. XIX в. в станице Шелкозаводской 13 хозяйств имело от 50 до 200 тутовых деревьев, 9 хозяйств – от 200 до 400, 8 хозяйств- от 500 до 1000, два хозяйства – от 1500 до 2000 тутовых деревьев³²⁷.

Российское правительство требовало от Кизлярской администрации предоставления данных о количестве производимого на Северо-Восточном Кавказе шелка. Так, по сведениям Кизлярского комендантского архива, в 1753 г. Сенат на свой запрос получил ответ от Кизлярской пограничной таможни, где указывалось, что «шелк – сырец родится в Кизляре, гребенских казачьих городках, а также в Засулакской Кумыкии – в Эндирее, Аксае и Костеке и скупить можно пуд по 20 руб.» В целях поощрения торговли с Россией шелком – сырцом Сенат своим указом от 1756 г. отменил даже торговые пошлины на него³²⁸.

Согласно архивных источников, отдельные русские купцы стали создавать в Кизляре «шелковые фабрики»³²⁹. В 1778-1783 гг. в Кизляр было ввезено 5499 пудов 22 фунта шелка-сырца. В последующие годы ввоз шелка – сырца в Кизляр, а оттуда в Астрахань увеличивается³³⁰.

Половина, а в отдельные годы и больше, производимого шелка приходилась на долю Кизляра и прилегающих к нему районов³³¹. В 40 – х годах XIX века в Кизляре насчитывалось 24 крупных шелкозаводчика.

Во второй половине XIX в. здесь наблюдается упадок шелководства. В 1854 г. в Кизляре и его округе насчитывалось только 180 тыс. тутовых деревьев. Кизлярский шелк по сравнению с привозным занимал уже весьма скромное место.

Зато наибольшего расцвета виноградарство в Кизляре и в Притеречных районах достигло в последней четверти XVIII- первой трети XIX вв. В 1800 г. в Кизляре было до 1400 виноградников, а в 1818 г. их число доходило до 4500. В 1808-1810 гг. вина здесь производилось до двух млн. ведер. Продавали его на месте по 4-8 руб. ассигнациями, а в Астрахани- по 16-20 руб. за ведро³³².

Для поощрения развития виноградарства в 1805 г. в Кизляре была открыта школа виноделия. В 20-х гг. XIX в. кизлярские виноградники давали от 1200 тыс. до 2200 тыс. ведер вина в год; водки получали в год от 120 до 1200 тыс. и больше. Все это количество вина и водки вывозилось в Москву, Воронежскую, Екатеринославскую, Таврическую, Курскую, Астраханскую, Казанскую и др. губернии³³³. Кизлярская водка- так называемая кизлярка, получившая известность на всю страну, продавалась по 12-14 руб. за ведро³³⁴.

Следует отметить, что в 1913 г. в Кизляре проживали 12,4 тыс. человек. Из них армян 5,5 тыс., русских 4,4 тыс., горцев 1,2 тыс., грузин, евреев, персов по 0,3 тыс., ногайцев и поляков по 0,1 тыс. человек³³⁵.

С 30-х гг. XIX в. площади под виноградники на Северо-Восточном Кавказе сокращаются. Прежде всего это было связано со свободным ввозом высокосортных европейских вин. Следует также отметить, что с кизлярским вином в это время начали конкурировать и вина Ставропольского уезда. Кроме того, нужно указать, что виноградарство Притеречных районов страдало от частых разливов Терека. Немалую роль в упадке виноградарства сыграло также и введение в 1831 г. повышенного акциза на кизлярскую водку. Питейная откупная система разоряла кизлярских виноделов. Все это привело к сокращению виноградников. Так, если в 20-х гг. XIX в. под виноградниками в Кизляре находилось около 5 тыс. десятин земли, то в 1838 г.- только 4069 десятин. Вплоть до реформы 1861 г. местное виноградарство держалось на уровне 40-х гг. и только в 70-х гг. оно на капиталистической основе опять завоевало и приумножило свою былую славу³³⁶.

Следует отметить, что в первой половине XIX в. сотни и тысячи

местных жителей работали на кизлярских виноградниках. Российская администрация, обеспокоенная этим, в 1842 г. создала «Попечительство над приходящими в город мирными горцами». Только с 1848 г. по 1852 гг. в Кизляр прибыло около 75 тыс. людей. В основном это были отходники, искавшие заработков на стороне. В городе многие из них оставались работать на виноградниках. Кроме того, в Кизляре постоянно или временно находились горцы-ремесленники: кузнецы, башмачники, медники, мастера по изготовлению арб и др. Часть ногайцев и кумыков занималась извозом³³⁷. Только с февраля по декабрь 1847 г. через Кизлярский карантин прошло людей из сел: Аксаевского – 2687 человек, Эндиреевского – 2010, Костиковского – 1966, Казиюртовского – 116, из ногайских кочевий – 5327, десятки и сотни людей из многих сел всего Северо-Восточного Кавказа, а всего 15508 мужчин и 639 женщин³³⁸.

В 1845 г. наместник царя на Кавказе М.С. Воронцов представил российскому правительству проект расширения меновой торговли с народами региона. Еще в 1833 г. Кавказская администрация представила царю проект «о способах, могущих привести меновой торг с горцами в лучшее состояние». В целях восстановления «менового торгога», в частности, предлагалось: 1) разрешить мещанам «производить при меновых дворах торг, предоставленный общими постановлениями купцами 3-й гильдии...» 2) освободить «от рекрутской повинности мещан, которые будут торговать в укреплениях».

Проект предлагал разрешить торговлю с местными народами только русским купцам и мещанам. Эти предложения в 1836 г. были одобрены российским правительством³³⁹. Но все эти усилия и старания Кавказской администрации «остались безуспешными». Свободной торговли требовали не только русские купцы, но и местные народы. Осуждая «стеснительные» порядки на меновых дворах, они добивались «вольных сатовок», т.е. свободы действий в торговых операциях. Согласно проекту 1845 г. некоторые меновые дворы должны были быть перенесены из небольших постов кордонных линий в города – Моздок, Кизляр, что дало бы возможность привлечь к торговле с местными народами русских купцов³⁴⁰.

Несмотря на возражения некоторых царских чиновников, считавших, что торговля с народами региона не может иметь «благодетельных последствий», царь 9 февраля 1846 г. издал новое Положение о меновой торговле, сделав определенные уступки российской буржуазии, но основная цель документа состояла в том, чтобы удержать монополию торговли, расширить и укрепить свое влияние среди народов Северного Кавказа³⁴¹.

После издания нового Положения о меновой торговле, возле многих кордонных укреплений стихийно возникал меновой торг, который со временем приобретал форму регулярно действовавших базаров. На этих базарах ногайцы везде «беспечно бродили между русскими как русские мужики»³⁴².

В 1847 г. были открыты новые меновые дворы, в том числе при Амир-Аджиуртовской карантинной заставе Веденского округа Чечни. Нуждаясь в соли и промышленных товарах, народы Северо-Восточного Кавказа вынуждены были покупать на меновых дворах почти все необходимое и за дорогую цену. Произвол царских чиновников на меновых дворах и карантинных заставах лишал местное население права свободно продавать продукты своего хозяйства и покупать на меновых дворах промышленные товары. Только на Амир-Аджиуртовском меновом дворе было продано местными народами за три месяца 1847 г. кинжалов, ружей, пистолетов, замков ружейных на 8445 рублей. В 1848 г. они, кроме оружия, продавали здесь лошадей, крупный рогатый скот, шкуры диких зверей, изделия из меди и железа – кувшины, ножницы, ножи, паласы, ковры, сорочинское пшено (рис), пшеницу, просо, ячмень, муку, крупы. Местные народы привозили также в большом количестве фрукты, овощи, орехи, лук, чеснок и многое другое, сами же покупали здесь всевозможные ткани русской текстильной промышленности.

За 1848-1849 гг. Амир-Аджиуртовский меновой двор продал местным народам товаров более чем на 200 тыс. руб., а купил у них продуктов и ремесленных изделий более чем на 31 тыс. руб. серебром.

В Червленский меновой двор (ногайцы называют ст. Червленную – Ораз-аул) народы Северо-Восточного Кавказа привозили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коровье масло, говяжье и баранье сало, овчины, кожи, овечью и верблюжью шерсть. Кроме этого они продавали здесь шкуры диких зверей: куньи, лисьи, волчьи и др.³⁴³. В 1851 Червленский меновой двор купил у местных народов: 790 пуд. коровьего масла, 5830 воловьих кож, 2865 выделанных и невыделанных козловых шкур, 2684 лисьих и др. шкур³⁴⁴. Здесь же большим спросом пользовался чистый (в кругах) воск. Народы региона привозили сюда также строевой лес, колья для виноградников, дрова, жерди, ремесленные изделия – арбы, шубы овчинные и курпейные (барашковые), бурки, черкески, башлыки, ноговицы, чувяки, шаровары, шапки барашковые, сукно, ружейные чехлы, пистолеты, ружья, кинжалы, кувшины и пр. В 1851 году народами региона было продано здесь 7500 аршин сукна, 1100 буроков, 5060 черкесок, 1512 ноговиц, 200 шапок, 70 пистолетов, 50 ружейных чехлов, продуктов животноводства и др. на 46376 рублей³⁴⁵.

В список проданных товаров вошли медная, фарфоровая, хрустальная посуда, салфетки, скатерти, писчая бумага, сундуки, одеяла разных сортов, мыло, свечи и т.д.³⁴⁶. В Червленском меновом дворе местное население также покупало соль.

Меновый двор в ст. Червленной являлся связующим звеном между местными народами и казачьими станицами. Еще при учреждении этого торгового пункта один из чиновников указывал, что этот меновый двор находится «на таком пункте, что можно ожидать и русских и азиатских торговцев, ибо некоторые грозненские евреи и староюртовские жители по открытии меновой торговли, желают строить обзаведения для своей торговли, одинаково и русские торговцы в то время надеются открыть и свою торговлю»³⁴⁷.

В 1847 г. в Моздок было привезено жителями региона для продажи 458 «новых арб», 85 арб, 26 арб ободьев, 15 арб обручей, 69 арб осей, 16 арб угольев³⁴⁸. За 1847-1853 гг. в Моздоке зарегистрирована была продажа арб и частей к ним на общую сумму около 29,5 тыс. руб. серебром. Кроме того, в большом количестве вывозились через Моздок изделия из шерсти, в частности сукно местного производства, бурки, ноговицы. Так, в 1852 г. сюда было привезено: сукна 3109 аршин, бурок – 10, ноговиц – 18, черкесок – 1319 на сумму 2405 рублей³⁴⁹.

Специально для продажи изготовлялись деревянные плуги с железным лемехом. В 1852-1853 гг. через Моздок проследовало 166 арб с деревянными плугами на сумму в 664 рублей³⁵⁰.

По мере развития экономики в России стало ясно, что Предкавказье будет играть важную роль в деле включения Кавказа в систему всероссийского рынка. Российское правительство, признав этот факт, пошло на создание некоторых благоприятных условий в этом направлении. Так, например, царь Александр II своим указом от 7 июня 1857 г. упразднил таможенную линию по Тереку и Кубани. В этом решении указывалось, что «внутренние таможенные линии всегда вредны для промышленности и крайне затрудняют внутренние сношения»³⁵¹.

Разумеется, упразднение этой таможенной линии должно было способствовать развитию торгово-экономических взаимоотношений народов региона с Россией. Следует отметить, что в полной мере это решение сказалося немного позднее, в пореформенный период.

Скотоводство – традиционная для Северо-Восточного Кавказа отрасль хозяйства. Его продукты находили широкий сбыт на российском рынке. Так, в 1815 г. за пределы региона было продано в Центральную Россию 14700 овец и до 10 тыс. голов крупного рогатого скота. В 1817 г. из Кавказской области было продано только крупного рогатого скота

18060 голов, в том числе в Петербург – 8480, Москву – 2670, Воронежскую губернию – 2760, Тамбов – 1250 и т.д. Скот для отгона в центральные регионы России закупался на ярмарках. Наиболее значительные ярмарки живого скота бывали в Ставрополе, а также в селах, расположенных на Черкасском тракте- Московском, Медвежьем и Среднем Егорлыке. Здесь обычно и формировались гурты скота, направлявшиеся в Центральную Россию Лошадей закупали на конских ярмарках, две устраивались в Моздоке, две – в Ставрополе и пять – в крупных селениях Кавказской губернии (области)³⁵².

Кавказский скот высоко ценился в крупных городах России, как Санкт-Петербург, Москва и др. «Скот,- писал в 1850 г. Г. Небольсин,- покупаемый на Кавказской линии, в торговле известный под именем слободского, ценится выше прочего, потому что он был хорошо откормлен, дает нежное и сочное мясо. После слободского скота лучшим почитается донской, черноморский и украинский»³⁵³.

В конце XVIII в. украинские переселенцы положили начало развитию в регионе тонкорунного овцеводства³⁵⁴.

С дальнейшим развитием овцеводства в регионе появляются новые породы, среди которых выделялись ногайские и горские (курдючные) дававшие хорошую шерсть длиной от 4 до 7 вершков³⁵⁵. Часть этой шерсти шла на изготовление бурок (андийские, ногайские) другая отсылалась на российские суконные фабрики. Много северокавказской шерсти шло за пределы России, главным образом через Ростов-на-Дону. Так, например, в 1840 г. отсюда за границу было продано 49112 пуд., а в 1845 г. – 168643 пуд. шерсти³⁵⁶.

Слабостью рыночных связей и путей сообщения Северо-Восточного Кавказа с центральными регионами страны объясняется ярмарочная торговля. Особенно она была развита в городах и крупных селениях. Так, в 1854 г. в Ставропольской губернии было 20 ярмарок, из них 12 в казенных селах. На Северо-Восточном Кавказе наиболее крупной была ярмарка в станице Наурской. В 1834 г. общий оборот составил 27370 руб³⁵⁷. В Моздоке обычно бывали две ярмарки в год – весной (с 23 апреля по 1 мая) и осенью (с 19 по 27 сентября). В 1839 г. на них было завезено товаров общей стоимостью в 144048 рублей³⁵⁸. Следует отметить, что много товаров оставалось не проданным. Дело в том, что покупательная способность местного населения продолжала оставаться низкой. Характерно, что на рынке Моздока появлялись не только российские товары, но и из Западной Европы и из Китая, Турции, Ирана. Ведущее место в торговле с народами региона занимали товары из Центральной России.

Местные народы пригоняли на весеннюю и осеннюю ярмарки 8 тыс. лошадей, 8 тыс. голов рогатого скота.³⁵⁹ За 1833 и 1834 гг. на ярмарках г. Моздока побывало около 21 тыс. человек³⁶⁰.

Наряду с ярмарочной торговлей увеличивались обороты базаров, функционировавших в городах региона. Эти постоянные городские рынки отличались особой оживленностью и многолюдностью³⁶¹. Так, в 1904 г. на базары Ставропольской губернии было пригнано 273,6 тыс. голов скота, на ярмарки – 206,2 тыс. голов. В том же году на ярмарках Ставрополя торговые обороты достигли 4,6 млн. руб., из которых половина (2,3 млн. руб.) приходилось на реализацию скота и зерновых продуктов. В 1914 г. на Ставрополье состоялись 64 конские ярмарки, в Терской области – 21³⁶². Следует отметить, что роль меновых дворов, ярмарок была огромна, они способствовали сближению соседних народов. Через их посредство происходило взаимопроникновение товаров разных народов региона, а в быт местного населения проникли товары русского происхождения.

Со второй половины XIX в., с постепенным переходом ногайцев к оседлости, развивается и внутренняя торговля. Так, некоторые ногайцы построили собственные лавки и обзаводились разным мелким товаром. Известно, например, в Ачикулакском приставстве было 3 лавки и 1 питейное заведение, у едисанцев – 2 и в ауле Камыш-Бурун – 5 лавок, в центре Караногайского приставства, в с. Терекли-Мектеб – 1 лавка и 1 духан³⁶³. Кроме того, в конце XIX – начале XX вв. в Терекли-Мектебе и Уьйсалгане были еженедельные базары³⁶⁴. Следует отметить, что вся внутренняя торговля в Ногайской степи принадлежала армянам. Многие авторы XIX в. отмечали, что армянские купцы злоупотребляли своим положением. К примеру, Бентковский Г.В. писал, что «при ловкости армян, ... меновая торговля не в пользу производителей (ногайцев-Д.К.)»³⁶⁵. Все это, конечно, тормозило развитие торговли.

В 30-40-х гг. XIX века под влиянием углубления связей местных народов с казаками и переселенцами из центральных регионов России, расширения частной торговли армянских купцов и русских мещан среди народов Северо-Восточного Кавказа, а также усиления контрабандной торговли значение меновой торговли падает. По-прежнему основной статьей в торговле местных народов оставались изделия домашнего промысла и ремесла, продукты скотоводства, пушнина, лесоматериалы, но вместе с тем местные жители начинают поставлять на рынок и продукты земледелия.

С развитием товарно-денежных отношений на Северо-Восточном Кавказе все более увеличивалось значение постоянной оптовой и роз-

ничной торговли, сосредоточенной в лабазах, складах, магазинах и лавках. Например, в Кизляре для постоянной торговли существовали три рынка. В самом городе торговля велась в местных лавках, их число в начале XIX в. доходило до 250³⁶⁶.

В середине XIX века значительно увеличилась лавочная торговля и в других городах региона (Моздоке, Дербенте, Порт-Петровске и др.).

В 60-х годах XIX века Моздок еще продолжал сохранять значение торгового города. Этому способствовало центральное положение г. Моздока между казачьими станицами, затеречными селами и ногайцами. Начальник Осетинского округа в отчете за 1863-1869 гг. отмечал, что «жители Осетинского округа отправляются в Моздок для сбыта лесных материалов, деревянной посуды и других изделий. Там они приобретают разного скота, хлеба и материалов для одежды и обуви, так как последние гораздо дешевле в Моздоке, особенно в ярмарочное время, нежели во Владикавказе»³⁶⁷.

Экономические связи с местными народами усиливаются с основанием в 1818 году крепости Грозная, которая становится не только одним из важнейших военно-стратегических пунктов в регионе, но и его потенциальным экономическим центром. В конце 50-х гг. XIX в. крепость Грозная становится более оживленной, здесь появляются много магазинов, духанов, постоянный базар, на котором бойко торговали русские, казаки, армяне, евреи, чеченцы, ингуши, ногайцы, кумыки и др. На базар приезжали из многих сел и станиц Чечни. «Крепость Грозная, - писал в 1859 г. Инсарский В. А. - в то время так же мало походила на крепость, как и Владикавказ. Это скорее был один из уездных городов средней руки»³⁶⁸.

К концу XIX – началу XX веков, особенно после строительства Владикавказской железной дороги до Порт-Петровска (1894 г.) и до Баку (1899 г.), в регионе, в частности в Дагестане, развивается промышленность: обрабатывающая (консервная, виноделие, текстильная и др.), добывающая (нефть, рыба, соль, ртуть, сера и др.) и пр. В 1899 году в Дагестане насчитывалось 44 промышленных предприятий, не считая рыбных промыслов, в 1905 году – 54. Рыбная продукция отправлялась в Центральную Россию³⁶⁹.

Из года в год увеличивались перевозки зерна по Владикавказской железной дороге: если в 1895 году по ней было перевезено 39 млн. пудов хлебных грузов, то в 1913 году – 179 млн., т.е. за менее 20 лет они выросли в 3 раза³⁷⁰.

Если в начале XX века в целом в России добыча нефти падала, то в регионе она росла бурными темпами. За 1892-1905 гг. она выросла в 25,5

раза, в 1907-1911 гг. – с 52 млн. пудов до 83 миллионов. Кроме этого, также возникла нефтеперерабатывающая промышленность. К 1914 году в регионе функционировало более 10 нефтеперегонных заводов³⁷¹.

В начале XX века одной из основных отраслей Дагестана остается рыбная промышленность. К 1914 году увеличилось число селечных промыслов с общей посольной емкостью до 1 млн. центнеров. В весеннюю пору работало до 16 тыс. человек, в том числе 4,5 тыс. из местных народов. Функционировали 14 бондарных заводов, холодильные предприятия.

Количество консервных предприятий в Дагестане увеличилось с 18 в 1910 году до 41 в 1915 году. Консервная промышленность в 1915 году производила более 11 млн. условных банок³⁷².

К 1917 году общее число промышленных предприятий в Дагестане достигло 134 (около 43 тыс. среднегодовых рабочих)³⁷³.

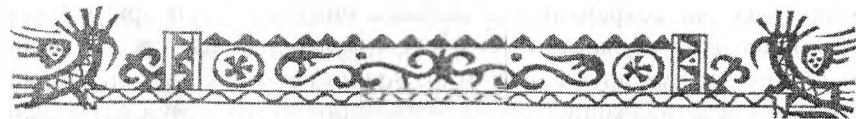
К 1916 году закончилось строительство железнодорожной ветки. Длина дагестанского отрезка Владикавказской железной дороги составила 207 верст³⁷⁴.

В начале XX века число мануфактурных и мелочных торговых лавок, открытых ногайцами, составляло 41 - с валовым оборотом на 55 тыс. 220 рублей³⁷⁵. Ассортимент товаров был следующий: ситец, кумач (по 12-14 коп. аршин), канаус, бязь, плис, зон (белая ткань для больших платков замужних женщин - «тастар»), сукно разных расцветок, платки, нитки, сафьян бараний, кожа разных сортов, молитвенные коврики, мыло, сахар, соль, чай, конфеты, спички и т.д.³⁷⁶.

В 1907 году, по официальным данным, ногайцами Северо-Восточного Кавказа было продано крупного рогатого и мелкого скота на 54125 руб., шерсти на 221445 руб., зерна 1976 четвертей на 15810 рублей³⁷⁷.

И тем не менее, общее число ногайцев, занимающихся только торговлей, было незначительным. Так, по всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года занимались розничной формой торговли в Ставропольской губернии – 88 ногайских семей, в Дагестанской области - 14³⁷⁸.

Таким образом, проникавшие в сельскую местность товарно-денежные отношения взламывали замкнутость хозяйства и патриархальные формы общественного быта.

ГЛАВА III.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Особое место в социально-политической жизни ногайцев занимали отношения с соседними народами и политическими владениями, которые не ограничивались политическими и экономическими связями, а распространялись и на другие сферы жизни народа.

На протяжении многих веков Северо-Восточный Кавказ, в частности Дагестан, привлекает внимание исследователей многоликостью региона, его полиэтничностью, языковой пестротой, разнообразием обычаев. Регион является уникальным местом, отличающимся интенсивностью межнациональных отношений. Здесь сформировалась уникальная модель мирного сосуществования народов. Издавна народы региона поддерживали между собой тесные экономические, политические и культурные связи. В течение многих столетий, живя по соседству и находясь в тесном общении, пройдя в своем культурно-историческом развитии большой и сложный путь, они не могли быть замкнутыми, изолированными друг от друга, оказывая взаимовлияние, взаимообогащаясь различными культурными ценностями, в результате чего у них выработалось много черт региональной общности духовного облика. Общими у них были верования, большое сходство в обычаях, фольклоре, одежде, вооружении. Еще в конце XVIII века известный этнограф и языковед Миллер В.Ф. подчеркивал: «Кавказский хребет - это гора языков – представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы, на сравнительно небольшом пространстве, сгущивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов»³⁷⁹.

Многие из местных людей знали языки соседних народов. У них много общих терминов и слов. И несмотря на то, что царское правительство старалось всеми мерами по принципу «разделяй и властвуй» поддерживать внутреннее несогласие между местными народами, ра-

зобщить их, они сохраняли чувства единения и уважения друг к другу.

Общность исторического развития, территориальное соседство, постоянное общение друг с другом в течении нескольких столетий способствовали активизации процессов взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения ногайской культуры с культурами народов Северо-Восточного Кавказа.

Под своим самоназванием (ногай, ногайлар) ногайцы известны всем народам Северо-Восточного Кавказа. Так, аварцы называют их ногъаял, кумыки – ногъайлы (ногъай), даргинцы – нугъайлан, лакцы – нугъай, чеченцы – ног/о(й), осетины – ногъай, кабардинцы – нэгъуей. Этноним «ногайцы» был хорошо известен не только народам, жившим на равнине или в предгорьях, но и жителям высокогорных регионов Северо-Восточного Кавказа³⁸⁰.

Важным шагом в развитии русско-кавказских культурных связей было открытие в Моздоке первой школы «для осетинских, ингушских и прочих горских народов детей». 27 сентября 1764 г. был издан указ «О заведении при урочище Моздок, где из новокрещенных горских народов селение заводится, для осетинских и ингушских и прочих горских детей школы, и о употреблении на содержание такой школы из тамошних доходов или из процентных Астраханского банка...»³⁸¹.

В начале 1765 г. в Моздоке было получено предписание из Петербурга «о скорейшем заведении» Моздокской школы и о «поспешном построении для оной» деревянного дома, «где бы могли жить учителя и ученики», и «о приискании в учителя искусных людей, особливо знающие горские языки»³⁸². Все это было исполнено. В том же году школа была открыта. Учреждение и управление ею было возложено на астраханского генерала-губернатора Бекетова и кизлярского коменданта генерал-майора Ступина³⁸³. По своему назначению это учебное заведение должно было служить интересам царизма: готовить из детей привилегированных сословий местных народов, в том числе и ногайцев, преданных российскому правительству людей- активных проводников политики царизма в регионе. Поэтому в школу принимались дети старшин и местных владельцев. Количество детей за все годы существования школы (1765-1793 гг.) колебалось от 9 до 46 человек³⁸⁴.

Следует отметить, что г. Ставрополь также сыграл большую роль в культурной жизни народов региона. Так, 18 октября 1838 г. была открыта Ставропольская мужская гимназия (как Кавказская областная). Первые гимназисты из местных народов появились здесь в 1849 г. и с этого времени учились представители всех народов северокавказского реги-

она. Число их было довольно значительным. Если в 1857 году в Ставропольской гимназии обучалось 65 представителей местных народов, то в последней четверти XIX века им ежегодно отводилось 85-100 мест, в том числе для Терской области 20-25 мест. Изучались в ней история, статистика, география, языки русский, французский, ногайский, арабский и др.³⁸⁵. Так, например, в 1883 году в пансионате учились 20 осетин, 4 аварца, 5 кумыков, 2 ногайца, 5 лезгин, 3 ингуша, 1 чеченец и др.³⁸⁶.

На основе укрепившихся торгово-экономических, политических и иных связей между народами Северо-Восточного Кавказа и ногайцами в XVIII -нач. XX веков усиливалось и развивалось их культурное сотрудничество. В результате этого сложилось много общих черт в материальной и духовной культуре. Это четко прослеживается в предметах хозяйственного и домашнего обихода, в национальной одежде и пище, в декоративном искусстве, в празднествах, в семейном и общественном быту.

Заметно изменился быт ногайцев – ногайцы восприняли многие стороны горского быта – одежду, пищу. В свою очередь, и местные соседние народы, жившие на Тереке, Куме, Сулаке, переняли у ногайцев многое – например, конское снаряжение (сбрую, короткие стремяна и др.), пищу, в частности, ногайский чай.

Такие национальные блюда ногайцев, как кумыс, йогурт, айран стали встречаться у многих народов Северо-Восточного Кавказа, а некоторые блюда соседних народов, например, кумыков, русских, казаков вошли в быт ногайцев. Так, у дагестанских ногайцев популярными блюдами стали «долма» и «курзе»³⁸⁷.

Ногайцы, как и другие местные народы, ездили на двухколесной арбе, запряженной быками.

Ногайцы переняли от горцев и русских методы введения хозяйства, характер жилища, многие черты материальной и духовной культуры. Так, ногайцы переняли у горцев способ хранения зимой кукурузы в плетенках из хвороста³⁸⁸.

Местные народы оказали влияние на терских и гребенских казаков. Великий русский писатель Лев Толстой, живший в 1851-1854 годы в станице Старогладковская (Чечня) и хорошо знавший быт гребенских казаков и местных народов, подтверждает это. Гребенские казаки, писал он, устраивали свои жилища « по татарскому обычаю». В черновом варианте повести «Казачи» Л.Н. Толстой, изображая внутреннюю обстановку казачьего дома, отмечал: «Вся противоположная двери стена

была убрана по азиатскому обычаю свернутыми пуховиками, одеялами и подушками, развешанной начищенной посудой и оружием»³⁸⁹.

Под влиянием ногайцев осетины и моздокские кабардинцы использовали в хозяйстве верблюдов. Кроме того, ногайцы делились с соседними народами опытом ведения кочевого, полукочевого, а с переходом к оседлости – оседлого скотоводства³⁹⁰.

Сближение ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа оказало влияние на духовную культуру ногайцев. В свою очередь, и духовная культура народов региона также испытывала влияние ногайской культуры. Это творческое взаимодействие хорошо прослеживается в устном народном творчестве, в танцах, музыке.

Особый интерес представляют ногайско-кумыкские музыкальные параллели. Сближению, взаимовлиянию их культур способствовало их языковое родство. У этих народов отмечена общность в терминологии музыкальных инструментов, отдельных песенных жанров.

Наряду с русскими у терских казаков были в ходу местные музыкальные инструменты: зурна, свирель, двухструнная балалайка, барабан. На всех этих инструментах играли мужчины, на гармонике – обычно женщины, как и у местных народов, это наблюдается у кубанских ногайцев.

Казаки носили кавказскую бурку, папаху, черкеску, башлык, бешмет. Украшали себя кавказским поясом, кинжалом и газырями с металлическими или серебряными наконечниками. «Самый бедный наурец (житель ст. Наурская – Д.К.), – отмечает П.А. Востриков, – скорее готов остаться несколько дней без куска хлеба..., нежели не иметь черкески, в которой он мог бы выйти на улицу, «в люди» или в церковь по праздникам»³⁹¹.

Двуязычие как социальное явление было известно издавна. Представители народов Северо-Восточного Кавказа, удивительно интересного полиэтнического региона, нередко владели вторыми языками. Следует подчеркнуть, что народы региона знали хорошо не только родной язык, но и тюркский (азербайджанский, кумыкский, ногайский). Тюркский язык, в частности ногайский, являлся для моздокских осетин, кабардинцев, казаков и др. языком межнационального общения³⁹². В середине XIX в. русский офицер Кавлянковский, проводя рекогносцировку дорог через Главный Кавказский хребет, отмечал: «Зная ногайское наречие татарского языка, я имел большую выгоду говорить с цебельдинцами (этническая группа абхазов-Д.К.) непосредственно без переводчика. Карачаевцы, близкие соседи цебельдинцев, имея происхождение татарское, говорят языком близким к ногайскому».¹

Русский же язык, вытесняя тюркский, становится основным межнациональным языком на Северо-Восточном Кавказе со второй половины XIX в. Основные факторы, способствовавшие распространению двуязычия, – экономический (торговля, отгонное животноводство), а также своеобразие расселения, времени проживания этнической общности среди различных национальностей и т.д.

Следует отметить, что полиэтнический и поликонфессиональный состав Терско-Кизлярского войска способствовал тому, что оно не привлекалось к охранной и сторожевой службе, но из него поставлялись лучшие разведчики, проводники, переводчики. Для выполнения различных поручений они направлялись в Крым, Иран, на Кубань, а также к местным владельцам. Причем, знание языков и нравов соседних и других народов демонстрировали не только казаки, но и русские, о чем свидетельствуют многочисленные документы³⁹³. По мнению исследователей, чем больше факторов (язык, религия, территория, враждебное окружение и пр.) задействовано, тем быстрее идет процесс консолидации³⁹⁴.

В русский и другие славянские языки попала часть тюркских слов. Как отмечает исследователь Тхамокова И.Х. «заимствования из кабардинского, чеченского или осетинского языков в терских говорах буквально единичны, тогда как тюркоязычных заимствований можно насчитать десятки, если не сотни»³⁹⁵.

Веками общаясь между собой, казаки и местные народы все время пополняли свой словарный запас за счет русских, кавказских и тюркских слов. О разговорном языке терских казаков можно судить по ст. Наурской (Чечня). «Язык наурцев, – писал в начале XX века П. Востриков, – довольно своеобразный. Их великорусский язык подвергался влиянию всевозможных народностей: то ногайцев, то калмыков, то лезгин, чеченцев и других горцев, не говоря уже о сильном влиянии малорусского наречия. От всех народностей, с которыми соприкасались казаки, они переняли много слов и оборотов»³⁹⁶.

В статье «Говор гребенских казаков» Караулов Н.А. насчитал более 100 слов, заимствованных казаками у горцев и ногайцев³⁹⁷. Большинство слов, заимствованных русскими и казаками у местных народов – это названия орудий труда, домашних и диких животных, птиц, растений, пищи, то есть восприняты те слова, которые были необходимы в общении людей в процессе их трудовой деятельности. В свою очередь местные народы заимствовали много слов из русской разговорной речи.

Лексические заимствования очень многообразны: это явления при-

роды и географические понятия, животный мир и поселения, одежда и пища.

Богатейший тюркологический материал (тюркизмы русской лексики) представлен в словаре Даля В.И. Состав тюркизмов русского языка Северо-Восточного Кавказа - слова: башлык, бурдюк, шаровары, бешмет, буза, айда, казан, каракуль, караул, кенаф, кизяк, курага, майдан, саман, табун, туман, туша, халва, чалма, шайтан, шаль, шатер, ярлык, ясак, кавардак, кайма, камыш, капкан, кушак, сарай, карман (XVII в.), нагайка (плеть), бугай (бык)³⁹⁸ и многое другое.

Слово «башка» является русским суффиксальным образованием от тюркского баш (бас) «голова», известного в современном русском лишь в выражении менять баш на баш «менять без придачи»,³⁹⁹ первоначально оно употреблялось для обозначения мены скота. Слова «башка», «барыш-выгода», «прибыль», аргамак- «породистая чистокровная лошадь», курдюк – «хвост, в котором бывает до 15 кг сала», толмач- «переводчик», орда, ордынка, тамга – «печать», «ханская печать», «торговая пошлина», тесьма – «лента», наименования предметов быта и торговли: башмак, чулок, кафтан, япанча, дараги «шелковая ткань», тюк, чулан, каюк, кушак, басма, сундук, хабар и т.п. в рассматриваемое время в русском языке было обычным явлением⁴⁰⁰. Исследователь А.А. Селимов в статье «Некоторые тюркизмы русской речи жителей Дагестана» приводит такие слова: «бишлек» (сыр- от «бышлак» - кум., или «пыслак» - ног., емурка, имурка (разноидность люцерны) – от «йымгыршка» - ног. или «енгурчкъа»- кум.⁴⁰¹

О длительных и тесных связях между народами региона свидетельствует также и словарный фонд кавказских языков.

Тюркские лексические заимствования чеченского языка являются одним из следствий тюркско-вайнахских (чеченцы и ингуши) языковых контактов, результаты которых находят отражение не только на лексическом, но и на иных – фонетическом и морфологическом – уровнях структуры языков чеченцев и ингушей. Так, например, саьрмасек – чеснок, саба – мыло, кема – корабль, урам - улица, бажа – свояк, йорг|а – иноходец и др.⁴⁰²

Проникновение тюркских лексических и иных элементов в язык чеченцев и ингушей является следствием многовековой территориальной смежности носителей этих языков, использования тюркских (ногайско-го и кумыкского) языков в качестве основного средства межнационального общения.

Важное значение имеет установление конкретной языковой принад-

лежности тюркских топонимов, выявляемых на территории Чечни: их изучение имеет историческое значение.

Наличие на территории Чеченской республики тюркских топонимов (гидронимов), способствует дальнейшему уточнению ореалов их распространения, решению вопроса об областях пребывания ногайцев. Например, микротопоним Ног|ийн шовда «Ногайцев родник» в местности, населенной в основном чеченцами тейпа (рода) ног|ийн «ногай» Большого Кавказа⁴⁰³, или находящиеся в селении Чеченаул микротопоним Ног|ийн боьра «Ногайская балка»⁴⁰⁴, Ног|амирзин корта «Вершина Ногаймирзы» в звене Терского хребта⁴⁰⁵, с. Ногай-мирза-юрт⁴⁰⁶ в Надтеречном районе Чеченской республики.

Подробное описание исторических связей с соседними осетинами дает Б.А. Алборов в статье «Говор осетин – иронцев Моздокского района»: «Ногайский язык является интернациональным языком не только осетин, но и для живущих рядом с ними черкесов, армян и грузин... Их увлекает сочный красочный ногайский язык, и они исполняют на нем больше, чем на своем родном языке, ногайские песни и сказки и пересыпают свою речь ногайскими пословицами и поговорками»⁴⁰⁷. Миллером В.М. описан факт, когда ногайцы свободно изъяснялись на осетинском языке⁴⁰⁸.

Некоторые исследователи отмечают, что в Дигорском ущелье жили ногайцы. Так, по мнению Кокиева Г.А., ногайцы появились в горах Дигории одновременно с асами – дигорцами после распада Золотой Орды и продвижения кабардинцев к предгорьям Центрального Кавказа, то есть в XIV – XV вв. Он даже указывает название населенных пунктов и мест, где жили ногайцы. К ним, в частности, относятся Уаллагком и селение Стыр-Дигора⁴⁰⁹. О том, что ногайцы здесь проживали, указывает и В.М. Миллер⁴¹⁰. Кроме того, как отмечает Г.А. Кокиев, ногайцы участвовали в этногенезе дигорцев (осетинские фамилии Кануковы, Абисаловы, Тугановы, Кубатиевы)⁴¹¹.

От ногайцев осетины переняли и некоторые собственные имена: Мырза (Мурза), Мырзабек, Хьантемир, Хьанцау и др.⁴¹².

Кроме того, у ногайцев и моздокских осетин существовали общие черты в нормах обычного права (судопроизводства, гостеприимства), религиозных верованиях и т.д. Следует отметить, что от осетин и кабардинцев ногайцы переняли поклонение «духу гор» на Татар-тупе. Согласно священному обычаю, издавна существующему в этом центре «международной» торговли, всякий, пришедший сюда, пользовался правом убежища (неприкосновенности). Это обеспечивало возможность

заключения взаимовыгодных торговых и прочих сделок между ногайцами и осетинами⁴¹³.

Длительные и тесные связи были между ногайцами и моздокскими кабардинцами. Так, в женской одежде моздокских кабардинцев, как и в мужской, прослеживаются влияние культуры народов, живущих по соседству с моздокскими кабардинцами (русское, ногайское в частности, «каптал»- бешмет, платки женщины, кумыкское, осетинское)⁴¹⁴. Очень близкими связями моздокских кабардинцев с другими народами, особенно с ногайцами, обусловилось многоязычие. Большинство моздокских кабардинцев владело наряду с родным языком ногайским, русским и осетинским. Для моздокских кабардинцев ногайский язык стал вторым языком, языком межэтнического общения. Многие ногайцы долгое время проживали вместе с кабардинцами, другие бывали частыми гостями у кабардинцев. Это способствовало их сближению, установлению дружественных связей. Много терминов материальной и духовной культуры моздокские кабардинцы заимствовали у ногайцев, например: «тырнауш»- грабли, «кьюий»- колодец, «къуда»-сват, «амай»- дедушка, «балдуз»- свояченица, «къадаш»- дядя (от слова «къардаш»- родственник), «тукум»- род и многие другие⁴¹⁵. Ногайский чай был непременным повседневным напитком моздокских кабардинцев. Его пили со сливками, маслом и черным перцем⁴¹⁶. Сватов моздокские кабардинцы называли ногайским словом- «къуде», угощение сватов – «къудэгъашхэ». Тамаду стола моздокские кабардинцы- христиане называли «тойлыбаш» (от ногайского происхождения: той- свадьба, баш- голова)⁴¹⁷.

У ногайцев моздокские кабардинцы восприняли не только язык, но и богатый фольклор- пословицы, поговорки, предания, сказки, свадебные и любовные песни, частушки, множество терминов материальной и духовной культуры. «Анасыз»- не имеющий матери, «анасын»- имеющий мать. Эти слова, заимствованные из ногайского языка, у моздокских кабардинцев выражали отчаяние, тоску, сожаление, а также торжество, восторг. Кабардинцам была хорошо известна и лирико-поэтическая поэма «Тахир и Зухра», о верной и трагической любви, бытовавшая у живущих по соседству- ногайцев. Православные кабардинцы пели песни на ногайском и кабардинском языке. Кроме того, куначество, аталычество, побратимство, сыграло значительную роль в сближении моздокских кабардинцев с другими народами – ногайцами, кумыками, чеченцами, ингушами, осетинами и жителями казачьих станиц⁴¹⁸.

Большое значение придавали ногайцы искусственному родству. Такое родство известно им, как и многим соседним народам региона, в

самых различных видах. Наибольшее значение имели усыновление, побратимство и аталычество. Существовали и другие, близкие к ним формы породнения, которые устанавливались при обрядах первых лет жизни ребенка и во время свадьбы.

Так, к усыновлению или удочерению прибегали во многих жизненных ситуациях. Если у роженицы не хватало молока, ей приходилось обращаться к какой-нибудь кормящей женщине и та тем самым становилась молочной матерью ребенка⁴¹⁹.

Кровник, у которого не было другой возможности избежать мести, искал случая, чтобы прикоснуться губами к груди матери своей жертвы и этим вынудить ее усыновить его⁴²⁰.

Как выше указывалось, у ногайцев в исследуемый период существовала форма искусственного родства – аталычество. Часто ногайские князья и мурзы отдавали своих детей в семьи представителей соседних народов или, наоборот, принимали на воспитание их сыновей или дочерей. В отписке воеводы в Посольский приказ в 1614 г. содержатся упоминания об аталыках ногайских мурз⁴²¹. Многие знатные фамилии кумыков, кабардинцев отдавали на воспитание ногайцам своих детей⁴²². Так, в XIX в. кумыкский князь С. Капланов воспитывался в ногайской семье⁴²³.

И в начале XX в. аталыками княжеских и салаузенских детей кумыков Терско-Сулакского междуречья нередко являлись соседние ногайцы⁴²⁴. Так, например, в 1863 г. при судебном разбирательстве земельных споров между кумыкскими князьями Эльдаровыми и Каплановыми на стороне князей Эльдаровых в числе 15 свидетелей присягал и их аталык ногаец⁴²⁵.

«Брать на воспитание детей княжеских, - указывается в архивных материалах о Засулакской Кумыкии, - считалось для воспитателя (аталыка) особенной честью: дети воспитателя делались воспитаннику эмчеками (молочными братьями), что также считалось особенной честью, и молочное родство уважалось и соблюдалось с обеих сторон»⁴²⁶. Родство между молочными братьями, по словам Леонтовича Ф.И., считалось «священнее природного»⁴²⁷.

Во избежание привязанности частые встречи, тесные контакты ребенка с родителями, точно так же как посещения родителями дома аталыка, не полагались. Такие посещения рассматривались как факты недоверия в отношениях сторон. Только жена аталыка изредка и на короткое время водила или возила ребенка для встречи с родителями. Когда воспитаннику исполнялось 7-8 лет, его возил в дом родителей сам ата-

лык. В родительском доме старались внешне не проявлять особого внимания к ребенку, чтобы «он не привык к дому». В то же время аталыку оказывали подчеркнутое гостеприимство. «Я так была привязана к семье аталыка, что не хотела оставаться долго в родном доме, если даже там готовился плов или другое изысканное для того времени кушание», - вспоминала княгиня- бийке Алибекова (Хамзаева) Саадат, воспитывавшаяся в ногайской семье⁴²⁸.

Следует отметить, что чем традиционнее был образ жизни семьи ребенка и его аталыка, тем сдержанней и реже были эти встречи. «...Соблюдается правило- указывал Н. Данилевский об аталычестве на Кавказе, - что пока не кончится воспитание отдаваемого ребенка, родной отец редко видится с сыном или дочерью и даже стыдиться ласкать их или говорить с ними при свидетелях»⁴²⁹.

Часто по желанию аталыков воспитанницу выдавали замуж. Иногда бывало, что воспитанницы требовали, чтобы их выдавали замуж те аталыки, которые их воспитывали с раннего детства, и эти пожелания удовлетворялись. Так, по желанию ногайского аталыка Темирбулата была выдана замуж кумыкская княгиня Саадат Хамзаева⁴³⁰. Кумыкский князь Салимсолтан Капланов, который во второй половине XIX века воспитывался у ногайского аталыка Темирбулата из с. Мужукай до совершеннолетия, также был женат аталыком на кумыкской княжне Таймазовой из с. Бораган (Чечня). Следует отметить, что большую часть расходов на свадьбе нес аталык. Став аталыком двух сестер дочери кумыкского князя Ахая Хамзаева, этот аталык стал фактическим хозяином земель и скота своего князя⁴³¹.

Таким образом, через аталычество между двумя семьями устанавливались тесные отношения, равные родственным и налагающие на обе стороны большие обязанности.

Важным моментом этнокультурных взаимоотношений ногайцев с народами региона являлись связи кровнородственного и брачного характера. Национально-смешанные браки выступали одним из факторов развития этнических процессов на Северо-Восточном Кавказе и вместе с тем формой осуществления этнических контактов. Межэтнические браки усиливают этнические контакты и в целом способствуют сближению народов. Этнокультурные отношения подобного рода имели огромное значение в семейно-общественном быту северокавказских этносов, приводя к трансформации этнической самоидентификации целых фамилий.

На протяжении XVI- нач. XX вв. ногайцы поддерживали кровнород-

ственные взаимоотношения со всеми народами региона. Так, например, в исследуемое время владельцы Осетии вступали в брачные связи с аристократическими кланами Дагестана, Ногайской Орды и других⁴³².

На Северо-Восточном Кавказе имели место не только династические, феодальные и т.п. смешанные браки. Близкое соседство вело к таким же родственным связям и у более простых сословий. Межэтнические браки народов Северо-Восточного Кавказа являлись одним из каналов культурного взаимовлияния. Подтверждением этому служат фрагментарные свидетельства в фольклоре, письменные источники и другие этнографические материалы. Даже в XIX в., когда взаимоотношения с горцами обострились, у гребенских казаков были жены из числа дагестанских народов, кабардинцев, чеченцев⁴³³. Кроме того, существовали смешанные поселения из кабардинцев, ногайцев, кумыков, аварцев, даргинцев, чеченцев, русских и казаков⁴³⁴.

Отмеченные межэтнические контакты не могли не оказать своего влияния на свадебную обрядность. Так, в частности, у казаков взаимодействия выразились в обязательном включении в состав приданого и свадебных подарков металлических предметов и изделий, оставлении части приданного в семье родителей, исполнении лезгинки, игре на местных музыкальных инструментах, спортивно-развлекательных играх и состязаниях (джигитовка, стрельба и пр.), в ряде элементов свадебной одежды и украшений, похищении невесты⁴³⁵.

Отметим, что калым, избегание, особенности одариваний, свадебного поезда и др. были характерны и для ногайцев. Как и у ногайцев, невесты- казачки отдавали предпочтение красному (алому) цвету свадебного платья, украшениям из монет и кораллов⁴³⁶.

По архивным источникам известны оставшиеся в гребенских станицах ногайцы, «ясыри» кабардинских, брагунских и других владельцев⁴³⁷. Принимая крещение, они вливались в состав гребенцев. И в XIX веке многие казачьи роды помнили о своем происхождении. О том, что в состав гребенского и кизлярского казачества вошли представители разных народов, свидетельствуют прозвища и фамилии казаков: Аука, Басман, Тарывёрдый, Хаджаев, Велиев, Казиев, Бетапов, Шергипов, Кайтемиров, Татаров и др⁴³⁸. Не случайно знаток казачества Гребенец Ф.С. писал, что «в каждом новогладковском казаке течет кровь чеченца, кабардинца или ногайца и многих других народностей Кавказа»⁴³⁹. Таким образом, дореволюционные историки не случайно писали о гребенских казаках, как о конгломерате местных народов, спаянных русской кровью и объединенных общей судьбой. Великий русский демократ В. Белин-

ский отмечал, что гребенцы стали «новыми и удалыми сынами Кавказа, без которых не полна и не определена его физиономия»⁴⁴⁰.

Исследователи отмечали заимствования, не только вытеснившие прежние элементы материальной и духовной культуры гребенских казаков, но и сосуществовавшие с ними (бревенчатая изба и сакля, сусек и сапетка в одном дворе, складни в киоте и оружие по стенам, трепак и лезгинка, стойкость в пешем бою, присущая русским, и лихое кавказское наездничество⁴⁴¹. Наблюдалось и смешение русских, кавказских, тюркских культурных компонентов и выработка на этой основе инноваций (одежда, свадебная обрядность и др.)⁴⁴².

У гребенских казаков под влиянием тюркской среды шло также формирование военно-социальных структур (атаман, есаул и др.), не земледельческие занятия выступили на первый план⁴⁴³. Переход к иному хозяйственно-культурному типу (в данном случае не кочевническому, а военно-промысловому), происходивший под влиянием, соседних этносов (по документам известны казаки-половцы, ногайцы и пр.), сопровождается многими заимствованиями, с этим типом связанными.

Ногайцы и кумыки – это наиболее близкие по языку, обычаям и истории северокавказские народы, что особенно ярко отражено у дагестанских ногайцев и кумыков. В художественном творчестве наиболее ранняя общность и взаимосвязь у этих народов наблюдается в фольклоре: проникновение к кумыкам сюжетов об Эдиге, Шора-батыре, Мамае, Адиль-Султане и др., а также ряда текстов казачьих песен, толгау и т.д.; влияние на ногайцев традиций кумыкского танца, поздних лирических песен, а также письменных произведений и др. Так обращает на себя внимание близость во всех отношениях друг к другу ногайских фольклорных произведений из цикла «кыска казак йырлар» и кумыкских «къанка къазакъ йырлар», пословиц, поговорок и т.д. Широко бытует среди ногайцев и кумыков сказание об Аманхоре – в устной и письменной формах⁴⁴⁴.

Одними из первых исследовательских работ, в которых, в частности, рассматриваются ногайско-кумыкские фольклорные и языковые взаимосвязи, были «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка» И. Адамова (СПб., 1851), являющийся сравнительной грамматикой ногайского и кумыкского языков; «Сборник ногайских и кумыкских текстов», изданный в Санкт-Петербурге в 1883 г. М. Османовым.

Среди кумыков распространена рукопись, в которой некий Бинасра-

дин сын Абулмуслима написал кумыкские переводы известных ногайских преданий о хане Тохтамыше и об Адиль-Султане Крымском⁴⁴⁵.

Кроме того, как показывают археографические исследования известного ученого-тюрколога Оразаева Г.М., среди ногайцев Северо-Восточного Кавказа, особенно Терско-Сулакского междуречья широкое распространение имели кумыкские рукописные тексты, а также печатные и литографированные арабографические книги, изданные в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Казани и Симферополе⁴⁴⁶. Следует также отметить, что у ногайцев был распространен ногайский вариант поэзии суфийского направления «тюрки» («Кара ер» и др.), на возникновение которых немалую роль сыграло влияние кумыкской поэзии в жанре тюрки⁴⁴⁷.

Важным показателем таких взаимосвязей остаются этнонимы. Например, ногайские этнонимы оказали влияние на образование некоторых фамилий Северо-Восточного Кавказа. Так, в антропонимии местных народов встречается значительное количество ногайских имен: Ногай, Ногай-Мырза, Насыпхан, Эдильбай, Эдильбий и др.; фамилии – Ногаев, Нугаев, а среди ногайцев-кумыкбий, Авархан, Казакбий, Орусбий (Урусбий), Мышыгыз (Мичигиз), Тавлы и др.

Следует отметить, что зачастую ногайцы, или наоборот, представители других народов, вынужденные по каким-либо причинам покинуть свою родину, переселялись в места проживания соседних народов региона, где они ассимилировались в местной этнической среде. Наиболее часто подобные переселения ногайцы совершали в Кабарду, Чечню и разные районы Дагестана, а также в казачьи станицы, то есть именно к тем народам, с которыми они поддерживали тесные этнокультурные связи. Следует отметить, что переселенцы на протяжении нескольких поколений помнили о своем происхождении и старались не прерывать взаимоотношений со своими родственниками, оставшимися в родном краю. Это, в свою очередь, стимулировало развитие новых этнокультурных контактов между ногайцами и другими народами региона.

Самое широкое распространение у всех народов региона имело гостеприимство. Об этом свидетельствует факт заимствования слова «приятель», «кунак» из тюркского во многие языки, в том числе в русский: «кунак (конак)- «приятель»», «знакомый, с кем вожу хлеб-соль». Дословно «кунак» по тюркски «гость», отсюда «куначество»- «взаимопосещение»⁴⁴⁸.

В рассматриваемый период у ногайцев существовал обычай куначества (къонакълыкъ). Любой мужчина из числа соседних народов мог быть кунаком ногайцев. Кунак был другом семьи и мог вести себя как

ее член. Обычай гостеприимства у ногайцев, как и других народов своими корнями уходит в глубокую древность: между соседними племенами и народами, ведущими торгово-экономический обмен, нужно было обеспечить безопасность человека. Кроме того, гостеприимством пользовались кровники, похитители девушек, бежавшие из родительского дома, чтобы не быть насильно выданными замуж. Обидевший гостя подвергался суровому наказанию. У терских ногайцев считалось позором, если гостю не зарежешь перед ним барана (даже при наличии дома мяса)⁴⁴⁹.

Для приема гостей у ногайцев существовало специально отведенное помещение – кунацкая. Или выделяли одну из лучших комнат жилища, предназначенную для гостей. Ногайцы, даже самые бедные, всегда были рады приезду гостя, считая, что вместе с ним приходит благо.

Обычай гостеприимства ногайцев распространялся не только на близких хозяина, но и на всякого путника, ищущего приют. Этот обычай был залогом взаимоуважения и взаимопомощи между народами Северо-Восточного Кавказа. Много кунаков было у ногайцев и среди казаков близлежащих станиц⁴⁵⁰. Ногайцы, как и другие народы региона, со временем настолько сблизились с казаками, что отлично понимали друг друга, легко находили общий язык, у казаков и русских появились близкие друзья – кунаки в аулах, а у местных народов – в станицах и городах, они делили горе и радость, перенимали друг у друга положительный житейский опыт. Многочисленные архивные источники свидетельствуют о том, что между ногайцами и терско-гребенскими казаками сложились добрососедские отношения. Так, например, во время неурожайного 1740 года казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами⁴⁵¹. Многие казаки и русские выезжали в аулы, где строили дома, мельницы, конюшни, разводили сады и виноградники, делали мебель зажиточной местной верхушке. Очень часто ногайцы для изучения русского языка отдавали своих детей в казачьи семьи, в которых они жили как равноправные члены. В результате такого длительного тесного повседневного общения ногайцы усваивали русский язык, а многие казаки свободно владели ногайским языком⁴⁵². Влияние ногайцев проявилось в том, что в языке казаков появились, заимствованные из тюркского, названия домашних животных, степных трав, пастушьей палки, веревки, кибитки (их русские и казаки ставили во время полевых работ), плаща-накидки, сумки, животноводческих продуктов питания⁴⁵³. Современники отмечали сходство в одежде казаков и ногайцев⁴⁵⁴. Некоторые элементы праздничной пищи ногайцев (баурсак) получили распрос-

транение у русских и казаков. Праздники имели также общие элементы, как скачки, джигитовка, устройство качелей⁴⁵⁵.

Гребенские казаки верили в лабасту, страшную нагую женщину с отвислыми грудями, закинутыми на спину, которые живут в водоемах или лесах (русалка). У гребенцов, под влиянием соседей-ногайцев, образ русалок стал именоваться лабастой (от ногайского – албаслы, злой демон женского пола)⁴⁵⁶. Прав известный историк – кавказовед Марковин В.И., который пишет: «Культура любого народа создается в результате контактов с соседними народами»⁴⁵⁷.

В дореформенный период, несмотря на военные действия, часть казаков и русских сохраняла среди местных народов кунаков и родственников. Конфликт, в который они были вовлечены, порождал своеобразные формы межэтнического взаимодействия. В ходе него происходило сопоставление – противопоставление по ряду направлений (хозяйственно-культурный тип, языковая, конфессиональная принадлежность и пр.), при этом выяснялись многие общие черты материальной и духовной культуры. В условиях противостояния некоторые из русских и казаков колебались между двумя культурами, демонстрируя признаки маргинальной этнической идентичности⁴⁵⁸.

В этой связи иную трактовку может получить известное «Дело Атарщикова».

Семен Атарщиков родился в терской станице Наурская. Ребенком был отдан в кумыкское село, где научился тюркскому, чеченскому и некоторым другим языкам. Позднее сам Атарщиков отмечал: «Я невольно сроднился с бытом, нравами и обычаями горцев»⁴⁵⁹. В 16 лет Атарщиков стал переводчиком в Моздокском казачьем полку. Во время Кавказской войны в 40-х гг. XIX века он дважды бежал в горы. Во второй раз Атарщиков принял мусульманство, женился на дочери закубанского ногайского узденя и стал принимать участие в сражениях на стороне горцев⁴⁶⁰.

По мнению М.О. Косвена, этот случай показывает, что «воспитание в горском ауле, приобретенные навыки горского вольного быта, позднейшее общение с горцами, дружба Семена Атарщикова с отдельными представителями горских народов и, наконец, его побег в горы, все это... звенья одной цепи»⁴⁶¹.

Следует отметить, что подобный случай не был единственным в своем роде. Сын Фролова и кабардинской княжны Таймазовой (из ст. Червленной Чечни) Мисост (Иван) бежал на Кубань и сражался против русской армии. Подобная этническая прослойка в русских станицах слу-

жила своеобразным передаточным механизмом, звеном, соединяющим местные народы с гребенским казачеством⁴⁶². Многочисленные материалы свидетельствуют о том, что глубокое проникновение в другую культуру могло происходить не только в результате межэтнических браков, но и различных форм искусственного родства и дружественных отношений, который позволял воспринимать «чужую» культуру, как «свою».

Следует отметить, что гребенцы помимо предков – казаков указывали свое происхождение от осетин, чеченцев, ногайцев, адыгов и др., хотя в источниках известны многочисленные выходцы из различных краев Российской империи, пополнявшие терское казачество⁴⁶³. Но казаки – старожилы всячески старались отрицать какую бы то ни было связь с русскими. Причин здесь было несколько.

Во-первых, казаки дистанцировали себя от податного населения России и поэтому выводили свою родословную исключительно от иноплеменников. Во-вторых, признание «российского» источника, означало, что подозрения (убеждения) властей в том, что казаки принимают русских беглых, справедливо. Но это могло принести лишь неприятности. Отсюда упорное замалчивание русских корней и подчеркивание своего происхождения от неких вольных людей. Тем более что, действительно, трудно найти представителей кавказских, тюркских и иных народов, которые бы в той или иной мере не пополняли казачьи социоры⁴⁶⁴.

У казаков и местных народов много было общих взглядов на народную медицину.

В Дагестане и Чечне было много народных лекарей, которые восхищались своими операциями и лечением русских гражданских и военных людей, живших на Кавказе.

В 1847 году при осаде русскими крепости Салты был смертельно ранен в грудь офицер Мищенко. Наместник Кавказа Воронцов просил известного хирурга Пирогова использовать все возможное, чтобы спасти жизнь подполковнику. Хирург осмотрел рану, «признал ее смертельною и на выздоровление никакой надежды нет». И все же пригласили местного народного лекаря, последний «принялся за дело так удачно, что раненый был исцелен и прожил после того еще двадцать пять лет в постоянной деятельности»⁴⁶⁵.

Местные лекари до тонкости знали костоправство, что высоко ценилось и российской военной администрацией. «Известно, - отмечает ученый Б.В. Виноградов, - что некоторые гакиды (лекари – Д.К.) были приглашены командованием русских войск в 1835 году в качестве полко-

вых или дивизионных врачей для обслуживания войсковых частей, состоящих преимущественно из кавказцев. Для изучения их приемов к таким прикамандировывались русские фельдшера»⁴⁶⁶. Так, в конце XIX – начале XX веков в регионе был известный ногайский лекарь – костоправ Нури. Пирогов пристально изучал народную медицину и привлекал лекарей к лечению солдат в военных лазаретах. Известный хирург подарил набор хирургических инструментов народному лекарю в Дагестане⁴⁶⁷.

Костюм невесты у разных этнографических групп ногайцев имел свои локальные особенности. Так, ногайцы Терско-Сулакского междуречья невесту наряжали в костюм кумыкского типа (длинное платье- рубаха, распашное платье), головной убор – «шукты», платок и др.⁴⁶⁸.

Следует отметить, что местные народы многое восприняли у русских. «Последствия сближения с русскими, - писал в 1859 г. современник, - были очевидны, на мужчинах реже встречались лохмотья, у многих женщин завелись канасовые бешметы, на детях стали появляться рубашки и чулки вместо прежнего их природного костюма и старой папахи с отцовской головы»⁴⁶⁹.

Рассматривая разнообразные формы межэтнического сближения, трудно переоценить огромную роль повседневного производственного сотрудничества ногайцев с их соседями. Подробный разбор этой темы в предыдущем разделе избавляет нас от необходимости повторной детализации. Здесь мы лишь отметим, что рыбный промысел, земледелие, торговля и отходничество, помимо их очевидного хозяйственного эффекта, оказывались еще и мощными факторами межэтнического сближения, создавая для него наиболее оптимальные условия.

Рыбный промысел был, возможно, самым ранним из этих факторов.

С конца XVIII века на рыбных промыслах русских рыбопромышленников стал широко использоваться труд ногайцев⁴⁷⁰. Работая на рыбных промыслах, они учились у русских способам ловли рыбы, выработанным их многолетней практикой.

Большую роль в переходе ногайцев от скотоводства к земледелию сыграла близость русских поселенцев и местных соседних народов к терско-сулакским, ачикулакским ногайцам. Близкие отношения с русскими и другими местными народами давали возможность ногайцам постепенно перенимать у них новые хозяйственные навыки. Благодаря общению с русскими поселенцами, ногайцы узнали такие культуры, как картофель, капуста и др.

Влияние это не было односторонним. Народы Севера – Восточного

Кавказа тоже, в том числе и Дагестана, оказывали влияние на материальную культуру русского населения на Тереке.

Восприняв у местного населения некоторые приемы культивирования винограда, казаки стали заниматься виноградарством и виноделием. Характеризуя экономику терских казаков в XVII в., русский воевода писал в Москву: «В Терский город виноградное питье и терские, и гребенские казаки привозят, и тот же виноград на Терке продают, и про себя держат».⁴⁷¹ Казаки научились у местных жителей сбору марены, которая произрастала в Терском округе⁴⁷².

Опыт разведения скота ногайцами на огромных степных просторах Северо-Восточного Кавказа способствовал развитию навыков скотоводства среди соседних народов и русского населения Притеречья. Так, русские и украинские переселенцы, хотя и не кочевали со своими стадами, подобно ногайцам, но почти не занимались заготовкой кормов и содержали обычно скот в течении года на подножном корму, перегоняя его с места на место на большие расстояния. Это было типичное степное животноводство, сохранявшее на протяжении всего дореформенного периода экстенсивный характер⁴⁷³. Не только казаки перенимали у ногайцев опыт разведения скота, более приспособленного к местным условиям⁴⁷⁴. Так, у даргинцев были распространены понятия « нугъай унц » - ногайский бык, « нугъай къял » - ногайская корова. В даргинском фольклоре есть много материала, касающихся добрососедских связей даргинцев с ногайцами. Например, в одной песне говорится:

«Хабар хулал Аймийсай,
Рашахъули аррукиб
Хабар окар Меседу
Нугъайтачир аррукиб»
(Известную, богатую Аймисей
замуж отдали,
она к мужу пошла пешком,
а бедную Меседу в дом жениха повезли на арбе,
запряженной ногайскими быками – построчный перевод)⁴⁷⁵.
В другой песне даргинцев поется:
«Мас дигутас мас дигъаб
Москвала хулал шагъар.
ДухІнали азир тукен
Мулк дигутас мулк дигъаб
Капарайла дянг майдан.

ДухІнали даршал дянг хъарахъ»
(Кто хочет иметь много товаров,
тот пусть едет в Москву,
Где полно магазинов,
а кто хочет богатства, пусть едут
в бескрайную Ногайскую степь,
Где сотни кутанов)⁴⁷⁶.

Заимствовали ногайцы у русских типы жилищ, строительную технику⁴⁷⁷. У ногайцев появились современные европейского типа строения – жилища с русской печкой, деревянные кровати заменяли нары, появились столы, стулья, стали разводить овощные культуры, ногайский стол сделался более разнообразным и т.д.

Добрососедские и дружественные отношения были в изучаемое время между ногайцами и чеченцами. Имели место смешанные браки и приобщение ногайцев к отдельным вайнахским родственным коллективам, в результате чего образовались ног|и – некъе (ногайские поколения) в ряде чеченских тейпов⁴⁷⁸. Например, в селениях Дубаюрт и Чирюрт Шалинского района Чеченской республики есть многочисленный тейп «Ногай»⁴⁷⁹. Носители этого тейпа считают своими предками ногайцев. Чеченцы переняли от ногайцев и некоторые собственные имена: Ногай-Мырза, Эльмурза, Эдильбай, Эдильбий и др.

Длительные политические и экономические взаимоотношения ногайцев с чеченцами нашли свое отражение в фольклоре и в некоторых деталях домашнего быта. Образ Черного Ногай наделяется в чеченской героической песне (илли) всеми качествами благородного богатыря, не лишенного слабостей, но достойно соперничавшего с вайнахскими наездниками⁴⁸⁰.

Идеи дружбы и мирного сотрудничества народов в ногайском фольклоре занимают одно из центральных мест, что обусловлено самой историей народа: дружественные связи ногайцев с другими народами Кавказа имеют многовековую традицию. Отношение ногайского народа к своим соседям выразительно и емко охарактеризовано в обращении к чеченцу: «Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым- я. Кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо... гор повторяет твое имя, ветер ногайских степей далеко несет звук моего имени. Чего бы, кажется, недоставало нам, и почему бы не жить нам дружно?»⁴⁸¹.

История помнит немало примеров, когда северокавказские народы,

в частности, ногайцы вместе с вайнахами защищали свои земли от опустошительных набегов крымских и калмыкских правителей.

Наблюдаются общие черты в фольклоре, в религиозных верованиях вайнахов и ногайцев. Так, историко-этнографические материалы показывают, что верования чеченцев и ногайцев имели ряд общих черт. Как полагает исследователь Великая Н.Н. «один пласт аналогичных представлений связан с доисламской мифологией и стадийно может быть отнесен к домонгольскому периоду вайнахо-тюркских взаимосвязей. Сюда относятся анимистические и другие ранние формы верований»⁴⁸². Кроме того, для вайнахов и ногайцев были характерны представления об албаствах // алмазах, как о высоких, большегрудых, страшных женщинах, скитающих по полям и лесам, которые могут вступать с людьми в брачные связи. Определенную роль в ногайской мифологии занимал образ змеи, которая была тесно связана с домашним очагом (домашнего духа – покровителя представляли в виде змеи, для нее даже оставляли в доме молоко), а также являлась охранителем источников и водоемов. По верованиям вайнахов, хотя змея и принадлежала к числу вредных животных, однако в доме ее не трогали. По преданию, в жилище мудреца Маго змея жила постоянно. В традиционно доисламских календарях вайнахов и ногайцев выделялись 40-дневные периоды наивысшей жары: у вайнахов – чилла, у ногайцев – шиле.

Следует отметить, что с древнейшими космогоническими и зоолатрическими верованиями связаны многочисленные аналогии в характере орнамента войлочных изделий, в частности ковров. Среди наиболее распространенных символов можно указать зооморфные (рога и части тела животных) и солярные (в виде различных крестиков, спиралей и т.д.)⁴⁸³.

Следует отметить, что важное значение в деле налаживания межэтнических контактов, установления между ними доверия, взаимопонимания и уважения имела торговля.

Торгово-экономические взаимоотношения способствовали разрушению хозяйственной замкнутости народов региона, повышению уровня их жизни, расширению и укреплению межэтнических контактов.

Таким образом, многовековое соседство ногайцев и горцев взаимно обогатило материальную и духовную культуру и тех и других народов. Следует отметить, что ногайцы принадлежат к тюркоязычному метаэтническому массиву в регионе, а с другой стороны, даже будучи подвержены интенсивным интеграционным процессам контактов, сближений, влияний, они сохранили свою этническую и культурную самостоятель-

ность, не поддались тенденциям нивелировки национальной самобытности. На социальной духовной карте народов Северо-Восточного Кавказа ногайцы воспринимаются как неизменные носители тюркских традиций культуры и быта. Но в то же время ногайцы не избежали некоторой восприимчивости к иноязычным и инациональным влияниям, что «в этнической культуре ногайцев объем и тип кавказских заимствований утвердились и осознались как коренной и органичный пласт собственно национальной духовной сути»⁴⁸⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественно-экономические и политические отношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа и Россией в исследуемый период были тесно связаны с политической обстановкой, сложившейся в это время в регионе. Прежде всего, это была борьба царской России, шахского Ирана, султанской Турции и ее вассала-Крымского ханства за овладение Кавказом.

История народов Северо-Восточного Кавказа, как и России, на протяжении XVIII-XIX вв. наполнена острой борьбой за обеспечение безопасности своих границ от Иранской державы, Османской империи и стоявшего за ней Крымского ханства.

Торгово-экономические взаимоотношения ногайцев с народами региона и Россией в рассматриваемый период развивались в русле сложных и противоречивых как внутри-, так и внешнеполитических событий на Северо-Восточном Кавказе. Их стабильность и неуклонное расширение было обусловлено общностью экономических интересов как народов Северо-Восточного Кавказа и России.

Под влиянием этого процесса в экономике народов региона, в том числе и ногайцев, происходили большие изменения. Российское правительство в этот период уделяло большое внимание развитию торговых связей, усматривая в этом одно из средств распространения своего влияния на Северо-Восточном Кавказе.

Огромное влияние на развитие торговли между народами Северо-Восточного Кавказа и ногайцами в регионе оказывали города: Дербент, Терки, Святой Крест, Кизляр, Моздок, Темирхан-Шура, Порт-Петровск, Грозный, Хасавюрт, а также крупные экономические центры Северного Дагестана, такие, как Тарки, Эндирей, Аксай и Костек.

Торговые связи ногайцев с народами региона осуществлялись через торговые центры, расположенные на плоскости, а также через посредников-армянских купцов.

Здесь, на месте скрещения важнейших дорог, ведущих с севера в Закавказье и страны Ближнего Востока, жители Северо-Восточного

Кавказа встречались не только между собой, но и с торговыми людьми России, Закавказья и других стран.

Окончательное присоединение региона к России совпало с отменой крепостного права, которая расчистила путь для развития капитализма в стране. Вовлечение Северо-Восточного Кавказа в систему единого общенационального капиталистического рынка ускорило экономические процессы, обусловило в регионе капиталистические отношения.

По мере экономического освоения региона стали развиваться в городах буржуазные тенденции, связанные с ростом товарно-денежных отношений и с постепенным вовлечением Северо-Восточного Кавказа в сферу единого общероссийского рынка. Все более увеличивалась торговая роль городов как связующего звена в рыночных отношениях между городом и сельской местностью, а также между отдельными районами.

Изменялись размеры и формы торговли. На смену меновому характеру торговли пришли товарно-денежные отношения (увеличивалось число и размеры ярмарочной торговли, торговли на базарах, рынках и т.д., более широким стал ассортимент товаров, все больше на рынках стали фигурировать промышленные изделия как местные, так и привозимые из Центральной России).

Город приобретает ведущую роль в обществе, начинает вести за собой село и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях.

Проведение Владикавказской железной дороги стало одним из решающих факторов воздействия железной дороги на эволюцию рынка (изменение структуры торговли, перемещение торговых путей и товарораспределительных центров, появление новых и экономический рост старых центров региона).

Характерным для городов региона было прежде всего совмещение торгово-промышленных центров с транспортными узлами и морскими портами (Порт-Петровск, Грозный).

Немалую часть населения региона, особенно в городах, составляли переселенцы, преимущественно из центральных губерний России.

В XVIII-XIX вв. поражает своей чрезвычайной сложностью политическая история народов Северо-Восточного Кавказа, которые широко вовлекались в систему взаимоотношений великих держав. Сопротивление славянских государств Восточной Европы османской агрессии приводило к поискам союзников на Северо-Восточном Кавказе. В свою очередь, Порты не упускала из поля зрения данный регион, дипло-

маты султана возражали против мероприятий русских на Тереке.

Владельцы Северо-Восточного Кавказа поддерживали между собой тесные политические связи, однако, не всегда дружественные. В борьбу за преобладание своего влияния на Северо-Восточном Кавказе владельцы Кабарды и Дагестана, каждый по своему, вовлекали и ногайских музр. В результате неблагоприятной ситуации ногайцы разделились между двумя противоборствующими сторонами.

Русские города на Северо-Восточном Кавказе, возникнув как военные укрепления, одновременно выступали и как центры административных единиц, торгово-экономической, политической и культурной жизни, стимулируя развитие основных отраслей региона- земледелия и скотоводства, а также крестьянских промыслов и ремесла.

Между трудовыми слоями народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе и ногайцами, поддерживались мирные и добрососедские отношения. Этому во многом способствовало установление родственных отношений. Аристократическая элита горского общества также была связана родственными и прочими узами с ногайской знатью. Эти многосторонние связи способствовали выработке общих черт в материальной и духовной культуре народов региона. В укреплении дружественных взаимоотношений между народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII- XIX вв. определенную роль сыграла и Россия. Российское правительство, опираясь на достигнутые им политические и торгово-экономические связи с народами Северо-Восточного Кавказа, проводило здесь твердую политику против шахских и османских агрессоров. Она отвечала интересам не только народов Северо-Восточного Кавказа, но и, в не меньшей степени, самой России, проведению не только кавказской, но и всей своей восточной политики.

Позитивные сдвиги в социально-экономических отношениях, политической и культурной жизни народов Северо-Восточного Кавказа стали возможными во многом благодаря тому, что Россия, как надежный щит, прикрывала и защищала их от внешних врагов, и прежде всего от Османской империи и Сефевидского Ирана. За спиной этих империй, остро соперничавших за установление своего безраздельного господства на Кавказе и порабощение его народов, стояли западные державы, в первую очередь, Англия и Франция, преследовавшие далеко идущие своекорыстные цели, всячески мешавшие возвышению России, превращению ее в великую мировую державу.

В этих условиях Россия должна была проводить очень осторожную, гибкую политику в кавказском вопросе, являвшемся составной частью

всей восточной проблемы. Сама Россия, будучи кровно заинтересованной в укреплении позиций на Кавказе, твердо и неуклонно отстаивала интересы народов региона на международной арене, силою оружия защищала их от внешних врагов.

Самодержавно-крепостнический строй, существовавший в то время в России, безусловно, накладывал свой отрицательный отпечаток на русско-кавказские отношения рассматриваемого времени. С другой стороны, и поведение некоторых равноправных местных владельцев также временами приводило к созданию конфликтных ситуаций, обострению отношений с Россией. Но, несмотря на все эти негативные моменты, русско-кавказские отношения развивались по восходящей линии. Расширение и углубление разносторонних связей России с народами Северо-Восточного Кавказа являлись определяющей тенденцией в истории их взаимоотношений.

С течением времени, с усилением феодально-крепостнической эксплуатации, осложнявшейся развитием капиталистических отношений, царизм, укрепив свои позиции на Северо-Восточном Кавказе, стал распространять свое влияние на местные народы, стал стеснять их свободу, их традиции и обычаи, захватывать их земли и возводить на них военные крепости и укрепления. И ответом на рост эксплуатации и угнетения, на колониальную экспансию явились антифеодальные, антиколониальные выступления, которые подавлялись военной силой. Первыми удар на себя приняли ногайцы, несогласные с политикой Российской империи по вопросу переселения их со своих земель. Многие степняки поневоле, сами того не понимая, оказались союзниками Турции. Особую остроту эта борьба приняла в первой половине XIX века во время национально-освободительной борьбы народов Дагестана и Чечни. Печальным финалом этой Кавказской войны, заключительным аккордом всех невзгод и страданий, выпавших на долю народов региона, явилось массовое переселение их в Османскую империю, негативные последствия которого были очень велики. Это был период, полный драматических картин, гибели многих десятков тысяч ни в чем не повинных людей, приведшей к крупнейшей демографической катастрофе, которая вместе с усиленной колонизацией края перекроила традиционный облик региона.

Говоря о жестокости и вопиющем акте со стороны царизма, а также о далеко не благовидной роли Османской империи и стоявших за ее спиной западных держав (Англии и Франции), преследовавших своекорыстные, экспансионистские цели, необходимо всегда помнить, что

лучшие умы России и Европы осуждали Кавказскую войну, глубоко сочувствовали народам региона, расценивая их борьбу как борьбу за свою независимость и свободу. Более того, трагическими эти события стали и для переселенцев из России на Кавказ, успевших подружиться с местными народами за долгие годы добрососедства, а потом вынужденных воевать с ними, как с врагами.

Историко-культурные связи ногайцев с соседними народами показывают, что ни один этнос не формируется обособленно, его хозяйственно-культурный тип развивается во взаимосвязи, и что все народы Северо-Восточного Кавказа вместе создают лучшие образцы жизнеобеспечения человечества.

Таким образом, в общем русле русско-кавказских взаимоотношений, осуществлявшихся в XVIII-XIX вв., большей частью в городах, происходил важный процесс расширения связей ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа и Россией в политической, экономической и культурной областях.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные и неопубликованные материалы.

Российский государственный архив древних актов /РГАДА/ - г. Москва. Ф. 23. Кавказские дела. Д. 5 - Ч. 2; Д. 5-Ч. 3; Д.5-Ч.4; Д. 5-Ч.14; Д. 9-Ч.14; Д. 9-Ч. 15; Д. 9-Ч. 16; Д. 9-Ч.17; Д. 9-Ч.18; Д. 12-Ч. 2; Д. 12-Ч. 4; Д. 12-Ч.5; Д. 12-Ч.8; Д. 13-Ч.1; Д. 13-Ч.2; Д. 13-Ч.6; Д. 15-Ч.4; Д. 14-Ч.11; Д. 15-Ч. 17. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 2. Д. 81; Оп. 3. Д. 7; Д. 22; Оп. 4. Д. 1.

Российский государственный военно-исторический архив /РГВИА/ - г. Москва.

Ф. Военно-ученый архив /ВУА/. Оп.1. Д. 37; Д. 47; Д. 123; Д. 186 Д.141; Д. 208; Д.221; Д. 224; Д.477; Д. 1847; Д. 1853; Д. 1853-Ч.2; Д. 2376-Ч.1; Д. 2377-Ч.2; Д.2799; Д.2801; Д.6247; Д. 18474-Ч. 2; Д. 25481; Д. 25680; Д.4259- Ч.1; Д.6164 - Ч.15; Д.6166. - Ч.1. Оп. 6/н. Д.1/482. кол. 414. Д. 300.

Ф. 20. Воинская экспедиция Главного штаба. Оп. 1/47. Д. 3; Д. 15; Д. 29; Д. 31; Д. 56; Д. 71; Д. 79; Д. 90.

Ф. 52. Дела князя Потемкина-Таврического. Оп. 194/1. Д. 151-Ч.1; Д. 161; Д. 236; Д. 239; Д. 240; Д. 242; Д. 245-Ч. 1; Д. 289; Д. 306-Ч.2; Д. 329; Д. 331-Ч. 3; Д. 331-Ч.5; Д. 366-Ч. 2; Д. 416; Д. 483; Д. 516.

Архив внешней политики России МИД РФ /АВПР/ - г. Москва.

Ф. 89. Сношения России с Турцией. - Оп. 89/1. Д. 9. - 1746 г.; Д. 1-1750 г.; Д.2 - 1750; Д. 3- 1750 г. Д. 216. - 1770 г.; Оп.89/8. Д.1723-1772 г.

Ф. 90. Константинопольская миссия. Оп. 90. Д. 931.

Ф. 112. Дела едисанских, ембулуцких и буджакских татар (ногайских). Оп. 112/1. Д. 1; Оп. 112/2. Д. 1; Д. 2.

Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/2. Д. 15 -1764 г.; Д.9 -1762 1774 гг.; Д.19 - 1768 - 1776 гг.; Д. 21 - 1769-1777 гг.; Д.6/н - 1766 -1768 гг.

Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 127/1. Д.1.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). - г. Ставрополь.

Ф. 87. Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области. Д.945.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД) – г. Махачкала.

Ф. 18. Дербентский комендант. Оп.1. Д. 31; Д.90; Д.168.

Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп.1. Д.7; Д.13; Д.14; Д.17; Д.29; Д.111; Д.112; Д.154; Д.156; Д.160; Д.471; Д.500; Д.957; Д.987; Д.1027; Д.1033; Д.1061; Д.1106; Д.1197; Оп.3. Д.6; Д.9; Д.13; Д.139; Д.243.

Рукописный фонд ИИАЭ Дагестанского научного центра РАН - г. Махачкала.

Ф.2. Оп.1. Д.121. – Джанибеков А.-Х. Ш. Очерки по истории ногайцев – -169 л.

Ф.2.Оп.1. Д.2860. Джанибеков А.-Х. Ш. Сокровищница слов или ногайский фольклор.

Ф.5. Оп.1. Д.68. – Капельгородский Ф. Караногай- страна кочевников и патриархального быта- 216 л.

II. Книги и статьи.

Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в. Ташкент, 1971.

Абдуллаева М.И. Дагестан в политике Османской империи во второй пол. XVIII-XIX вв. Махачкала, 2006.

Агулы. Махачкала, 1975.

Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала, 2000.

Акты исторические. - В 5 т. - СПб., 1842. - Т. 4. - 565 с.

Акты Кавказской археографической комиссии. - В 12 т. - Тифлис: Т. 1. - 1866-816 с; Т. 2-1866-1238 с; Т. 3-1873-760 с; Т.4.1873-953с; Т. 6-Ч. 2-1875-950 с; Т. 8-1881-1009 с.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII- нач.XIX вв. Махачкала, 1999. Кн.1.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана XVII- нач. XIX вв. Махачкала. 2001. Кн.2

Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII— первая половина XIX вв.). Махачкала, 2006. - 378 с.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Махачкала, 1994.

Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. 1. - Ч. 1869. Т.2.; 1888.Т.3.

Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв.(Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX веков). Грозный, 2002. - 528 с.

Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный, 1988.

Бакиханов А.-К. Гюлистан и Иран. Баку, 1991.

Бартольд В.В. Соч. Т. 2 Ч.1. М., 1963.

Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. - М., 1889-582 с.

Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. / Под общей ред. В.Г. Гаджиева. - Махачкала, 1994. - 80 с.

Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань, 1850.Ч.2.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. - М., 1823. - Ч. 1. - 361 с.; Ч. 2. - 471 с.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. В 3-х ч. - СПб., 1869. - Ч. 1. - 548 с.; Ч. 2. - 600 с.; Ч. 3. - 620 с.

Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. –М., 1955.

Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986.

Вахушти Багратиони. География Грузии. Тбилиси, 1957.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001.

Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. - М.: Наука, 1974. - 276 с., ил., табл.

Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. – 392 с.

Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. - М.: Наука, 1979. 270 с., ил., карт., факс.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.,2005.

Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX- начале XX вв. М.,1976.

Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 гг.). Нальчик, 2004. – 489 с.

Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004. – 168 с.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой пол. XIX вв. Махачкала, 2007.

Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004-608с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. О народах татарского племени. – СПб., 1796. – Ч. 2., 178 с., ил. Записки Кавказского отдела ИРГО. Кн.8. Тифлис, 1973.

Гордеев А.А. История казаков. Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. – М., 1992. 352 с.

Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах. – СПб., 1809. – 384 с.

Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естеств. СПб., 1775. Ч.3.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. // Труды ЧИННИИЯЛ. – Грозный, 1969. – Т. 4. – 196 с., ил., карт.

Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга//Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т.3.

Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терек накануне Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.

Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – сер. XIX ввек. Ростов-н/Д, 1984.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. \ Сост. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1992.

Дебу И.О. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах, собранных с 1816 по 1826 гг. – СПб., 1829. – 463 с.

Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985.

Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829 гг.). – Махачкала, 1991. – 80 с.

Договоры России с Востоком политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. - СПб., 1868. 296 с.

Дон и степное Предкавказье / Отв. ред. А. Пронштейн. – Ростов-на-Дону: Изд. РГУ, 1977. – 240 с.

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе – В 6 т. – СПб., 1871. – Т. 1. – кн. 1 – 640 с.; кн. 2 - 422 с.

Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе. – М., 1896. – 465 с.

Заседателева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI – XIX вв.//КЭС. М., 1984. Вып. 8.

Заседателева Л.Б. Терские казаки / середина XVI - начало XX вв./ - М.: Изд. МГУ, 1974 - 423 с., ил.

Ибрагимбейли Х. Россия и Северный Кавказ в XVI – первой половине XIX веков в освещении современной буржуазной историографии// История СССР. 1981. №2. С. 185-199.

Ибрагимов Г.Х. Новые источники по истории цахуров// Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 174-178.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.

Историко-этнографические этюды. М.; Л. 1949.

Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. / Под ред. ген.-м. Потто. - Тифлис, 1899. - 323 с.

История Востока. В 6 т. М.: Вост. Лит., 1999. Т.3.2004. Т.4. Кн.1. – 608 с.

История Дагестана. - В 4-х т. - М.: Изд. Наука, 1967. - Т. 1. - 431 с., ил.

История Дагестана. В 2-х т. М., 2004. Т.1. – 632 с.

История дипломатии. - В 4-х т. - Изд. 2-е. - М., 1959. - Т. 1. - 896 с.

История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М., 1958. - 270 с.

История и культура народов Северного Кавказа. \Сб. научных трудов. Пятигорск, 2005. Вып. 2-3; 2006. Вып. 6.

История Турции / Перевод с турецкого Е.Э. Гольмана. - М., 1937. - Т. 3-81 с.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. - 547 с.

- История народов Северного Кавказа (конец XVIII века - 1917 г.). М.: Наука, 1988. - 653 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. - В 2-х т. М.: Изд. АН СССР, 1957. - Т. 1. - 478 с.; Т. 2. - 424 с.
- Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т.13; 1894. Т.15
- Кавказский этнографический сборник. М., 1972.
- Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
- Казбек Г.Н. Военно-статическое описание Терской области. Тифлис, 1880. Ч.1.
- Калоев Б. А. Осетины. М., 2004 - 471 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988-1989. Кн. 1-3.
- Керейтов Р.Х. К истории некоторых ногайских фамилий. Черкесск, 1994.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV –XVIII вв.(Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000. – 532 с.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIIIвеке. Махачкала, 2000.
- Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX- нач. XXвеков. Махачкала, 2005.
- Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIXвека. М.,1963.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России: Вторая половина XVIII – 80° гг. XIX вв. М., 1984.
- Креницын Н.В. Восточный вопрос на почве его истории и политики. - СПб., 1900.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.Т.2.
- Кодзоков Л.М. Заметки о скотоводческом хозяйстве Ставропольской губернии// СГВ. 1869. №31
- Кокиев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.
- Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696-1896): Исторический очерк. - Екатеринодар, 1896.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. - В 13 ч. - М., 1956-1959. - Ч. 5. - 596 с.

- Краснов Г. - Ставрополь на Кавказе. - 2-е изд., перераб. - Ставрополь, 1957. - 227 с., ил.
- Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIXвеке. Нальчик, 1962.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией / вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв./ - М.: Изд. АН СССР, 1963. - 372 с.
- Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (X-XVIIIвв.) Ч.1.М.,1966.
- Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. –Одесса, 1882. Вып. I.
- Лорд Мальмсбюри /Гаррис/ О России в царствование Екатерины II / Русский архив. - М., 1874. - Кн. 2. - С. 738-899.
- Магомедов А.Р. Народы Дагестана. Махачкала, 2003.
- Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII- XIXвв. Махачкала, 2008
- Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй пол. XVIII – нач. XIXвв. Махачкала, 2000.-157 с.
- Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып.2.
- Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана с древнейших времен до конца XIXвека. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.
- Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977.
- Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.
- Мальбахов Б.К. Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством: Сер. XVI - конец XVIIIвв. - Нальчик, 1994. 352 с.
- Мамакаев М. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
- Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. - М.: Наука, 1966. - 323 с.
- Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940. Т.3. Ч.1.
- Милютин А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. – 144 с.

- Мусаев Г. Из исторического прошлого рутулов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1975. Вып.7. С.139.
- Набиева У.М. Культурная география Дагестана. Махачкала, 1990.
- Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. - Тула, 1995.
- Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. - Черкесск, 1993.
- Народы Дагестана. М., 2000.
- Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. - В 2-х т. - М.: Изд. АН СССР, 1960. - Т. 1 - 612 с., ил. карт.
- Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
- Османов М.-З. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996.
- Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.; Терекли-Мектеб., 1991
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века - М.: Изд. АН СССР, 1956 - 804 с.
- Очерки истории СССР, вторая четверть XVIII в. - М.: АН СССР, 1957 - 866 с.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. В 2-х т. - Грозный, 1967. Т.1. -316с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства / Пер. Ф. Туманского. - СПб., 1773. - Ч. 1. - 117 с.
- Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. Ставрополь, 1893.
- ПДРВ. СПб., 1793. Ч.8.
- Письменные памятники Дагестана XVIII-XIXвв. Махачкала, 1989.
- Покровский Н.М. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. - 392 с.
- Полное собрание законов Российской империи. - Собрание 1-е СПб., 1830 - Т. 4 - С. 421-422; Т. 7 - С. 303-308; Т. 10. - С. 899-904; Т. 20 - С. 574-578, 800-805; Т. 22 - С. 17-18; Т. 23 - С. 84-85, 810-811; Т. 37. - С. 878.
- Потто В.А. История 44 драгунского Нижегородского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка - В 8 т. - СПб., 1893 - Т. 2. - 186 с., ил., карт.
- Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. В 5 т. - СПб., 1885 - Т. 1. - Вып. 1 - С. 1-164; Т. 1. - Вып. 3 - С. 171-216.

- Потто В.А. Два века терского казачества. - Владикавказ, 1912 - Т. 1. - 235 с.
- Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
- Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. Т. - СПб., 1867-1916 - Т. 13- ч. 3. - 1874. - 474 с.; Т. 27 - Ч. 4. - 1880-604 с.; Т.35-557с.; Т. 41 – 1884 – 558 с. Т. 87 - Ч. 5 – 1898 – 555 с.; Т. 97 – Ч. 6 – 1896 542 с.; Т. 118 – Ч. 7 – 1904 – 538 с.; Т. 135 – Ч. 8 1911 – 553 с.; Т.154-1911-537с.
- Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках – М.: Соцэкгиз, 1958 – 244 с.
- Современная иранистика на Северном Кавказе/ Материалы междунаучной конференции. ИПЦ ДГУ. –Махачкала, 3006 – 184 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен – В 15 кн.. - М., 1993. Кн. 8. Т. 15-16; Кн. 9 - Т. 17-18 - 701 с.; М., 1994 - Кн. 14 - Т. 27-28 - 670 с.; М., 1994 - Кн. 15 - Т. 29-774 с.
- Состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1998.
- Сб. Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая пол. XIX- нач. XXвв.). М., 2000.
- Сб. РИО. СПб., 1884. Т.41.
- Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII века. - М., 1991.
- Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких отношениях XVIII века. (Зарубежная историография)// Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1998. №2. - С.77-85.
- Татищев В.Н. История Российская. М., 1962-1968. Т.1-7.
- Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. – СПб., 1898.
- Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. – СПб., 1898.
- Терское казачество: история и современность /Сб. статей и докладов региональной научной конференции, проводимой в связи с празднованием 271-й годовщины г. Кизляра и 75-летием Дагестанского государственного университета. – Кизляр, 2006.
- Тройно Ф.П. Взгляд на создание Российской империи // Российский исторический журнал, 1994.
- Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. - М.: изд. АН СССР, 1957 - 257 с.

Хоперская Л., Черноус В. Россия и Северный Кавказ: история и современность // Этнополитический вестник России (Информационно — аналитический бюллетень Совета Национальностей ВС РФ и института этнологии и антропологии РАН). М., 1993. 1/93. С. 58-59.

Чекменев С.А. К вопросу о присоединении Северного Кавказа к России в конце XVIII в. // Ученые записки Пятигорского пединститута. — Пятигорск, 1956 — Т. 13. Общественные науки — С. 317-352.

Чекменев А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII и в первой половине XIX веков. — Пятигорск, 1967. — 352 с.

Чекменев С.А. К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ — Ставрополь, 1970 — Вып. 6 — С. 226-271.

Чекменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. — Ставрополь, 1970 — Вып. 6. С. 272-298.

Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1791-1798. Т.1-7.

Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

Щеглов И. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. — В 3-х т. — Ставрополь, 1910. — Т. 1 — 529 с., ил., табл.

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. - В 2-х т. — Екатеринбург, 1910 — Т. 1. — 710 с., ил., карт.

Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.

Andersen M.S. The Eastern Qustion 1774-1923. New-York, 1966.

Berkok I. Tarihte Kafkasya. Istambul, 1958.

Beily F.E. British policy und Turkish Reform Movement. Cambridge, 1942.

Guedalla F. Palmerston. London, 1926.

Fisher W. The Russian annexation of the Crimea. 1772-1783. Cambridge, 1970.

Hammer H. Ceschichte Char der Krim unter osmanischer Herrschaft, Ween, 1856.

Erchert R. Der Kaukasus und seine Vülker. Leipzig, 1887 — 3869., kart.

Sami Nogay. Nogay Tьrkleri. Ankara, Kasim — 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАГРАДНЫЕ МЕДАЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С НАДПИСЬЮ «КАВКАЗЪ 1837 ГОДЪ»

Наградные медали с надписью на реверсе «Кавказъ 1837 годъ» редко встречаются даже в крупных нумизматических собраниях. Штемпеля описаны в дореволюционных изданиях — Собрании русских медалей⁴⁸⁵ и каталоге Санкт-Петербургского монетного двора, изданного В.П.Смирновым⁴⁸⁶.

На лицевой стороне медали помещен портрет императора Николая I и надпись по окружности: «Б.М.Николай I Имп.Всеросс.» На обороте надпись (в 2 строки): «Кавказъ — 1837 годъ». Размер 28 мм.

Медали изготавливали из серебра, носили в петлице (на груди), на ленте ордена Св.Владимира.

«Медали сии, — говорится в архивных документах, — были назначены местным жителям горских кавказских обществ и мусульманских провинций, имевших счастье участвовать в почетном карауле, конвое и представляться депутатами Государю Императору во время путешествия Его Величества»⁴⁸⁷.

Осенью (в августе — октябре) 1837 года император Николай Павлович предпринял трудное, сопряженное с опасностями путешествие по России и недавно присоединенному к империи Кавказскому краю. Император (с 1 августа по 26 октября) посетил более 37 городов и крупных населенных пунктов — Псков, Ковно, Вильно, Минск, Чернигов, Киев, Одессу, Севастополь и др.

О путешествии Николая I по Кавказу рассказывает большой по объему документ, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации. В нем, в частности, говорится: «Государь Император с Его Высочеством Наследником Цесаревичем (Великим Князем Александром Николаевичем — Д.К.) 21-го числа сентября в 9 часов утра прибыл благополучно на Геленджикский рейд. Высокие хребты Кавказские в пер-

вый раз увидели Царя Русского! При появлении парохода («Северная Звезда» – Д.К.), на котором поднят был Императорский Штандарт, гром пушек, как из крепости, так и из лагеря и стоящих на ребре военных судов, возвестил всем радостное сие прибытие.

В 11 часов Государь Император с Его Высочеством съехали на берег, где были встречены генерал-лейтенантом Вельяминовым, его штабом и всем отрядом войск с неизъяснимою радостью. Прибытие Его Величества и Его Высочества в лагерь привело храбрых воинов Закубанского отряда в восторг! Государь благодарил всех генералов, штаб и обер-офицеров, а также нижних чинов за отличную и храбрую их службу. Возвратясь в крепость, Его Величество изволил осматривать оную во всех подробностях; был в госпитале; раненым воинам, отличившимся храбростью, роздал знаки отличия Военного ордена и посетил генерал-майора Штейбена, раненного в последней экспедиции...

23-го числа, в 3 часа по полудни, пароход снялся с якоря и Государь Император с Наследником Цесаревичем прибыли благополучно к Анапе, в 11 часов вечера.

24-го числа Его Величество, съехав на берег, осматривал госпитали, крепость и войска, в Анапе расположенные, и всем вообще изволил быть доволен, а в 12 часов, отправясь далее, прибыл благополучно в Керчь того же числа в 4 часа пополудни...

25 сентября в 10 часов утра Его Высочество Наследник Цесаревич отправился обратно в Крым к Государыне Императрице [Александре Федоровне – Д.К.]. Государь Император на том же пароходе «Северная Звезда» предпринял путь к Редут Кале, куда и прибыл благополучно 27-го сентября в 18 часу по полудни... где был встречен Командиром Отдельного Кавказского Корпуса...

Государь Император, прибыв в Тифлис 8-го числа октября, изволил на другой день в 10 часов утра быть в Соборе Успения Пресвятыя Богородицы, для слушания благодарственного молебна, потом был у развода от Эриванского Карабинерского полка, которым был доволен...

Вечером Государь Император удостоил посещением Соим бал, данный Дворянством и гражданами Грузии. Во время пребывания Его Величества в Тифлисе город был иллюминирован.

12 числа в 6 часов утра Государь Император отправился в путь к Ставрополю, и ночевал в Колшети у подножия главного перевала Кавказского хребта. 13-го числа в 6 часов утра Его Величество для удобнейшего переезда чрез горы, изволил отправиться верхом. Путь сей тем более был затруднителен, что вершины Гут горы и Крестовой были

занесены снегом, и самая дорога, от бывшего тогда 5 градусов мороза, покрыта льдом. Перейдя горы благополучно и продолжая путь верхом вдоль Терека и Казбека, Его Величество прибыл на ночлег во Владикавказ. 14-го числа во Владикавказе имели счастье быть представлены Его Величеству депутаты от разных горских народов, проживающих за Терекком. Потом Государь Император, осмотрев военный госпиталь и батальон Куринского егерского полка, отправился в путь чрез Кабардинскую плоскость в сопровождении кабардинских старшин и дворян и прибыл благополучно на ночлег в Екатериноград. 15-го числа в 7 часов утра Его Величество, осмотрев военные госпитали, выехал в Пятигорск, куда и прибыл на ночлег того же числа. 16-го числа в Пятигорске Его Величество изволил осматривать военный госпиталь, казармы военно-рабочего отряда, церковь, два дома для больных неимущих офицеров и потом все заведения целительных минеральных вод и в 12 часов отправился на ночлег в Георгиевск, куда прибыв в 4 часу по полудни; изволил осматривать Арсенал, военный госпиталь и, быв в церкви, после краткого молебствия, отправился в дом, назначенный для Его Величества.

17-го числа из Георгиевска Государь Император выехал в 7 часов утра и прибыл благополучно в Ставрополь в 7 часов вечера.

18-го числа октября в Ставрополе Государь Император в 9 часов утра изволил принимать военных и гражданских чиновников, купечество, градского главу с хлебом-солью и мещан, Горских Князей и депутатов от разных Закубанских народов...

... 19-го октября император Николай Павлович прибыл в Аксайскую станицу на Дону, 24-го – в Воронеж, а 28 октября приехал в Москву; путешествие по Кавказу закончилось».

Впервые об учреждении медали упоминается в собственноручной записке императора Николая I статс-секретарю А.С.Танееву, написанной 10 октября в Тифлисе и полученной в Санкт-Петербурге 21 октября: «... Министру финансов велеть изготовить серебряные медали величиною против даваемых за спасение погибавших, но вместо сей надписи на обороте означить: «Кавказъ 1837 годъ»⁴⁸⁸. В конце октября А.С.Танеев сообщил министру Е.Ф.Канкрину высочайшее повеление – «приготовить 1500 серебряных медалей... и отправить сии медали к бывшему Главноуправляющему в Грузии генерал-адъютанту барону Розену вместе с Владимирскими лентами»⁴⁸⁹.

26 октября начальник Санкт-Петербургского монетного двора предписал медальерной части изготовить два штампера, а слепки с них представить на Высочайшее утверждение⁴⁹⁰. В начале ноября заказ был

выполнен, на что израсходовано 1942 рубля.⁴⁹¹ Слепки со штемпелей министр Финансов представил Николаю I и 6 ноября они получили высочайшее одобрение императора (на докладе его рукой было написано: «очень хорошо») и разрешено штемпеля закалить⁴⁹². Как говорится в архивных документах, медали предназначались «для раздачи всем лицам Кавказского края, как участвовавшим в Конвое во время Высочайшего путешествия по Кавказу, так и находившимся в почетном при Его Величестве Карауле и представившимся депутатам всего Кавказского и Закавказского края»⁴⁹³.

В декабре 1500 серебряных медалей были отчеканены на Санкт-Петербургском монетном дворе и вместе с Владимирскими лентами отправлены к командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту Е.А.Головину⁴⁹⁴. В рапорте Военному министру графу А.И.Чернышеву от 19 июля 1838 г. Головин просил изготовить дополнительно и выслать к нему еще 1800 медалей⁴⁹⁵ (т.е. всего 3300 штук – Д.К.). В ноябре 1838 г. требуемое количество медалей было отчеканено на Санкт-Петербургском монетном дворе и 10 ноября препровождено из департамента Горных и соляных дел министерства Финансов в Инспекторский департамент Военного министерства⁴⁹⁶. Однако, генерал-лейтенант Головин рапортом от 21 октября сообщил, что «по получении списков и подсчетам» необходимо всего 2847 медалей, а 453 – лишние⁴⁹⁷. Поэтому, из Военного министерства 20 декабря к нему отправили 1347 штук, а оставшиеся 453 серебряные медали были возвращены министерству Финансов⁴⁹⁸ и в последствии сданы на переплавку. В апреле⁴⁹⁹ и июне 1839 г. «начальство Отдельного Кавказского корпуса» представило в Инспекторский департамент именные списки «на 2772 жителей Кавказской области и Закавказских областей, коим розданы помянутые медали» сообщив также, что «и для остальных 75 медалей имеются ходатайства»⁵⁰⁰. Согласно архивных документов, права на получение медалей с надписью «Кавказь 1837 годъ» не распространялись на состоявших в то время на службе офицеров и гражданских чинов, «участвовавших в поручениях во встрече и в сопровождении Государя Императора»⁵⁰¹.

Необходимо так же отметить, что кроме этих медалей, большая группа горских старшин (около 300 чел.) за различные заслуги, оказанные во время путешествия Николая I, были пожалованы чинами, деньгами, орденами, подарками⁵⁰², а так же золотыми и серебряными медалями с надписями «За усердие» на Аннинских лентах⁵⁰³, и золотыми «За полезное» на Александровских.⁵⁰⁴ Согласно повеления императора от 11

сентября 1839 г., в изъятие существовавших в то время правил, серебряные медали с надписью «Кавказь 1837 годъ» после смерти награжденных разрешено было хранить в семьях⁵⁰⁵.

СПИСОК

Горским Князьям, Узденям и Почетнейшим Старшинам, находящимся в центре Кавказской линии, кои были в Почетном Карауле и Конвое Государя Императора при Высочайшем Его Величества путешествии

СПИСК И

награжденных серебряной медалью
с надписью «Кавказь 1837 годъ»

На посту Лисагорском Бештово-Кумского народа Мурзы

1. Эсеней Уралов
2. Бийарслан Эльмурзин

Ногайцы

1. Куршанбай Союпов
2. Шерувий Даутов
3. Исмаил Дююсов
4. Даип Маншанаев
5. Аvez Кишмахов
6. Усман Кинжакаев
7. Исхак Османов
8. Аджели Кокоев
9. Кара Дерт Кулаков
10. Магомедий Дялусиллиев
11. Канбий Ясепбаев
12. Калбузар Кублов
13. Кара Рамазанов
14. Капендик Дженалиев
15. Батал Асанакаев
16. Куршиналзы Абиаев
17. Асан Шуракадьев
18. Белял Даутов
19. Вас Карткажаков

Калаусско-Саблинского народа в станице Калановской

1. Представитель, состоящий при кавалерии, корнет Сейткулов.

Мурзы

1. Шалту Чираков
2. Абдул-Кадыр Кельгалиев
3. Нест Абилов
4. Нияз Минглакаев
5. Джагатыр Махмутов
6. Зекерия Майросмалиев
7. Кентебулат Напишев
8. Тайбул Адянигольдиев
9. Бештий Урюмов
10. Ильде Тюлюшев
11. Калауз Калилов
12. Рсай Асирамалиев
13. Джигельди Байрамалиев
14. Имбетказы Ягьяев
15. Эрежеп Эспульдиев
16. Эрежеп Союков
17. Джембулат Идрисов
18. Кашул Абдулов
19. Карсали Сеферов
20. Зекерья Бейзлаев
21. Ахмет Гасанов
22. Имам Абдулказиев
23. Гисап Нурлыев

В Сергиевской станице Эдисанского рода

1. Представитель, состоящий при кавалерии, корнет Барамбай Казаков.

Мурзы

1. Тартай Тембамбетов

Ногайцы

1. Гасан Зейнакаев
2. Шемет Яхьяев
3. Эльканды Кудайнетов

4. Джимазий Абдулкаримов
5. Исак Бейтаков
6. Хея Зекерьяев
7. Самебай Кутсеев
8. Курмангазы Абдулов
9. Садвин Тюлеев
10. Ахмет Аметов
11. Бек Балта Магометов
12. Карджигит Бердалиев
13. Карсай Бляшев
14. Муллагазы Джебилев
15. Аджигуль Дулиев
16. Сабанали Якубов
17. Менедет Юсупов
18. Магомедий Абдулкимов
19. Абдусалам Рамазанов
20. Мустафа Джалилов
21. Джалил Есмамбетов
22. Отар Джанмамбетов

Список Мурзам и Старшинам, бывшим в Почетном Карауле и Конвое Его Императорского Величества во время путешествия Его Императорского Величества через город Пятигорск до Ставрополя в 1837 г.

В г. Пятигорске Бештово-Кумского народа

1. Султан Тохтамыш Гирей Менглигиреев

Мурзы

1. Эльмурза Алимгиреев
2. Джанарслан Сатиев

Духовенство Кадии

1. Джагапыр Джентемиров
2. Наиб Либий Доякаев
3. Афенди Абдулкадыр Дурменов
4. Мулла Сулейман Сеитов

Ногайские старшины

1. Баки Баубеков
2. Капар Игитемиров
3. Рамазан Султанакаев
4. Джанакай Мамбетов
5. Яксыбол Шовеев
6. Аджибекбир Шамеев
7. Огурли Коков

Почетный караул

Мурзы

1. Исмаил Дербисов
2. Мамбет Алимгиреев

Ногайцы

1. Исхак Исмаилов
2. Курмангазы Абдулкадыров
3. Аджибек Бир Кутлакаев
4. Имам Абдулин
5. Мер Сламгазин

Конвой мурзы

1. Батырсе Темиров.
2. Арсланбек Ураков

Ногайцы

1. Кашу Сулейманов
2. Ибрагим Мурзагельдиев
3. Шамей Казаков
4. Аликей Муртазанов
5. Бейтула Байбулатов
6. Кубель Салиев
7. Джанибек Доякаев
8. Имамгазы Абдулкадыров
9. Есений Анапиев
10. Темравы Акбасов
11. Мезей Кутлалиев
12. Абсамет Юсупов
13. Назир Джангапиров
14. Юсуп Темиржанов
15. Имзе Джемисов
16. Муса Кутлалиев

В заштатном городе Александрове Калаусско-Саблинского и Едисанского народов Духовенство

Кадии

1. Нури Джумалиев
2. Союн Мамбетов
3. Яхья Ибрагимов
4. Абуталип Маульталиев

Эфенди

1. Кулакай Кубанов
2. Союн Ахметов
3. Имамгазы Абулганиев
4. Моллаказы Ибрашев

Ногайские старшины

1. Темиш Телиугсаев
2. Дялптемир Келякаев
3. Джагапир Асанов
4. Бияш Байрамалиев
5. Самедин Исмаилов
6. Шамей Мукаев
7. Кельдали Халилов
8. Кельдали Сулейманов

Почетный Караул

Мурзы

1. Прапорщик Касбулат Сатгиреев
2. Келимбет Касаев

Ногайцы

1. Темирбулат Алтаяков
2. Рамазан Молаказыев
3. Мусакай Курмангазыев
4. Менгдали Косев
5. Джанибек Мазанов
6. Утеген Игишамбетов
7. Джетиул Кутлакаев
8. Комсий Адушмамбетов

9. Аджимир Алжилиев
10. Исак Менгилмамбетов
11. Бек Балта Айталиев
12. Имамакай Исмаилов
13. Акмамбет Кутлумамбетов
14. Аджибекбир Абулкасымов

Конвой мурзы

1. Мурзабек Касаев
2. Султан Карамурзин

Ногайцы

1. Мусалов Магомедиев
2. Хайбула Шомаев
3. Сейдамет Балбеков
4. Молоказы Ильясов
5. Менглажи Шатыков
6. Аджимир Мустафаев
7. Отгуш Теленчиев
8. Абулкапар Адилев
9. Доюс Абдувалиев
10. Джагапир Нурлиев
11. Хайбула Карашоров
12. Магомет Юнусов
13. Мустафа Садыков
14. Аспар Авлисов
15. Салават Садылов
16. Кошой Шогоншалиев
17. Джанибек Мусаев
18. Мусий Мунаев
19. Ахмет Дюсакаев

**Список Мирным Князьям и Почетнейшим,
19 октября 1837 г. участвовавшим в Почетном карауле
И Конвое Государя императора при
Его Величества путешествии
Бывшие депутатами
Ногайского рода,
Князья**

1. Айдемир Абулов
2. Ислам Бадраков

3. Калагирей Карамурзин
4. Ибис Бебердов
5. Прапорщик Пшекуй Беймурзов

Уздени

1. Аюп Абраимов
2. Эфендий Утемис
3. Рамазан Бейкуатов
4. Мождава Кутламамбетов
5. Миглакай Сарыбасов
6. Мурзагельды Картаев

Тохтамышские ногайцы

Рода Мусова

Князья

1. Майор Мусса Тоганов

Уздени

1. Алиса Кумуков
 2. Иса Есенеев
- Бывшие в Карауле и Конвое

Мансуровцы

Князья

1. Прапорщик Карабатыр Хаджи Мансуров
2. Подпоручик Алакай Мансуров
3. Поручик Алибий Мансуров
4. Мурзабек Темиров

Уздени

1. Джусакай Иса Хаджиев
2. Шобан Коршан Хази Хаджиев
3. Уджахмет Исанали Аджиев
4. Кельди-Мурат Балауш Хаджиев
5. Бикей Сипикаев
6. Паша Хбиль Кирил Хаджиев
7. Ильяс Дялеткерев
8. Салакий Дястулов
9. Асан Абрахимов
10. Дяленадир Капаров
11. Абдулгани Киков
12. Али Дялаев
13. Абдулкерим Касимов

Кипчаковцы

Князья

1. Поручик Эдик Абулов
2. Султан Мурат Абулов
3. Адимей Алиусманов

Уздени

1. Джаяс Кубанов
2. Аманакай Суюнов
3. Садин Мустафа Эфендий
4. Кари Курмилиев
5. Огурли Наипов

Навурузовцы

Князья

1. Темир Довлицеев
2. Темир Джаумов
3. Магомет Гирей Донотшуков
4. Адилгирей Капланов

Прапорщики

1. Темир Касаев
2. Калагирей Джетишулов

Эфенди

1. Даут Муллакаев

Уздени

1. Хаган Муллакаев
2. Муратали Хасанов
3. Сулеймен Джандауров
4. Мамиш Абдрахманов
5. Ислам Мурзагельдиев
6. Арсланбий Хасанов
7. Джаугайтар Капланов

Карамурзовцы

Уздени

1. Сайтакази Биякаев
2. Апсали Уразакаев

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Мангитовцы

Уздени

1. Джавгайтар Капланов
2. Ислам Мурзагельдиев

Рода Мусова

Князья

1. Штабс-капитан Бийарслан Таганов
2. Туган Ахлов
3. Эльмурза Канмурзин
4. Корнет Бек Мурза Темиров
5. Майор Эфендий Магомет Хутов

Уздени

1. Корнет Намаз Кубеков
2. Юнкер Мурзали Салакаев
3. Ахмет Буракай Аджиев
4. Батал Санеев
5. Салман Мамаев
6. Темерса Есенеев
7. Бешир Кельмамбетов
8. Бабутай Касимов
9. Идрис Абилов
10. Мансур Исхаков
11. Аджимулла Элемесов
12. Аюп Загов
13. Саралип Исказыев
14. Яца Рахметов
15. Туганас Кельдалиев
16. Абаза Умаров
17. Исмаил Кубаков

Из кн.: Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи с надписью «Кавказъ 1837 годъ». М., 2007.

Ногайцы на российской службе (XVI-нач. XXвв.)

События многовековых связей России с народами Северного Кавказа заложили основы самых тесных и дружественных отношений, получивших в дальнейшем значительное развитие.

Ногайские родословные представляли для российского правительства определённый интерес, поскольку со времен Ивана IV многие мурзы, «выбитые из Ногаев» в результате междоусобицы, находились на службе в Москве, а в дальнейшем их потомки, принявшие крещение, явились родоначальниками многих русских княжеских и дворянских фамилий (князей Юсуповых, Урусовых, Байтерековых, Шейдяковых, Камбаровых, Тинбаевых, Тинмаматовых, Кутумовых, Урмаматовых и ряда других).

Род князей Юсуповых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от ногайских князей. Родоначальником княжеской династии Юсуповых был бий Юсуф, убитый в 1555 году во время междоусобицы его младшим братом Исмаилом.

У Юсуфа было 8 сыновей. Самый старший был бий Юнус, а младший – Эльмурза. Известная казанская царица Сююмбике (в честь которой названа знаменитая башня в Казанском Кремле) также была дочерью Юсуфа.

В 1558 году царь Иван Грозный пригласил в Москву Юнуса. Царь принял его как почётного гостя. В 1559 году не стало Юнуса. Исмаил, опасаясь других сыновей Юсуфа, в 1563 году отправил Эльмурзу и Ибрагима в Москву в качестве аманатов (заложников) верности ногайцев России, и вскоре они поступили на «государеву службу». Взятие заложников, как гарантии соблюдения условий дипломатического договора, практиковалась в отношениях России с Ногайской Ордой.

Были также и династические браки, скреплявшие союзнические обязательства сторон. Так, Иван IV был свояком ногайского князя Дин-Ахмеда (сына бия Исмаила). Иван Грозный породнился в 1561 году с кабардинским князем Темрюком, женившись на его дочери Марии (Гошаней). Другая дочь Темрюка, Малхуруб, стала женой князя Дин-Ахмеда, сына и преемника Исмаила.

Царь Иван IV принял Эльмурзу и Ибрагима благосклонно и наделил их обширными поместьями. Им были пожалованы многие сёла и деревни в Романовском округе на Волге. Род Юсуповых по праву считался богатейшим в России. В XIX в. только их малороссийские имения насчитывали 70 тыс. десятин земли.

Эльмурза умер в 1611 году. У него было трое сыновей: Сеюш-мурза, Бай-мурза и Динмурза. Динмурза и Баймурза погибли в войне с Польшей, Сеюш-мурза умер в 1656 году, так и не приняв христианства. От первой супруги его остался сын Абдулла, от второй жены — Иштерек, Ислам и Джанмурза. Все последние трое умерли в молодых годах.

Ханмурза Юсупов, родной внук Сеюша, от младшего его сына Джанмурзы, был одним из первых Юсуповых, принявших христианство.

Владелец огромного богатства Абдулла, внук Эльмурзы, при царе Фёдоре Алексеевиче подвергся царскому гневу и лишился значительной части своих имений.

Абдулла Юсупов просил крещения и в 1681 году получил имя «Дмитрий». За заслуги и храбрость в войне против крымского хана и Польши он получил титул князя и землю. Князь Дмитрий Сеюшевич ещё больше увеличил свое имение, женившись на богатой вдове Екатерине Яковлевне Сумароковой. Он умер в 1694 году, оставив после себя трёх сыновей. Один из его сыновей Григорий Дмитриевич Юсупов (1676-1730) — участник петровских войн, ведал снабжением русской армии в Познани и постройкой речных судов в Нижнем Новгороде.

В 1724 году при короновании Петром Великим его супруги Екатерины I Григорий Дмитриевич был в числе шести генерал-майоров, поддерживавших на серебряных древках балдахан, под которым шествовала императрица в собор. Он был один из первых, кто получил после учреждения императрицей Екатериной I, орден св. Александра Невского.

При погребении Петра I в 1725 году князь Григорий Дмитриевич был в числе трёх маршалов (кн. Александр Меншиков и граф Фёдор Апраксин), следовавших за гробом государя.

После кончины Екатерины I за заслуги перед отечеством и преданность императору Петру II он получил в подарок большой дом в Москве и в октябре 1727 года был пожалован в подполковники Преображенского полка, в котором сам царь считался подполковником.

Григорий Дмитриевич несколько раз был сенатором и с 1727 года членом Государственной военной коллегии.

Сын Григория Дмитриевича, князь Борис Григорьевич (1695-1759) был отправлен Петром I на учёбу во Францию с другими 20 детьми русских сановников. Он возвратился из Парижа с блестящим по тому времени образованием. Был избран московским губернатором (1738 год), президентом Коммерц-коллегии, главным директором по устройству Ладожского озера, 9 лет директором первого в России Петербургского

Сухопутного кадетского корпуса, действительным тайным советником, сенатором. От императрицы Анны Иоанновны Борис Григорьевич получает награду «За верность и ревностное радение» и чин действительного камергера с рангом генерал-майора. Бирон очень завидовал ему и в 1740 году «доискивался» до него. Судьба распорядилась так, что через 34 года эти семьи породнятся, а сын Бирона, Петр Бирон, герцог Курляндский, будет супругом его младшей, четвёртой дочери — Евдокии. Брак был совершён под покровительством императрицы Екатерины II в Зимнем дворце. Умерла Евдокия в 1780 году.

Николай Борисович Юсупов, сын Бориса Григорьевича, (1751-1831) — ещё в младенчестве был записан в лейб-гвардию, а в 1771 году пожалован в поручики лейб-гвардии конного полка. Затем ушел в отставку. Находясь с июня 1772 года вне военной и государственной службы, он провёл несколько лет в путешествии по Европе (Англия, Франция, Германия, Италия, Испания, Португалия). В Лондоне в 1776 году он встречался с известным писателем Бомарше.

В январе 1783 года Николай Борисович был послан российским послом в Турин, ко двору Сардинского короля Амадея III. Он получил согласие Римского папы на снятие списков с Рафаэловых лож в комнатах Ватиканского дворца. Опытные художники — Мазон, Россини и др. — трудились по приглашению князя Н. Б. Юсупова для снятия копий с подлинников. Затем Эрмитаж в Санкт-Петербурге украсился Рафаэловой галереей. У него была также богатая коллекция резных камней, редкой красоты и художественной ценности.

В 1791 году он стал управляющим театрами в Санкт-Петербурге. Затем был президентом мануфактур-коллегии, при императоре Александре I был членом Государственного Совета, был действительным тайным советником, известный меценат, награждён орденами Святого Александра Невского (1796 г.) и Святого Андрея Первозванного (1797 г.). В 1800 году он стал министром Департамента уделов, сохранив за собой также управление мануфактур-коллегией. В 1804 году князь Николай Борисович в Париже был с почётом принят Наполеоном.

В 1826 году Николай Борисович был назначен Верховным маршалом при короновании нового царя. Таким образом, ему суждено было занимать эту должность при трёх коронациях: 5 апреля 1797 года — императора Павла I, 15 сентября 1801 года — императора Александра I и в августе 1826 года — императора Николая I. Он скончался 15 июня 1831 года и погребён в подмосковном селе Спасском, около могилы своей матери.

Князя Бориса Николаевича (1794-1849) в 1839 году дворянство Петербурга избрало своим уездным председателем, а Царскосельское дворянство — своим представителем в Санкт-Петербурге. Он был членом короновальной комиссии Николая I. В 1849 году был назначен директором выставки промышленных произведений в Санкт-Петербурге. Борис Николаевич был женат дважды. Первая супруга-княжна П. П. Щербатова (скончалась в 1820 году), а вторая — Зинаида Ивановна Нарышкина.

Николай Борисович-младший (1826-1891) — член Опекунского совета учреждений императрицы Марии Федоровны, ведал Петербургской публичной библиотекой.

Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (получил титул князя Юсупова по женитьбе на Зинаиде Николаевне Юсуповой), командир Кавалергардского полка; московский генерал-губернатор (1914-1915); председатель общества акклиматизации животных.

Феликс Феликсович Юсупов, сын графа Сумарокова-Эльстона и княгини Зинаиды Николаевны Юсуповой, был женат на княжне Ирине Александровне, родной племяннице императора Николая II. Феликс Юсупов принял активное участие в убийстве Распутина, вызвав тем самым на себя гнев императора и императрицы. От сурового наказания Феликса спасла Февральская революция 1917 года. После прихода к власти большевиков Феликс Юсупов с родителями и женой эмигрировал в Париж, где скончался в 1967 году. Несметные богатства Юсуповых достались советской власти: великолепные дома, квартиры в Москве и Санкт-Петербурге, большие плантации виноградников, несколько заводов, дорогие картины и другие художественные ценности. До сих пор сохранилась усадьба князей Юсуповых в селе Архангельское Красногорского района Московской области. Феликс Юсупов был последним из своего знаменитого рода, с его смертью Юсуповых не стало.

Род князей Урусовых, как показано в справке разрядного архива и в других родословных книгах, происходит от сына Исмаила, князя Уруса. Многие из внуков Уруса приняли христианство. Урак (Петр) Урусов убит в декабре 1600 года тушинского самозванца Лжедмитрия II.

В 1776 г. московский губернский прокурор князь П. В. Урусов и антрепренер М. Г. Медоке сформировали постоянную труппу Московского русского театра (ныне Большого театра), в которую вошли театральные труппы Н. С. Титова и Московского университета, а также крепостные актеры П. В. Урусова и др.

Князь Александр Александрович Урусов, полковник, был любите-

лем и знатоком отечественных древностей и усердным ревнителем просвещения. Он подарил Московскому университету целый музей минералов, монет, медалей, мозаик и прекрасную библиотеку; большая часть этого собрания, к сожалению, погибла в пожаре 1812 года.

Братья Василий и Роман Агишевичи (внуки мурзы Мама Агишева, от междоусобицы бежавшего в Москву и принявшего христианство) участвовали в военных действиях русских войск в Ливонии. Князь Василий Агишевич Тюменский был командующим русскими войсками в Ливонской войне.

В середине XIX века в русском обществе возник интерес к адвокатской деятельности. На этом поприще прославились выдающиеся юристы Ф. Н. Плевако, князь А. И. Урусов и др., заложившие основы русской школы адвокатов-ораторов.

В XVI веке князь Шейдяков-Ногайский был окольным чин (придворный чин, был вторым по значению после боярина думным чином), воеводой.

Канай Тинбаев со своим отрядом юртовских ногайцев в 1617-1618 гг. действовал против поляков на стороне России. Его сын, в крещении Михаил Канаев, уже давно служил в Москве. Так, в 1616 г. в качестве воеводы князь Михаил Канаев вместе с Н. Лихаревым, ходил по царскому указу воевать на Литовскую землю к Сурожу, Витебску, Велижу и другим местам.

В XVII веке на русской службе были князь Андрей Сатыев и князь Петр Канмурзин.

В XVIII веке сыграли большую роль в российской истории князья Джан-Магомед, Баязет-бий и поручик Наврузали Иманкулов. В январе 1772 г. за усердную службу Екатерина II наградила Джан-Магомеда грамотой и саблей «от монаршего лица». Князь Баязет-бий в 1793 г. был пожалован Екатериной II в надворные советники (соответствовал чину подполковника) и назначен приставом ногайцев (остававшимся им в течение 12 лет), живших в Молочных Водах Таврической губернии. Поручик Наврузали Иманкулов в конце XVIII в. был частным приставом кизлярских (терских) ногайцев.

Один из ногайских аманатов, содержавшихся в Кизляре (1742 г.), Казбулат Тоганов, внук главного солтанаульского мурзы Мусы, был в 1744 году отправлен на учебу в Петербург. В крещении в 1745 году получил имя Дмитрия Васильевича. В 1748 г. Дмитрий Тоганов был определен в кадетский корпус. 3 ноября 1769 года Высочайшим указом он был назначен приставом кабардинцев, где работал до 1783 года, а с 1784 по

1798 годы был комендантом г. Моздока и дослужился до звания генерал-майора.

В 1803 году российская кавказская администрация учредила новое крупное самостоятельное приставство для ногайцев, ранее обитавших в четырёх приставствах. Во главе его был поставлен ногайский князь Султан Менгли-Гирей. Ему было присвоено звание генерал-майора. За хорошую службу Его императорское величество Указом от 30 апреля 1810 года наградило генерал-майора Султана Менгли – Гирея военным орденом Святого Георгия 4-го класса. Его братья – Азамат-Гирей и Максуд-Гирей были произведены в чин майора, Росламбек (Арсланбек) Тоганов – в майоры, а его брат Эдиге Тоганов – в капитаны. Кроме того, Росланбеку Тоганову было выделено жалование 30 рублей денег в год, а Эдиге Тоганову – золотая медаль на Георгиевской ленте.

Во время путешествия в 1837 году императора Николая I по Кавказу много ногайских князей, мурз, старшин, узденей, представителей духовенства, находившихся в почетном карауле и конвое императора Николая I, были награждены серебряной медалью «Кавказ 1837 год». Выше приведены все их фамилии.

За участие в Крымской войне 1853 – 1856 гг. боевыми орденами и серебряными медалями были награждены Савкат Даудов и Магомед Мансуров.

В XIX веке много ногайцев служили офицерами в российской армии и были награждены георгиевскими орденами и другими отличиями:

Абдулов Батыр-Герей, князь, штабс-ротмистр (с 19.12.1866 г.), служил в 12-м полку принца Карла Прусского.

Абдулов Эдып, из ногайских мурз, штабс-ротмистр, подполковник.

Абладин-улы Мурзабек, из ногайских мурз Баталпашинского отдела Кубанской области, подпоручик.

Абулов Джелан, из ногайских князей Правого крыла Кавказской линии. Корнет с 19.08.1832 года, служил в лейб-гвардии Кавказско-Горском эскадроне, при 2-м Лабинском полку. Позднее произведен в подпоручики.

Абулов Мурзабек (Мурза-Бек), из ногайских мурз. Служил в Нижне-Кубанском приставстве, чин подпоручика получил 26.02.1868 году. Мурзабек Абулов имел награду Знак отличия Военного ордена 4-й степени № 846, проживал в ауле Кургоковском Урупского округа.

Абулов Эдык, из ногайских мурз. В чине подполковника проживал в Баталпашинском уезде, к 1867 году ему было выделено 2300 десятин земли.

Абулов Казы-Гирей, без чина, ногайский князь, как влиятельное лицо высокого происхождения был наделен 300 дес. земли.

Абулов, имя не указано, ногаец, в чине штабс-ротмистра служил в 12-м гусарском полку, наделен землей 300 десятин.

Айтеков Мамбет (Мурза Мамбет Айтеков), из ногайцев аула Карамурзинский, подпоручик, наделен землей в 250 десятин. Известен прапорщик Мамбет Айтеков, получавший пенсию за награду его Знаком Отличия Военного ордена 4-й степени.

Алиев Исмаил (Измаил), из ногайских князей, владелец аула на Кубани у устья Урупа. В 1826 году от него поступили сведения об активизации деятельности анапского паши Гасан-бея, по поручению которого по Левобережью Кубани совершил поездку чиновник Бекар-бий. Он приглашал местных султанов, князей, узденей в Анапу, которых там одаривали, приводили к присяге и настраивали против России. Служил в российской армии, был штабс-капитаном.

Алиев Султан-Бек, ногайский князь, капитан с 02.10.1860 года, житель аула Тохтамыш.

Алиев Биарслан, из ногайских мурз. Поручик. Упоминается в документе 1869 года.

Алимгереев Мусса-бий. Окончил Лабинскую (Майкопскую) горскую школу. Награжден медалью и чином прапорщика в 28.07.1878 году. На 1886 год проживал в ауле Карамурзин Баталпашинского уезда.

Алшагиров (Алчагиров) Ханмурза, из ногайцев Правого крыла Кавказской линии. Служил в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, в чине корнета с 08.09.1838 года. Дослужился до поручика.

Ахлов Ахлау Мусаевич, из ногайских князей, родился 25.02.1891 года в ауле Балтинском (ныне а. Кизил-Юрт КЧР). Учился в Тохтамышевском училище, Тифлисском кадетском корпусе и Александровском военном училище, которое окончил в 1912 году.

По окончании военного училища он был направлен на службу в 41-й Селенгинский пехотный полк. В годы 1-ой мировой войны Ахлов А. М. в составе разных частей воевал на участках австро-венгерского фронта, был тяжело ранен. Награжден Георгиевским крестом.

В 1916-1917 гг. служил в Казанском училище, произведен в штабс-капитаны.

С 3 сентября 1918 года по 16 февраля 1919 года Ахлов А.М. служил в Башкирской дивизии Красной армии.

В июне 1919 года на юге России наступали войска генерала Деникина. По приказу Реввоенсовета на Южный фронт была переброшена и

Башкирская дивизия под командованием А.М. Ахлова. Дивизия участвовала в крупных боевых операциях под Харьковым, Лозовой, Сумой, Полтавой и т.д. 30 июля 1919 года Башкирская дивизия разгромила под Полтавой гвардейскую дивизию Деникина. Фрунзе М.В. высоко отозвался о боеспособности Башкирской дивизии.

Осенью 1919 года под Петроградом создалось критическое положение – войска Юденича и белофинны подступали к городу. Дивизия во главе с Ахловым была переброшена под Петроград, она с честью выполнила приказ военного командования. Здесь в конце 1919 года Ахлов А.М. был принят в ряды РКП (б). За отвагу и доблесть, проявленные в обороне Петрограда, дивизии под командованием Ахлова А. М. было вручено Красное Знамя Петроградского Совета.

1920-1921 гг. Ахлов работал военным комиссаром Башкирии. Осенью 1921 года он был переведен в Карачаево-Черкессию. Участвовал в создании Карачаево-Черкесской автономной области, был избран членом первого областного ревкома, работал прокурором и военным комиссаром области. 24 декабря 1937 года был репрессирован, а в 1957 году Ахлова А.М. реабилитировали.

Ахлов Ахлау, ногайский князь. В чине подпоручика ему был определен надел в 1500 десятин земли в 1822 году, в 1851 году за боевые отличия был награжден медалью.

Ахлов Баракай. Награжден Знаком Военного ордена 1-й степени. За отличие по службе в конвое присвоен чин прапорщика (21.08.1869 г.). Проживал в ауле Тохтамыш Баталпашинского отдела.

Ахлов Бекмурза, подпоручик. Родился в 1841 году. За отличия на службе получил чин корнета (15.08.1864 г.), подпоручик с 25.02.1860 года. Он был наделен 2000 десятин земли.

Ахлов Казы, ногайский князь, ротмистр, проживал в Баталпашинском отделе. Умер в 1872 году.

Ахлов Тоган, князь, майор, умер в 1867 году. Проживал в Зеленчукском округе. Был наделен 2000 десятин земли.

Бадраков-Мансуров Каспот, князь, поручик, участник Марухского перехода генерал-майора Бабыча к Сухуму в 1877 году, командовал сотней милиции.

Баммат-Хаджи, старшина ногайского села Губечи-аул Таргу-Ногайского общества, в декабре 1916 года награжден медалью с надписью «За усердие».

Баймурзов Пшекуй, князь, прапорщик. В 1837 году был делегирован для встречи с императором Николаем I в Ставрополь.

Баштуков Жанатай, уздень, 21 декабря 1849 года награжден золотой медалью для ношения на шее на Георгиевской ленте, служил в Отдельном Кавказском корпусе.

Бекмурзов Коймурза, князь, родился в 1820 году, корнет (29.10.1838 г.), поручик (31.12.1851 г.), штабс-ротмистр (1852 г.), служил прикомандированным к Кавказскому казачьему полку с 1844 года. Награжден двумя Георгиевскими орденами. Проживал в Баталпашинском уезде.

Булатуков Келемет, в 1878 года в Кубанско-Горском конно-иррегулярном полку в чине штабс-ротмистра, командовал сотней. За участие в войне с турками в 1877 году награжден орденом и медалью. Наделен 800 дес. земли.

Давлетиев Магомед-Гирей (Наврузов), князь, служил в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, корнет (04.09.1842 г.), ротмистр (17.11.1851 г.), награжден Георгиевским орденом. Владел аулом Серкали.

Далов Ибрагим, родился в 1809 году, корнет (30.08.1834 г.), был награжден Знаком отличия Военного ордена и польским орденом.

Джанкулов Михаил Иванович, подпоручик с 1857 года, был награжден Георгиевским орденом, в 1880 году служил в Екатеринодарском полку.

Джаумов Биарслан, 1819 года рожд., ротмистр, служил в лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, во 2-м Лабинском, 2-м Ставропольском полках, участвовал в битвах на Лабее и у Карса, имел три Георгиевских ордена, был наделен землей 250 десятин.

Джурбеков (Джурабеков) Али Кулибек, Чин прапорщика получил 04.12.1879 года.

Кадыралиев Амин, в 1838 году был произведен в чин корнета, служил во 2-м Лабинском казачьем полку. По возвращении из Турции был лишен офицерского звания, проживал в ауле Мансурова Зеленчукского округа.

Каплан-Гирей Девлет-Гиреев, 1811 года рожд., корнет (1834 г.), из ногайских мурз Касаевско-Едисанского народа. Служил в лейб-гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне, награжден Знаком Военного ордена и Георгиевским орденом. В 1856 году проживал в Кубанской области.

Капланов-Нечев Адиль-Гирей, ногайский князь, полковник. Получив в собственность от российского правительства 5247 дес. земли, основал имение под Армавиром.

Касым Бий-Киши-оглы, старшина Таргу-Ногайского общества, в декабре 1916 года награжден медалью с надписью «За усердие».

Карамурзин Азамат, князь, корнет (17.11.1837), служил при 2-м Лабинском казачьем полку.

Карамурзин Арсланбек, князь, имел чин прапорщика, проживал в Баталпашинском уезде.

Карамурзин Бек-Мурза, прапорщик (21.08.1869 г.), служил в лейб-гвардии в Кавказско-Горском полуэскадроне.

Карамурзин Ислам, прапорщик.

Карамурзин Измаил, прапорщик (28.07.1877 г.). В 1878 году был прикомандирован к сборному Лабинско-Урупскому полку. Проживал в ауле Тохтамышевское.

Карамурзин (Карамурзов) Каспудат, 1863 года рожд., князь, войсковой старшина. Служил в лейб-гвардии в Кавказско-Горском полуэскадроне в 13-м конном полку, в Екатеринодарском и других полках. С 1886 года проживал в Баталпашинском отделе.

Кокшев Джамбулат, князь, служил в Приставстве бесленеевского народа и закубанских армян, в 1857 году награжден Георгиевской медалью с надписью «За храбрость».

Кумуков Абубекир, прапорщик с 15.05.1861 года, проживал в ауле Тохтамышевское.

Кумуков Закарья. В 1869-1870 гг. был отправлен на службу в лейб-гвардию в Кавказско-Горский полуэскадрон.

Кубеков Намаз, корнет (1837 г.), служил во 2-м Лабинском полку, был наделен 200 десятинами земли.

Кукуев Кулюк, из ногайских дворян, корнет (с 1837 года).

Магометов Али, из караногайцев, был награжден медалью и чином прапорщика, жалованье – 120 рублей. В 1852 году на три года был прикомандирован ко 2-му Лабинскому полку.

Мамаев Султан-Мурат, князь, штабс-капитан, майор. К 1865 году у него был аул на реке Кубань, расположенный напротив станицы Николаевской из 40 дворов, жителей – более 300 душ. Ему было выделено в собственность 1565 десятин земли.

Мамиев Берт, прапорщик (30.12.1846 г.), в чин штабс-капитана был произведен 13.01.1854 года.

Мансуров Алакай, князь, поручик, проживал в землях, подведомственных правому флангу Кавказской линии.

Мансуров Алибий, князь, имел чин поручика. В 1877 году его племянник Эльмурза Мансуров добивался разрешения отправиться на войну с Турцией.

Мансуров Бекмурза, князь, поручик по милиции. Приказом командо-

вания Кубанско-казачьего войска от 22.06.1878 года объявлено о присвоении ему за отличия в войне с Турцией чина штабс-капитана по милиции.

Мансуров Каспот, прапорщик, имел до 200 десятин земли.

Мансуров (Бадраков) Касбулат, офицер с 1847 года, имел 4 ордена. В 1878 году ему присвоен чин штабс-капитана.

Маультеев, подпоручик. После его смерти сын Баубек Маультеев получил 100 десятин земли в собственность.

Мурзаев Александр, в чине есаула служил в Линейном генерала Вельямина полку. За отличие 04.09.1915 года у села Черск награжден Георгиевским оружием (приказ Кубанско-казачьего войска от 24.12.1916 г. №777.).

Мурзаев Аслан Бий, прапорщик (30.08.1871 г.). В чине поручика был старшиной аула Кувинское Баталпашинского уезда. Убыл в Терскую область.

Наврззов Ислам (Салам) Муссович, из мурз. К 1867 году в чине штабс-капитана служил в Ставропольском пехотном полку. Проживал в Баталпашинском уезде, наделен землей в 1 тыс. десятин. В 1877 году капитан в отставке, один из организаторов формирования Марухского отряда, был представлен к награде.

Ораков (Ураков) Арсланбий, князь. С 1840 году служил в казачьем конно-горском дивизионе в чине прапорщика (11.11.1851 г.), назначен в 1-й Лабинский конный полк (19.12.1853 г.). В чине войскового старшины (1857 г.), награжден 2 орденами. Был наделен 2400 десятинами земли. Проживал в Баталпашинском уезде. Умер в 1867 году.

Салакаев Бахва Петрович, поручик (1869 г.). Проживал в Баталпашинском уезде.

Салакаев Мурзали, из ногайских дворян. В лейб-гвардию Кавказско-Горского полуэскадрона поступил 01.05.1828 года, произведен в юнкера (31.12.1830 г.), служил при 2-м Хоперском казачьем полку.

Саринов Эдиге, князь, корнет с 04.09.1842 года, жалованье – 209 руб.

Сейдалиев Юсуп, уздень, 21 декабря 1849 года награжден серебряной медалью для ношения на шее на Георгиевской ленте, служил в Отдельном Кавказском корпусе.

Сейтеков Магомет, князь, поручик (03.12.1865 г.), наделен 250 десятинами земли. С 1886 года проживал в ауле полковника Капланова-Нечева.

Сейткуллов Темир, из узденей, корнет (19.01.1837 г.), служил в лейб-

гвардии в Кавказско-Горском полуэскадроне и при 2-м Лабинском казачьем полку, жалованье – 167 руб.

Султан Аган-Гирей, корнет (13.07.1832 г.), подполковник (05.03.1844 г.), был прикомандирован к Хоперскому казачьему полку. В 1852 году в чине полковника награжден орденом Святой Анны 2-й ст. с короной, в 1857 году получил золотую шашку с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте.

Султан Адиль-Гирей Батыр-Гиреев. В офицерском чине занимал пост Тохтамышевского пристава.

Султан Амет-Гирей, подпоручик, атаман станицы Ады, умер в июле 1842 года.

Султан Азамат-Гирей, проживал в ауле Тохтамышевском. В 1828 году назначен командиром лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. Находясь в отставке, был произведен в генерал-лейтенанты (1850 г.).

Султан Девлет-Гирей, прапорщик, проживал в Баталпашинском отделе, был наделен землей в 500 десятин (1863 г.).

Султан Казы-Гирей, ротмистр Атаманского полка, проживал в Тамани, умер в 1879 году.

Султан Салиман-Гирей, 1826 года рожд., корнет (14.08.1847 г.), участник Крымской войны, с 1859 года был прикомандирован к 10-му Кубанскому конному полку, в чине ротмистра командовал сотней, награжден орденом.

Суншев (Суюнчев) Арслан-Гирей, князь. Служил в лейб-гвардии в Кавказско-Горском полуэскадроне, был произведен в корнеты (08.09.1838 г.). Продолжал службу при 2-м Лабинском линейном казачьем полку. Проживал в ауле Мансуровском.

Суншев (Суюнчев) Мурза, корнет. Наделен землей 300 десятин. Имел сыновей Шашлю, Халачу, Хасамбий, Кушербий.

Туганов Касбулат, прапорщик (06.03.1863 г.), житель Верхне-Кубанского приставства.

Туганов Муса, полковник. В лейб-гвардию Кавказско-Горского полуэскадрона вступил 25.03.1828 года, 28.08.1834 года майором был переведен в Отдельный кавказский корпус. Был наделен землей 5000 десятин. Сыновья получили по 1250 дес. Умер в 1867 году.

Эдиге Алибий, учился в Азиатской (Новороссийской) школе в кадетском корпусе, в чине майора после крещения именовался как Сергей Александрович Али-бей Эдигей.

Эдиге Бахты-Гирей, 1821 г.р. Служил в Анапской горской команде, в лейб-гвардии в Кавказско-Горском полуэскадроне, гусарских полках,

подполковник, помощник командира полка (1876 г.), имел Знак отличия Военного ордена.

Особо следует сказать о славном сыне ногайского народа генерал-майоре Султане Казы-Гирее, о котором восторженно писали А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой. Султан Казы-Гирей прослужил в российской армии более 37 лет. Он участвовал в военных действиях российской армии в 1827, 1830-1831, 1843-1845, 1854-1855 гг. За проявленное мужество и храбрость он был удостоен орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 2-й степени, получил золотую шашку с надписью «За храбрость».

Литература:

Юсупов Н. О роде князей Юсуповых. В 2-х ч. СПб., 1866-1867.

Ибрагимбейли Х.-М. Страницы истории боевого содружества русского и кавказских народов (1853 – 1856 гг.). Баку, 1970.

Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. Народы Дагестана. № 2. Махачкала, 2003.

Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003.

Возрождение / Научно-популярный журнал. № 9. Махачкала, 2006. Ж. Ахульго. № 9. Махачкала, 2009.

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2009.

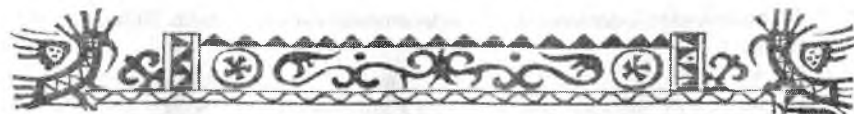

Список сокращений

- АВПР** – Архив внешней политики России .
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
ЦГА РД – Центральный Государственный архив Республики Дагестан.
АГС – Архив Государственного Совета.
АКАК – Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
КРО – Кабардино-русские отношения.
РДО – Русско-дагестанские отношения
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
Сб. РИО – Сборник Русского исторического общества.
СКНЦ ВШ. Общ. науки – Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Общественные науки.
ген.-м. – генерал-майор.
ген.-л. – генерал-лейтенант.
ген.-поруч. – генерал-поручик.
е.и.в. – Его императорское величество.

instituteofhistory.ru

Сноски

- ¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 277.
² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII- нач.XIX вв. Махачкала, 1999. Кн.1.С.151.
³ Магомедов А.Р. Народы Дагестана. Махачкала,2003. С. 64-65.
⁴ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 207-213.
⁵ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. 2. С. 207-213.
⁶ Там же. С. 42.
⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.С. 278.
⁸ Магомедов А.Р. Народы Дагестана. С.55.
⁹ Там же. С. 56-57.
¹⁰ Там же. С. 61.
¹¹ Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л., 1949. С. 179.
¹² Магомедов А.Р. Указ. соч. С. 73.
¹³ Там же. С. 59-60.
¹⁴ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 305.
¹⁵ Магомедов А.Р. Указ. соч. С.68-72; Гасанов М.Р. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. С.180-190.
¹⁶ Агулы. Махачкала, 1975. С. 7.
¹⁷ Магомедов А.Р. Указ.соч. С.73.
¹⁸ Мусаев Г. Из исторического прошлого рутулов // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала,1976. Вып. 7. С. 138-139.
¹⁹ Ибрагимов Г.Х. Новые источники по истории цахуров. // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 174-178; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII- нач. XIX в. Махачкала, 2001. Кн.2.С.165-166.
²⁰ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII-нач. XIX в. Кн.1. С. 127.
²¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 42.
²² Очерки истории Карачаево- Черкессии. Ставрополь. 1967. Т.1.С.222.
²³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 329-330.
²⁴ Там же. С.278.
²⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 372.
²⁶ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 305-306.
²⁷

- ²⁸ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 372.
- ²⁹ Там же. С.371.
- ³⁰ Там же. С.371.
- ³¹ Там же. С.373.
- ³² Там же. С. 373.
- ³³ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 127.
- ³⁴ Там же. С. 128.
- ³⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 374-375.
- ³⁶ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М., 1988. С. 56.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 129.
- ³⁹ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Сб. ст. Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая пол. XIX - нач. XX веков). Отв. ред. А.М. Магомеддаев. Махачкала, 2000. С. 9-10.
- ⁴⁰ Цит. по кн.: Мансуров М.Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994.С.34-35
- ⁴¹ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986.С.114.
- ⁴² Там же. С. 130.
- ⁴³ Там же. С.115.
- ⁴⁴ Там же. С. 116.
- ⁴⁵ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России... СПб., 1835.Т.2.С.64.
- ⁴⁶ Васильев Д.С. Указ. соч. С.116.
- ⁴⁷ Там же. С. 190.
- ⁴⁸ Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кавказского отделения ИРГО. Кн.8 Тифлис, 1873. С.49.
- ⁴⁹ Народы Дагестана. М., 2002. С. 36.
- ⁵⁰ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.- 1917 г.). С. 385.
- ⁵¹ Бартольд В.В. Соч. Т.II Ч.I. М., 1963. С.27.; Виноградов В.Б. Средневековая Кубань: земляки и соседи. Армавир, 1995. С.104.
- ⁵² Керейтов Р.Х. К истории некоторых ногайских фамилий Черкесск, 1994.С.12, 28.
- ⁵³ Виноградов В.Б. Средневековая Кубань: земляки и соседи.С. 104; Народы Дагестана.М., 2002. С. 493.
- ⁵⁴ Трепавлов В.В. Предки ногайцев на Северном Кавказе (миграции мангытов в Дешт- и Кипчаке XIV в.) // Состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1998 С. 102-109.
- ⁵⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С.393-394.
- ⁵⁶ Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.: Терекли- Мектеб, 1991.С. 17; Волкова Н.Г. Маджары // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. С.5.
- ⁵⁷ Сб. РИО.СПб., 1884. Т.41.С. 167.
- ⁵⁸ ПДРВ. СПб., 1793. Ч.8.С.128.
- ⁵⁹ Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный. 1970. С. 96-97.
- ⁶⁰ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000. С. 17-22.

- ⁶¹ Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С.45.
- ⁶² Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 77.
- ⁶³ Щеглов И.Г. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т.1. С. 94-95.
- ⁶⁴ Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901.С.21.
- ⁶⁵ ГАСК. Ф.249. Оп.2.Д23. Л.147; Оп.2. Д.2737. Л. 12-14.
- ⁶⁶ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX- начале XX в. С. 8.
- ⁶⁷ Там же. С. 8.
- ⁶⁸ Там же. С. 8.
- ⁶⁹ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Тифлис, 1888. Ч.1. С. XXXIV
- ⁷⁰ Якобий А.И. Указ. соч. С.21.
- ⁷¹ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812г. // История, география и этнография Дагестана XVIII- XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 245.
- ⁷² Кумыкское село, располагавшееся на территории Буйнакского района РД и разрушенное землетрясением 1970 г.
- ⁷³ Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала, 1991. С. 72-73.
- ⁷⁴ Оразаев Г.М.-Р. «Прощение кумыкских ногайцев» 1860 г. как историко-этнографический источник // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала, 1989. С. 57-75. Следует указать, что в тексте оригинала ногайцы называются «дагестанские ногайцы» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 136-139).
- ⁷⁵ Шахсенгер – местность близ с. Башлы-кент Каякентского района РД.
- ⁷⁶ Манас – в Каякентском районе РД.
- ⁷⁷ Бакас – озеро близ с. Шамхалянгиюрт и Аджилада Кумторкалинского района РД.
- ⁷⁸ Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 133; Народы Дагестана. С. 495.
- ⁷⁹ Казбек Г.Н. Указ. соч. С. 120-121; Семенов Н. Указ. соч. С. 65.
- ⁸⁰ Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893 г. Ставрополь, 1893. С.51.
- ⁸¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.- 1917 г.). С. 385.
- ⁸² Щеглов И. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т. 1. С. 484.
- ⁸³ Там же. Т.1. С. 484.
- ⁸⁴ Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972. С. 165.
- ⁸⁵ Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом // ЖМНП. СПб., 1909. № 12. С. 191-195.
- ⁸⁶ Кодзоков Л.М. Заметки о скотоводческом хозяйстве Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1869. № 31.
- ⁸⁷ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX- нач. XX в. Махачкала, 2005. С. 35.
- ⁸⁸ Якобий А.И. Указ. соч. С. 7.

- ⁸⁹ Капельгородский Ф.О. Караногай – страна кочевников и патриархального быта. Л. 194.
- ⁹⁰ АКАК. 1873. Т. 3. С. 877-878.
- ⁹¹ Прозрителев П.Н. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии / Рукопись // Ставропольский краевой краеведческий музей. Папка № 9.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Бентковский Г.В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Семенов Н. Указ. соч. С. 370.
- ⁹⁶ ГАСК. Ф 444. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.
- ⁹⁷ Калмыков И.Х. Из истории скотоводства у ногайцев в XIX-начале XX в. // Проблемы этнических историй народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 138.
- ⁹⁸ Капельгородский Ф.О. Караногай- страна кочевников и патриархального быта. Л. 200.
- ⁹⁹ Там же. Л. 201.
- ¹⁰⁰ В XVI в. в Москву и Казань ногайцы гнали гуртами овец. Только в 1555 г. в Москву поступило 4 тыс., а в Казань более 20 тыс. овец. ПДРВ. СПб., 1795. Ч. 9. С. 189-208.
- ¹⁰¹ Якобий А.И. Указ. соч.. С. 7.
- ¹⁰² Полевой материал, собранный в 1989 г. в Шелковском районе Чеченской республики. Л. 157.
- ¹⁰³ Смирнов М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIX века. Ставрополь, 1913. С. 69.
- ¹⁰⁴ Калмыков И.Х. Указ. соч. С. 140.
- ¹⁰⁵ Книга о лошади. М., 1952. Т. 1. С. 461.
- ¹⁰⁶ Павлов А.М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842. С. 10-11.
- ¹⁰⁷ Малявкин Г.Ф. Караногайцы // Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 159.
- ¹⁰⁸ Дубенский Д. Конские породы, табуны и заводы Кавказа, их прошлое и настоящее. СПб., 1896. С. 18.
- ¹⁰⁹ Кодзоков Л.М. Заметки о кавказском коневодстве // Терские ведомости. Владикавказ, 1869. № 10.
- ¹¹⁰ Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. Екатеринодар. 1891. Т. II. С. 17.
- ¹¹¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 1. С. 278
- ¹¹² ПДРВ. Ч. 9. С. 1, 16, 28, 35.
- ¹¹³ Капельгородский Ф.О. Караногай- страна кочевников и патриархального быта. // РФ. ИИАЭ. ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 93-94.
- ¹¹⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 66, 67, 77.
- ¹¹⁵ Ставропольские губернские ведомости. Ставрополь, 1851. № 23.
- ¹¹⁶ Бентковский И.В. Обзор коневодства на Северном Кавказе в прежнем и нынешнем его состоянии. Ставрополь, 1897. С. 3.
- ¹¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹¹⁸ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 81.
- ¹¹⁹ Капельгородский Ф.О. Караногай- страна кочевников и патриархального быта. Л. 195.

- ¹²⁰ Якобий А. Указ. соч. С. 7.
- ¹²¹ Мутенин И.Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Известия Грозненского областного научно-исследовательского института и музея краеведения. Грозный, 1948. Вып. 1. С. 130.
- ¹²² Дубенский Д. Указ. соч. С. 26.
- ¹²³ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 53.
- ¹²⁴ Якобий А.И. Указ. соч.. С. 7.
- ¹²⁵ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы С. 69-70.
- ¹²⁶ Оразаев Г.М.-Р. «Прошение кумыкских ногайцев» 1860 г. как историко-этнографический источник // Письменные памятники Дагестана XVIII-XIX вв. Махачкала. 1989. С. 65; ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 139.
- ¹²⁷ Калмыков И.Х., Керейтов, Сикалиев А.И. Ногайцы. С. 139.
- ¹²⁸ Надиразде А.А. Развитие и размещение рыбной промышленности Дагестана в дореволюционный период. Махачкала, 1969. С. 84.
- ¹²⁹ Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI-XVII вв. Махачкала, 1954. С. 2.
- ¹³⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18747. Л. 23.
- ¹³¹ Надиразде А.А. Указ. соч. С. 84.
- ¹³² Заблоцкий. П. Путевые записки из Астрахани в Баку // ЖМВД. СПб., 1838. Ч. 29. С. 26-27.
- ¹³³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в конце XVIII-первой пол. XIX в. С. 59.
- ¹³⁴ Кузнецов И.Д. Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898. С. 120.
- ¹³⁵ Надиразде А.А. Указ. соч. С. 99-100, 112.
- ¹³⁶ Там же. С. 99.
- ¹³⁷ Там же. С. 122.
- ¹³⁸ Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 46.
- ¹³⁹ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 58.
- ¹⁴⁰ Обзор Дагестанской области за 1892 г. С. 7.
- ¹⁴¹ Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. С. 93.
- ¹⁴² Там же. С. 93.
- ¹⁴³ Надиразде А.А. Указ. соч. С. 123.
- ¹⁴⁴ Бэр К.М. Рыболовство в Каспийском море и его притоках. Исследования о состоянии рыболовства в России. СПб., 1860. С. 60.
- ¹⁴⁵ Надиразде А.А. Указ. соч. С. 129.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 133.
- ¹⁴⁷ ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 3. Д. 8. Л. 197.
- ¹⁴⁸ Надиразде А.А. Указ. соч. С. 134.
- ¹⁴⁹ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 45.
- ¹⁵⁰ Калмыков И.Х. Указ. соч. С. 125-126.
- ¹⁵¹ Небольсин П. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 63.

- ¹⁵³ Джанибеков А.Ш. Очерки по истории ногайцев // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 121. Л. 19.
- ¹⁵⁴ Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX- начале XX в. С. 18; Полевой материал, собранный в 1989 г. в Шелковском районе Чеченской республике. Л. 154.
- ¹⁵⁵ Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар в 1709 г. // Русский вестник. 1842. № 4. С. 45.
- ¹⁵⁶ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1796. Ч. 2. С. 32.
- ¹⁵⁷ Полевой материал, собранный в 1989 г. в Шелковском районе Чеченской республики. Л. 156.
- ¹⁵⁸ Георги И. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁵⁹ Георги И. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶⁰ Лавров Л.И. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1. С. 213.
- ¹⁶¹ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000. С. 27.
- ¹⁶² Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVIII столетии по Пейсонелю // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1891. Т. II. С. 17.
- ¹⁶³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. Махачкала, 2003. С. 46.
- ¹⁶⁴ Георги И. Указ. соч. С. 32.
- ¹⁶⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958. С. 20.
- ¹⁶⁶ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. С. 29.
- ¹⁶⁷ КРО. Т. 1. С. 49.
- ¹⁶⁸ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 74; КРО. Т. 1. С. 53.
- ¹⁶⁹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 525.
- ¹⁷⁰ Магомедова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI-XIX вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI- начале XX в. Грозный, 1981. С. 23-37.
- ¹⁷¹ Очерки истории Карачасво-Черкессии. Т. 1. С. 225.
- ¹⁷² Костомаров Н.И. Очерки торговли Московского государства в XVI-XVII столетиях. С. 48, 51.
- ¹⁷³ КРО. Т. 1. С. 86.
- ¹⁷⁴ КРО. Т. 1. С. 98.
- ¹⁷⁵ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 127.
- ¹⁷⁶ Виноградов В.Б. Время, годы, люди. Грозный, 1980. С. 55.
- ¹⁷⁷ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 37.
- ¹⁷⁸ КРО. Т. 1. С. 265.
- ¹⁷⁹ Там же. Т. 1. С. 377-379.
- ¹⁸⁰ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 96.
- ¹⁸¹ Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI-XVII вв. С. 77.
- ¹⁸² Чахкиев Д.Ю. Из истории вооружения населения Центрального Кавказа // Истоки

- русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 11-12.
- ¹⁸³ КРО. Т. 1. С. 318.
- ¹⁸⁴ Терские тезики- восточные купцы.
- ¹⁸⁵ КРО. Т. 1. С. 108, 139, 140.
- ¹⁸⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 8. Д. 8. Л. 6.
- ¹⁸⁷ РДО. 1988. С. 137.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 138.
- ¹⁸⁹ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
- ¹⁹⁰ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. С. 46.
- ¹⁹¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 292.
- ¹⁹² Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 214.
- ¹⁹³ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVI в. // Исторические записки. М., 1940. № 8. С. 102-103.
- ¹⁹⁴ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 115.
- ¹⁹⁵ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. С. 55.
- ¹⁹⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 20.
- ¹⁹⁷ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 70-71, 73.
- ¹⁹⁸ РДО. 1958. С. 295.
- ¹⁹⁹ Гербер И. // ИГЭД. С. 64.
- ²⁰⁰ Там же. С. 64.
- ²⁰¹ Там же. С. 63.
- ²⁰² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 100; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 83.
- ²⁰³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 160.
- ²⁰⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) / Собр. 1. СПб., 1830. Т. 7. С. 561-563.
- ²⁰⁵ ПСЗ. Т. 7. С. 583.
- ²⁰⁶ Там же. С. 583.
- ²⁰⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 159.
- ²⁰⁸ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. С. 53-54.
- ²⁰⁹ Магомедов Н.А. Указ. соч. С. 138, 148.
- ²¹⁰ История Дагестана. М., 2004. Т. 1. С. 56.
- ²¹¹ Очерки истории СССР. XVIII в. II четверть. М., 1957. С. 447.
- ²¹² Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 86.
- ²¹³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX вв. С. 289.
- ²¹⁴ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 82.
- ²¹⁵ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 56.
- ²¹⁶ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 86.
- ²¹⁷ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 87.

- ²¹⁸ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 87; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 87.
²¹⁹ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 97; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 87.
²²⁰ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 34. Л. 35; Д. 44. Л. 4. 99.
²²¹ Там же. Д. 2. Л. 56, 57, 60.
²²² Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
²²³ Там же. Д. 9. Л. 34, 48.
²²⁴ *Очерки истории СССР XVIII в. Вторая четверть*. С. 747.
²²⁵ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 1. С. 10.
²²⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 3. С. 104.
²²⁷ Там же. Ч. 3. С. 106.
²²⁸ «Моздок» означает в переводе с кабардинского «темный, глубокий лес».
²²⁹ КРО. Т. 2. С. 218-219.
²³⁰ КРО. Т. 2. С. 220.
²³¹ РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. 1. Л. 38-40.
²³² АКАК. Т. 1. С. 81.
²³³ Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 470-471.
²³⁴ Куприянова Л.В. Указ. соч. С. 35.
²³⁵ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 125. Л. 66-67.
²³⁶ Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. С. 85, 148.
²³⁷ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.
²³⁸ Там же. Д. 115. Л. 7.
²³⁹ АКАК. 1870. Т. 4. С. 923.
²⁴⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 34.
²⁴¹ Там же. Д. 1487. Л. 2.
²⁴² Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества. С. 116.
²⁴³ Забудский Н.Н. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. СПб., 1851. С. 177.
²⁴⁴ Капельгородский Ф. Караногай – страна кочевников и патриархального быта. Л. 206.
²⁴⁵ Капельгородский Ф. Указ. соч. Л. 201.
²⁴⁶ АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. С. 867; Нахшунов И.Р. Указ. соч. С. 73.
²⁴⁷ Нахшунов И.Р. Указ. соч. С. 73.
²⁴⁸ Берже А. Татарское племя на Кавказе // *Кавказ*. 1859. № 87.
²⁴⁹ Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 4. С. 99-100.
²⁵⁰ Забудский Н.Н. Обозрение Кавказского края по северную сторону Главного хребта в историческом, географическом, топографическом и статистическом описании. 1852. Т. 3. / *Рукопись* // Ставропольская краевая библиотека. С. 96.
²⁵¹ Кидирнязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX –нач. XX в. Махачкала, 2005. С. 59.
²⁵² Грищенко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в конце XVIII- первой пол. XIX в. С. 54.
²⁵³ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 88.

- ²⁵⁴ Забудский Н. Военно- статистическое обозрение Ставропольской губернии. С. 178.
²⁵⁵ Там же. С. 178.
²⁵⁶ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 29. Л. 48.
²⁵⁷ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 3746. Л. 27.
²⁵⁸ *Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях*. М., 1836. Ч. 4. С. 182.
²⁵⁹ Там же. С. 182-183.
²⁶⁰ АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 130.
²⁶¹ Нахшунов И.Р. Указ. соч. С. 47.
²⁶² Заболоцкий П. Путевые записки из Астрахани в Баку // *ЖМВД*. СПб., 1838. Ч. 29. С. 12.
²⁶³ Заблодский П. Указ. соч. С. 17-19.
²⁶⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1826. Ч. 1. С. 224.
²⁶⁵ Заболоцкий П. Указ. соч. С. 19.
²⁶⁶ *Кавказский календарь на 1858*. Тифлис, 1857. С. 338.
²⁶⁷ АКАК. 1904. Т. 12. С. 415.
²⁶⁸ Козубский Е.И. *Очерки истории города Темир-Хан-Шура* // *СМОМПК*. Вып. 19. Тифлис, 1894. С. 41-42.
²⁶⁹ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.
²⁷⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 167. Л. 116.
²⁷¹ *Народы Дагестана*. М., 2002. С. 53.
²⁷² Грищенко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в конце XVIII- первой пол. XIX в. С. 76.
²⁷³ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 586. Л. 4, 15-17.
²⁷⁴ ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 586. Л. 4, 15-17.
²⁷⁵ Там же. Ф. 444. Оп. 1. Д. 604. Л. 11, 12, 18.
²⁷⁶ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII- первой половине XIX вв. Л.: Наука, 1981. С. 226.
²⁷⁷ Там же. С. 225.
²⁷⁸ Там же. С. 229.
²⁷⁹ Канцкова З.В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2002. С. 74.
²⁸⁰ Малявкин Г.Ф. Указ. соч. С. 160.
²⁸¹ Гварчелидзе С.А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 741-743.
²⁸² ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1487. Л. 13, 42.
²⁸³ *Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля*. Сб. документов. М., 2005. С. 221.
²⁸⁴ Там же. С. 221.
²⁸⁵ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII-начале XIX в. Грозный, 2002. С. 149-150.
²⁸⁶ Грищенко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. С. 37.
²⁸⁷ КРО. Т. 2. С. 237.

- ²⁸⁸ Бутков П.Г. Указ. соч. СПб., 1869. Т. 3. С. 104.
- ²⁸⁹ Там же. Т. 2. С. 10.
- ²⁹⁰ Иноземцева Е.И. Характер таможенной политики контрагентов русско-дагестанской торговли в 18-19 веках. // Кизляр в Кавказской политике России: История и современность. Кизляр, 2005. С. 84.
- ²⁹¹ Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI-начале XX вв. Грозный, 1981. С. 91.
- ²⁹² КРО. Т. 2. С. 229-230.
- ²⁹³ Газета «Кавказ». № 11. 1847 г.
- ²⁹⁴ Народы Дагестана. М., 2002. С. 53.
- ²⁹⁵ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. // ИГЭД. С. 44.
- ²⁹⁶ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера... С. 109.
- ²⁹⁷ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 405; Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С. 22.
- ²⁹⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 68; Д. 915. Л. 145.
- ²⁹⁹ Акбиев А.С. Указ. соч. С. 117.
- ³⁰⁰ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 136.
- ³⁰¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 750. Л. 18, 28, 40.
- ³⁰² Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 96.
- ³⁰³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 710. Л. 12, 40.
- ³⁰⁴ Там же. Л. 69.
- ³⁰⁵ Там же. Д. 1183. Л. 80.
- ³⁰⁶ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII-XVIII вв. С. 225.
- ³⁰⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1, 2.
- ³⁰⁸ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 100.
- ³⁰⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 448. Л. 8.
- ³¹⁰ Там же. Д. 660. Л. 13-59.
- ³¹¹ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 209.
- ³¹² ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 750. Л. 3, 12, 18, 28.
- ³¹³ Там же. Д. 873. Л. 3, 4; Д. 884. Л. 12.
- ³¹⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 881. Л. 770; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 114.
- ³¹⁵ ИГЭД. С. 243.
- ³¹⁶ Там же. С. 242.
- ³¹⁷ ИГЭД. С. 214, 242.
- ³¹⁸ Там же. С. 242.
- ³¹⁹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX в. С. 74.
- ³²⁰ ИГЭД. С. 307.
- ³²¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX вв. С. 74.
- ³²² Джахияев Г.А. Роль Кизляра в экономической и политической интеграции Дагестана с

Россией в конце XVIII- нач. XIX вв. // Кизляр в Кавказской политике России: история и современность. Кизляр, 2005. С. 109.

- ³²³ Там же. С. 109.
- ³²⁴ ЦГА РД. Ф. 350. Оп. 1. Д. 41. Л. 1, 42.
- ³²⁵ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 114.
- ³²⁶ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период (1861-1900 гг.). Махачкала, 1972. С. 95.
- ³²⁷ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX вв. С. 54.
- ³²⁸ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1157. Л. 8.
- ³²⁹ Там же. Оп. 3. Д. 138. Л. 28.
- ³³⁰ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 84-85.
- ³³¹ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX вв. С. 54.
- ³³² Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. С. 97.
- ³³³ ЖМВД. М., 1830. Кн. 5. С. 132.
- ³³⁴ Сборник газеты «Кавказ» за первую половину 1848 г. Тифлис, 1848. С. 167.
- ³³⁵ Народы Дагестана. М., 2002. С. 87.
- ³³⁶ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. С. 98.
- ³³⁷ Кавказский календарь на 1853 год. Тифлис, 1852. С. 285.
- ³³⁸ ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 27. Л. 68, 88-89, 141, 218.
- ³³⁹ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 55.
- ³⁴⁰ РГИА СПб. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 782-а. Л. 59.
- ³⁴¹ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 177-179.
- ³⁴² ГАСК. Ф87. Оп. Д. 43. Л. 47.
- ³⁴³ Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975. С. 56.
- ³⁴⁴ Там же. С. 56.
- ³⁴⁵ Там же. С. 56.
- ³⁴⁶ Там же. С. 57.
- ³⁴⁷ Цит. по: Гриценко Н.П. Истоки дружбы. С. 57.
- ³⁴⁸ ГАСК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 435. Л. 431.
- ³⁴⁹ Там же. Д. 282. Л. 446-448.
- ³⁵⁰ Там же. Л. 448.
- ³⁵¹ РГИА. СПб. Ф. 1268. Оп. 9. Д. 54. Л. 27.
- ³⁵² ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 604. Л. 11, 12, 18.
- ³⁵³ Небольсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1. С. 222.
- ³⁵⁴ Куприянова Л.В. Указ. соч. С. 31.
- ³⁵⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 225, 279, 280, 380.

- ³⁵⁶ Небольсин Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 43, 66.
- ³⁵⁷ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII-первой пол. XIX в. С. 70.
- ³⁵⁸ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 58.
- ³⁵⁹ ГАСК. Ф. 79. ОП. 1. Д. 1596. Л. 2, 15.
- ³⁶⁰ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 60.
- ³⁶¹ Записки о Кизляре // ЧОИДР. М., 1861. С. 109.
- ³⁶² Гарунова Н.Н. Кизлярско-ставропольские торгово-экономические связи в XVIII-нач. XX в. // Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 2002. С. 161.
- ³⁶³ Бентковский Г.В. Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии // Ставропольские губернские ведомости. 1882. № 31.
- ³⁶⁴ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северо-Восточного Кавказа в XIX- нач. XX в. Махачкала, 2005. С. 85.
- ³⁶⁵ Бентковский Г.В. Указ. соч. № 31.
- ³⁶⁶ Равинский И.В. Указ. соч. С. 446-447.
- ³⁶⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Д. 39. Л. 421.
- ³⁶⁸ Цит. по: Гриценко Н.П. Истоки дружбы. С. 106.
- ³⁶⁹ Народы Дагестана. С. 55.
- ³⁷⁰ Шигабудинов М.И. Владикавказская железная дорога и создание единого промышленного комплекса на Северном Кавказе (конец XIX –нач. XX в.) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа / Тезисы докладов Международных научных конференций. Махачкала, 2004. С. 197.
- ³⁷¹ Там же. С. 197.
- ³⁷² Народы Дагестана. С. 57.
- ³⁷³ Там же. С. 57.
- ³⁷⁴ Там же. С. 57.
- ³⁷⁵ Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа. С. 196.
- ³⁷⁶ Якобий А.И. Указ. соч. С. 34.
- ³⁷⁷ Фарфоровский С.В. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа. С. 196.
- ³⁷⁸ Первая всеобщая перепись Российской империи. 1897. LXVII. Ставропольская губерния. 1905. С. 98-99; LXII. Дагестанская область. С. 142-143.
- ³⁷⁹ Миллер В.Ф. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9. С. 69.
- ³⁸⁰ Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 80.
- ³⁸¹ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 34.
- ³⁸² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 269.
- ³⁸³ Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 198-199.
- ³⁸⁴ Там же. С. 199.
- ³⁸⁵ Зильпукарова Э.М.-Г. Интеллигенция Дагестана на рубеже XIX-XX веков: пути формирования и практическая деятельность. Автореферат диссертации доктора истор.наук, Махачкала, 2004. С. 45.
- ³⁸⁶ Ставрополь – врата Кавказа. Ставрополь, 2002. С. 264.
- ³⁸⁷ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Указ. соч. С. 146.

- ³⁸⁸ Керейтов Р.Х. Общeturкские элементы в этнической истории и бытовой культуре ногайцев: автореф. диссертации докт. ист. наук. М., 2002. С. 25.
- ³⁸⁹ Виноградов Б.С. Кавказ в творчестве Л.Н. Толстого. Грозный, 1959. С. 159-160
- ³⁹⁰ Керейтов Р.Х. Общeturкские элементы в этнической истории... С. 25.
- ³⁹¹ Востриков П.А. Станица Наурская // СМ ОМПК. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 258.
- ³⁹² Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. С. 240.
- ³⁹³ Бегеулов Р.М. Из истории межэтнических контактов карачаевцев и абхазов// De Caucasus: историко-этнографический альманах. Вып. 1. Карачаевск, 2009. С.36.
- ² Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 71-72.
- ³ Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (на примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 142.
- ³⁹⁵ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 200. С. 185.
- ³⁹⁶ Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // СМ ОМПК. Тифлис, 1907. Вып. 37. С. 64.
- ³⁹⁷ Караулов Н.А. Говор гребенских казаков // СМ ОМПК. Тифлис, Вып. 37. С. 108-109.
- ³⁹⁸ Сб. Туркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 149.
- ³⁹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 142.
- ⁴⁰⁰ Туркизмы в восточнославянских языках. С. 149,233.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 209.
- ⁴⁰² Русско-чеченский словарь. М., 1978.
- ⁴⁰³ Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. Ч. 3. С.7.
- ⁴⁰⁴ Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 151; Гусейнов Г.-Р. А.-К. Туркизмы в чеченском языке // Турко-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 145-146.
- ⁴⁰⁵ Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 4. С. 126.
- ⁴⁰⁶ Там же. Ч. 4. С. 78.
- ⁴⁰⁷ Алборов Б.А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северокавказского пединститута им. Гадиева. Т. 9. Орджоникидзе, 1932. С. 275-276.
- ⁴⁰⁸ Миллер В.М. В горах Осетии // Русская мысль. М., 1881. Кн. 9. С. 70.
- ⁴⁰⁹ Кокнев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 19.
- ⁴¹⁰ Миллер В.М. Указ. соч. С. 71.
- ⁴¹¹ Кокнев Г.А. Указ. соч. С. 19; Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М., 2004. С. 89-90, 120.
- ⁴¹² История Северо-Осетинской АССР. Т. 1. С. 161.
- ⁴¹³ Там же. Т. 1. С. 161.
- ⁴¹⁴ Кунов Н.А. Моздокские кабардинцы (историко-этнографическое исследование). Майкоп, 2002. С. 54, 55, 56, 62.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 48, 64, 65.
- ⁴¹⁶ Там же. С. 53.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 70, 71.
- ⁴¹⁸ Там же. С. 66, 109-111.
- ⁴¹⁹ Полевой материал, собранный в 1989 г. Л. 67.
- ⁴²⁰ Там же. Л. 105.

- ⁴²¹ Кидирниязов Д.С. Институт аталычества у ногайцев // Второй Международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа, 1997. Ч. 2. С. 31.
- ⁴²² Гаджиева С.Ш. Очерки семьи и брака у ногайцев С. 119.
- ⁴²³ Кидирниязов Д.С. Институт аталычества у ногайцев. С. 31.
- ⁴²⁴ ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 69. Л. 22.
- ⁴²⁵ Там же. Л. 22-23.
- ⁴²⁶ Феодалные отношения в Дагестане XIX-нач. XX. / Архивные материалы. Сост. Хашаев. Х.-М. М., 1969. С. 88.
- ⁴²⁷ Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1883. Т. 2. С. 252.
- ⁴²⁸ Цит. по кн.: Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. Махачкала, 1995. С. 29.
- ⁴²⁹ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. М., 1846. С. 145.
- ⁴³⁰ Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. С. 36-37.
- ⁴³¹ Там же. С. 38, 127.
- ⁴³² Дзарасов А.А. Взаимоотношения алан-осегин с народами Кавказа в средние века: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Владикавказ, 1999. С. 17.
- ⁴³³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. С. 59.
- ⁴³⁴ Меретуков И.А. Семья и брак у адыгейских народов. Майкоп, 1987. С. 186.
- ⁴³⁵ Заседателяева Л.Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI – XIX веке. // Кавказский этнографический сборник. / Т. 8. М., 1984. С. 58.
- ⁴³⁶ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. С. 60.
- ⁴³⁷ Кабардино-русские отношения в XVI- XVIII вв. М., 1957. Т. 2. С. 64, 221; Русско-дагестанские отношения в XVIII- начале XIX века. М., 1988. С. 33.
- ⁴³⁸ КРО. Т. 2. 180; РДО. С. 70-71; ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105. Л. 30.
- ⁴³⁹ Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в прошлом и настоящем // СМОМПК. Вып. 44. Тифлис, 1915. СЧ. 97.
- ⁴⁴⁰ Цит. по кн.: Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. С. 63.
- ⁴⁴¹ Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912. С. 111.
- ⁴⁴² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII- XIX вв. С. 63.
- ⁴⁴³ Там же. С. 107-108.
- ⁴⁴⁴ Оразаев Г.М. К истории ногайско-кумыкских взаимосвязей // Тезисы докл. науч. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986. С. 38.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 38.
- ⁴⁴⁶ Там же. С. 38.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 38.
- ⁴⁴⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1974. 2. С. 218.
- ⁴⁴⁹ Полевой материал, собранный в 1989 г. Л. 105, 126.
- ⁴⁵⁰ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалев А.И. Указ. соч. С. 153.
- ⁴⁵¹ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 35-35 о.б. 105, 135.
- ⁴⁵² Полевой материал, собранный в 1989 г. Л. 137.
- ⁴⁵³ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 239.

- ⁴⁵⁴ Заседателяева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-нач. XX вв.). М., 1974. С. 39.
- ⁴⁵⁵ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Армавир, 2001. С. 125.
- ⁴⁵⁶ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII- XIX вв. С. 35-36.
- ⁴⁵⁷ Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 110.
- ⁴⁵⁸ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII- XIX вв. С. 225-226.
- ⁴⁵⁹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 255.
- ⁴⁶⁰ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на –Дону, 2001. С. 226.
- ⁴⁶¹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 258.
- ⁴⁶² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. Ростов-на –Дону, 2001. С. 226.
- ⁴⁶³ РГВИА. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 503. Л. 34-34 об.
- ⁴⁶⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. С. 228-229.
- ⁴⁶⁵ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Ч. 2. С. 328.
- ⁴⁶⁶ Виноградов Б.В. Н.И. Пирогов в нашем крае // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964. Вып. 1. С. 141.
- ⁴⁶⁷ Там же. С. 146.
- ⁴⁶⁸ Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев. С. 87.
- ⁴⁶⁹ Иванов С. Чечня // Москвитянин. М., 1851. № 1-2. С. 51.
- ⁴⁷⁰ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX вв. С. 59.
- ⁴⁷¹ КРО. Т. 1. С. 317.
- ⁴⁷² История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 358-359.
- ⁴⁷³ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 79.
- ⁴⁷⁴ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 45. Л. 10, 35, 36, 105, 135.
- ⁴⁷⁵ Пользуясь случаем хочу выразить мою искреннюю признательность д.ф.н., проф. М.-С. Мусаеву за любезно предоставленный материал.
- ⁴⁷⁶ Информатор д.ф.н., проф. М.-С.М. Мусаев.
- ⁴⁷⁷ Там же. С. 27.
- ⁴⁷⁸ Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. С. 345.
- ⁴⁷⁹ Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 3. С. 7; Ч. 4. С. 219.
- ⁴⁸⁰ Сб. Поэтика чеченских героических песен или. Грозный, 1983. С. 104-117.
- ⁴⁸¹ Далат У.Б. Геронический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 339.
- ⁴⁸² Великая Н.Н. Вайнахо-ногайские религиозно культурные параллели // Проблемы происхождения нахских народов: Всесоюз. науч. конф. / Тезисы докладов. Шатой, 1991. С. 59.
- ⁴⁸³ Там же. С. 59.
- ⁴⁸⁴ Гамзатов Г.Г. Масштабы национального самосознания и самочувствия // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. Махачкала, 1993. С. 8.
- ⁴⁸⁵ Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографической Комиссией. Вып. V. СПб., 1846. С.1-10, № 28.
- ⁴⁸⁶ Смирнов В.П. Описание русских медалей. СПб., 1908. С.248. № 489.
- ⁴⁸⁷ РГВИА. Ф.395. Оп.144. Д.3. Л.1об, 23.

⁴⁸⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Вып.10. СПб., 1908. С.26.

⁴⁸⁹ РГИА. Ф.583. Оп.4. Д.331. Л.56.

⁴⁹⁰ Там же. Ф.570. Оп.8. Д.523. Л.9. об., 10.

⁴⁹¹ Там же. Оп.11. Д.891. Л.41 об.; д.1269. Л.10 об.

⁴⁹² Там же. Оп.11. Д.891. Л.41 об.; д.1269. Л.10 об.

⁴⁹³ НИОР РГБ. Ф.344. № 319. Л.13 об., 14.

⁴⁹⁴ РГАВИА. Ф.395. Оп.144. Д.3. Л.2.

⁴⁹⁵ РГВИА. Ф.395. Оп.144. Д.3. Л.5-6 об.

⁴⁹⁶ Там же. Л.14. 14 об.

⁴⁹⁷ Там же. Л.11. 11 об.

⁴⁹⁸ Там же. Оп.145. Д.221. Л.2 об., 3.

⁴⁹⁹ В апреле 1839 г. «для всех показанных в настоящем списке лиц разослано медалей 2714, в том числе: 1) для князей и дворян Мингрелии и Имеретии – 621, 2) для почетнейших старшин Ахалцихской провинции – 304, 3) для беков и почетнейших старшин Грузии – 580 и 4) для городских чиновников, князей и других почетных лиц Кавказской области – 663».

⁵⁰⁰ РГВИА. Ф.395. Оп.145. Д.321. Л.3.

⁵⁰¹ Там же. Оп.144. Д.3. Л.113, 113 об.

⁵⁰² Там же. Д.297. Л.1, 1 об., 11.

⁵⁰³ РГВИА. Ф.395. Оп.144. Д.297. Л.12, 138, 138 об.

⁵⁰⁴ РГВИА. Ф.468. Оп.5. Д.156. Л.181.

⁵⁰⁵ Петерс Д.И. Наградные медали... Каталог, 1996. С.129; ПСЗ/2/, № 12682.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дорогие читатели! <i>Бийке Кулунчакова</i>	3
Введение	5
Глава I Этническая карта региона. Территория расселения и численность ногайцев Северо-Восточного Кавказа.....	13
Глава II Экономические связи ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII- XIX вв.	23
§ 1. Хозяйство ногайцев	23
§ 2. Развитие торгово-экономических отношений ногайцев с народами региона	36
Глава III Культурные связи ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа.....	71
Заключение.....	92
Литература	97
Приложение	107
Список сокращений.....	134
Сноски	135

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ НОГАЙЦЕВ**

Редактор *Б. Кулунчакова*

Художник *М. Левченко*

Художественный редактор *М. Левченко*

Корректор *М. Мурзагельдиева*

Технический редактор *В. Гаджиева*

Лицензия ИД 05334 от 10.07.01

Подписано в печать 13.08.10.

Формат 60 x 84 /₁₆ Бумага офсетная.

Гарнитура "Times". Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,0. Уч-изд.л. 8,4. Тираж 500.

Заказ № 1374. Цена свободная.

ГУ «Дагестанское книжное издательство»
Комитета по печати и массовым коммуникациям РД
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Отпечатано с диапозитивов
ГУ «Дагестанское книжное издательство» в
ООО «Дагпресс-Медиа»
367000, Махачкала, ул. Даниялова, корпус 48.

